

АЛЕКС ЭДЕЛЬВАЙС

ОШИБКА

Алекс Эдельвайс

Ошибка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66584530

SelfPub; 2023

Аннотация

Что, если однажды узнать, что на Земле ты живёшь в наказание за провинности в прошлой жизни? Однако всегда есть второй шанс: чтобы доказать свою пригодность, ты становишься винтиком в шестерёнке, двигающей войну – но не простую, а скрытую, и не человеческую, а божественную, и стоишь в одном ряду с такими же, как и ты, людьми из иного мира. Но и по окончании войны тебя ждёт дилемма: обрести вечный покой или же получить то, чего так не хватало до этого – собственное место в любимом тобой мире...

Содержание

Часть 1	4
Глава 1. Студент-суицидент познаёт истину	4
Глава 2. Огонь цвета циан больше не разгуливает свободно	41
Глава 3. Последняя искра перед окончательным растворением в долге	52
Часть 2	62
Глава 1. Пост сдал – пост принял, или Страдания взрослого Винтерхальтера	62
Глава 2. Спасение утопающего – дело рук его брата по несчастью; кто ищет – тот Лоренс	88
Глава 3. От всего плохого можно избавиться при помощи леденца на палочке или пульверизатора	126
Глава 4. Армия побеждает, Главнокомандующий сдаётся	165
Эпилог	213

Алекс Эдельвайс

Ошибка

Часть 1

Глава 1. Студент- суицидент познаёт истину

*Nothing is numbing my pain
The fragments of my faith
Became the blade in my hand.
Just darkness my eyes see
Pushed me to the end of all dead-end-streets.
Heaven Shall Burn “Numbing the pain”*

*Your mortality is the highest prize;
Your mind's intricate in a labyrinth turned inside out.
Epica “Dancing in a Hurricane”*

«Ну что ж, утречко доброе...» – сказал он сам себе; сказало это не имеющее формы сознание своей постоянной вот уже на протяжении 20-и с лишним лет тюрьме.

Сегодня даже вгрызающееся в личное пространство и бла-

горазумие солнце не сводило с ума, как обычно, хотя палило в самое окно. Проснувшись, он чувствовал лёгкую тошноту и какое-то смутное волнение – кажется, вчера он принял какое-то решение, и кажется, оно одновременно угнетало и воодушевляло, спасая и от солнечного монстра, и от обычно наваливавшейся с самого утра давящей безнадёжности бессмысленных обязательств непонятно перед кем.

Он проснулся, но чувство было, как во сне. Такое уже бывало несколько раз в жизни, и каждый раз во время таких моментов казалось, что после этого всё кардинально изменится; но ничего, конечно же, не менялось. Но всегда было это чувство свободы и безнаказанности, чувство, будто с тебя разом всё сбросили, или что у тебя вообще нет тела – ты просто дух, привидение, наблюдатель, и только при желании – активный участник; никто тебя не заставляет, да и что тебе до этих смертных?

Он сел на кровати. Он не очень понимал, почему так хочет спать. Будильник прозвенел ещё раз... Будильник? Вчера он по привычке снова его поставил. А, что это?.. Внезапное помутнение, молниеносное опустошение. Быстрее! Автоматизм.

Очнулся он, стоя в душном вагоне метро, прислонившись к стене, настоятельно призывающей «не прислоняться».

«Чёрт, я опять... Это всё проклятый будильник! Он запустил этот чёртов ежедневный сценарий... Так, впредь нужно быть сознательнее. Сосредоточься!»

Один малейший проступок, одно мизерное отклонение от установленного порядка запускало процесс, который было не остановить – он брал своё до конца, чем дальше, тем интенсивнее, пока не выжимал всё и не подходил к той точке, с которой уже нельзя продолжать. Только тогда всё заканчивалось. А можно ли определить эту точку в глобальном смысле? Он часто думал над этим, и в силу того, что всё продолжалось даже тогда, когда казалось, что дальше некуда, пришёл к выводу, что нет. Максимализм пришлось оставить повседневности. Машинально он полез в карман, достал наушники. Оп, вылет!

Осознанность потихоньку вернулась, когда он подошёл ко входу в университет. Глупо было бы, наверное, топтаться на месте или тупо повернуть назад. Всегда боясь выглядеть глупо, он вошёл. «В конце концов, почему бы и нет... Времени ещё куча, а впереди у меня целая вечность».

Усаживаясь за парту, он спохватился. Нужно было совершить ежедневный ритуал – вспомнить своё имя, на случай, если вдруг обратятся. Спать хотелось жутко, и он чуть было не отключился снова. Почему-то обычно всегда помогало смотреть на свои руки. Видишь руки, затем примерно представляешь тело, а потом вспоминается имя и статус. Но в этот раз он просто порылся в рюкзаке – о, корочка – пожалуйста: имя, факультет, даже фотография. Он вздохнул с облегчением.

– Итак, Вы помните какие-нибудь цели и принципы из

устава ООН?

Вопрос был явно обращён к нему.

– М-м-м...

– Только некоторые из них. Помните, мы в прошлый раз обсуждали их перевод.

Спокойный, вкрадчивый голос. Приветливая улыбка. Он бы ответил, конечно же, да вот только он снова рассеялся. Тут бы себя заново вспомнить, боже мой, где там эта карточка... Витал где-то под потолком, а кругом туман... Какой-то голос издалека...

– Ладно, давайте я Вам немного подскажу? Например, «... вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и...»

На последнем слове его сознание как будто немного прояснилось.

– Подождите! Мне кажется, я вспомнил что-то, что-то важное, дайте мне несколько секунд...

– Хорошо.

Нет, ничего особенного: на ум всего лишь пришло слово *Dignitas*¹, заслуженно величающее швейцарскую некоммерческую организацию, предоставляющую людям в невыносимом состоянии здоровья возможность закончить жизнь асистлируемым самоубийством.

– А... извините. Я вспомнил не то. Просто... не спраши-

---

¹ Игра слов: устав ООН изначально написан на английском; «достоинство» по-английски – «dignity».

вайте меня, пожалуйста. Я не знаю ответа.

– С Вами всё хорошо? Может, Вы плохо себя чувствуете?

– Ах да, да, но, знаете, ничего серьёзного – просто погода сегодня такая.

Это стоило огромных усилий. Но он смог, он собрался, он сказал, и, когда от него отстали, развеялся снова. Как обычно, в голове звучали какие-то диалоги, совершенно не к месту...

И зачем он только вошёл сюда? Пора собраться. Срочно. Неужели и без того не хватало этого ежедневного спектакля; какой смысл напоследок позориться?..

...проклятый будильник.

С твёрдой решимостью уйти сейчас же, он оказался сидящим на следующей паре.

Ох, эта монотонность всегда заставляла его закатывать глаза. Тянется, как сыр в макаронах... оп, кажется, появилась какая-то новая интонация. Так, собраться. Есть контакт. Что у нас тут?..

Ясно. Взгляд направлен на него. Ему снова задали вопрос.

– Не могли бы Вы, пожалуйста, повторить вопрос? Я хотел просто уточнить некоторые детали, чтобы ответить правильно.

– Кхм... Уточнять там, собственно, нечего – я спросила, что такое i-мутация.

– А, хорошо. I-мутация. I-мутация это-о...

Внезапно он устал. Ему даже не захотелось передвигать

язык.

– А вообще, если честно, мне абсолютно похер.

Он поднялся и покинул университет.

Выйдя на воздух, он вздохнул с облегчением. Осознанность на время вернулась; и это утреннее ощущение безнаказанности – будильника будто и не было.

Солнце то выходило, то заходило за облака; порывами дул весенний ветер, и прошлогодние листья порхали в воздухе. Необъяснимая лёгкость несла его по улице, словно медленное течение по реке. С лица не сходила блаженная улыбка; тела не ощущалось – только самый верх головы. Он еле сдерживался, чтобы не начать смеяться.

Изредка проходящие мимо люди казались просто декорациями. С кучей всего лишнего, искусственного, бессмысленного, ненужного. Но какая ему уже разница.

Он лежал на холодной земле, только-только начавшей покрываться свежей тонкой травой. Сверху ослепительно светило солнце, пронизывая лучами воздух и делая его нереальным. Листья летали в потоках ветра столбами.

Так холодно со спины и такое тепло льётся сверху. Он осуществил свою давнюю мечту – просто лежал без движения, не думая, полностью расслабив всё тело. Хотя нет, полностью никогда не получалось – шея и затылок всегда оставались напряжёнными. Этаким недо-труп.

Какое же наслаждение. Идеальное состояние.

В детстве – да и потом – он часто предельвал следующую вещь: нырял под воду и застывал. В море это было особенно удобно – можно было держаться за водоросли. Цель была в достижении особого положения: когда тело неподвижно, вода вокруг тоже со временем будто застывает, и постепенно создаётся ощущение, что воды вокруг нет и вовсе, что ты висишь в воздухе. Да и это большой вопрос – в атмосфере всё-таки время от времени появляется хоть какой-то ветерок, какие-никакие воздушные потоки нет нет, да пошевелият волоски на руках. А тут – вакуум. И это было удивительно, гипнотизирующе; можно было бы так и застыть на бесконечно долгое время, если бы только лёгкие не начинали сжиматься, заставляя, дотянув до последнего момента, выныривать на поверхность.

Сейчас это вспомнилось... Он перестал чувствовать конечности, затем и туловище. Осталась только голова. Лёгкость. Как будто он уже исчез. Даже не хочется ничего.

Он не помнил, сколько так пролежал. Благо, в лесу никого не было. Однако он начал чувствовать прохладу и характерный запах воды и сырости, а небо из голубого стало сиреневым. Надо было встать.

Он шёл между деревьями, как тень; медленно, отсутствующе. Дошёл, наконец, до железной дороги. Свет её фонарей шнырял промеж тёмных стволов, создавая ощущение, будто впереди – сцена с прожекторами.

«Что ж, я всегда втайне мечтал стать актёром».

Подъём на насыпь длился бесконечно долго. Теперь оставалось только дожждаться поезда.

На какое-то мгновение накатила странная весёлость. А потом ещё вспомнилось, как в школе, на математике, приступая к решению задачи, которую он заведомо знал, что не решит, он радовался, пока писал номер упражнения и чертил схему – это были те короткие секунды, оттягивающие неизбежное; и, хотя они быстро проходили, он мог сказать, что пока, в этот конкретный момент, волноваться не о чем. Ну а потом ему просто не оставят выбора.

При звуках приближающегося поезда он был полон твёрдости и решимости. Одёрнуть себя, привести в состояние дисциплинированности и безоговорочности. Это ему удалось блестяще; он почти внутренне торжествовал, если бы не животный ужас и оглушительный лязг в ушах.

Однако это были не единственные проблемы брэнной оболочки: в следующий момент, когда он вот-вот собирался кинуться вперёд, в глазах резко потемнело, и он...

...упал.

Но, по законам физики, не в ту сторону.

Падая назад, он успел одновременно подумать о собственной ничтожности и испытать подобие облегчения.

***

Последняя звезда клонилась к закату. В низине между

холмами, которые простирались к горизонту и плавно переходили в хрустальные, растворяющиеся в небе горы, сидела группа фигур. Расположились довольно расслабленно, однако в позах всё равно чувствовалась твёрдость и прямота осанки. Длинные белые волосы, которым наконец дали волю после насыщенного дня, слегка колыхались лёгким вечерним ветерком, изредка прилетавшим с ближайшего озера. Посередине своеобразного круга горел костёр; его сине-фиолетовые сполохи время от времени отражались в устало-спокойных, сосредоточенно-восторженных глазах сидящих.

Одна фигура немного выделялась на фоне других. Казалось, остальные слушают то, что говорит этот человек. Подойдя поближе, можно было заметить в его чёрных миндалевидных глазах, отражающих фиолетовые блики, тень высокомерия, дымку чуть завышенного чувства собственного достоинства.

На секунду воцарилось молчание, и тема разговора переменялась.

– А ведь скоро состоится обряд посвящения нового жреца. Не могу поверить... совсем недавно были эио-ом² сорев-

---

² Эио-ом («эио» – небо, «ом» – предлог к, т.е. дословно «к небу») – животные, по виду напоминающие нечто среднее между рысью и львом, при этом имеющие крылья и способные летать довольно высоко и на большие расстояния. Эио-ом обладают полностью белой окраской и обычно янтарного цвета глазами. Под ушами у этих животных находится два больших пера; перья также есть на кончике хвоста. Эти животные считаются священными и взаимосвязаны с людьми по нескольким причинам. Во-первых, питаются эио-ом «сгустками» энергии шарообразной формы, которые возникают на местах, где люди эту энергию использо-

нования, а уже...

– Вот-вот! Не успел я снять опознавательные перья...

– Интересно, кто будет новым жрецом?

– Ну уж явно не ты!

– Да я и не претендую...

Пока более молодые люди шутили препирались, внимание остальных было неосознанно приковано к тому самому человеку, который сейчас слегка потупил горделивый взгляд, выжидаяще смотря куда-то в огонь. Наконец кто-то

вали. Проходит это в виде настоящей охоты, поскольку поймать эти быстро передвигающиеся сферы не так-то просто. Во-вторых, люди и эио-ом положительно влияют друг на друга при тесном взаимодействии – например, когда сознание человека контактирует с сознанием этого животного во время эио-ом соревнований (на скорость) для достижения лучших результатов. Таким образом люди и эио-ом «делятся» друг с другом жизненными силами. Этих животных ни в коем случае нельзя использовать в каких-либо практических целях (за исключением облёта границ, что не представляет из себя принудительный труд) и тем более наносить им вред. Человек может «призвать» эио-ом, издав определённый звук, стоя на возвышенности: прилетит тот, что поблизости. Затем животное отпускают; никто не держит их при себе. Перед эио-ом соревнованиями люди могут выбирать себе животных, предварительно испытывая, и исключительно на этот период цепляют на них «опознавательные перья», чтобы не запутаться, где чей эио-ом. Затем их снимают в обязательном порядке; также перед любыми войнами тщательно проверяют, чтобы на территории поблизости и тем более в самом поселении не было ни одного из этих животных. Ещё одна особенность эио-ом – эмпатия. Это означает, что во время каких-либо конфликтов – которые случаются крайне редко – животное чувствует половину боли, причиняемой другому. Это позволяет им не наносить смертельных повреждений и вовремя останавливаться. Обитают эио-ом высоко в горах. Так же, как и люди, они могут использовать священные пещеры. Все обитатели данного мира – в том числе люди и эио-ом – являются бесполоыми.

осторожно заметил:

– Нет смысла спорить. Вероятнее всего, новым жрецом будет Эйи, – он неуверенно и с каким-то благоговением посмотрел на того, про кого говорил. – Во всяком случае, не стоило начинать эту тему – всё равно заранее мы ничего не имеем права знать...

– Да, это так. Я буду следующим жрецом, – Эйи резко поднял чёрные глаза и окинул ими притихшие, будто застывшие на этих словах фигуры.

Молчание длилось несколько секунд. Наконец кто-то ошеломлённо выпалил:

– Ты зачем... Ты же не имел права этого говорить! В смысле, что... правила запрещают будущему жрецу сообщать о Её решении заранее, иначе может быть...

– Я рад, что ты выучил правила, – несмотря на то, что пришлось перебить, голос был спокойный, примиряющий, хоть и не без самоуверенных ноток. – Я просто считаю правильным то, что говорю и делаю, а говорю я то, что нет абсолютных правил. Я не вижу смысла конкретно в этом. Какая разница, когда мой статус будет объявлен – я с самого начала это знал: есть такие вещи, которые понятны без ритуалов и без предварительных разъяснений.

Люди смотрели с лёгким укором. Они уже оправились от первого впечатления, и теперь осталось лишь недоумение; однако не могли они побороть в себе уважение, которое закрепилось годами и не могло быть поколеблено. К

яростно-одухотворённой харизме и негласному авторитету Эйи теперь добавился ещё и статус, выносящий его за рамки обычного человека; потому остальные и не возражали.

Разговор продлился ещё немного; обсуждали, в основном, прошедшее за день. Когда стемнело, пошли домой; Эйи отделился от группы, прошёл немного вдоль холма, дойдя до небольшого озерца. Сел на обломок скалы (он был ещё тёплый), опустил босые ноги в холодную воду. Однако вскоре волнение стало сложно терпеть – вплоть до того, что в голове появился лёгкий фоновый гул. Он слегка усмехнулся: разве у кого-то ещё была с Ней такая сильная связь?

Вообще, он искренне любил своих соплеменников. Ему хотелось покровительствовать и помогать им; он считал свой народ действительно достойным. К тому же Она говорила, что они все были одним целым когда-то. Но нельзя, никак нельзя было не чувствовать незначительного, скользящего сквозь каждый день, растущего на почве мнимой исключительности такого же искусственного превосходства.

Он встал и пошёл вслед за остальными.

– Скажи, пожалуйста, чего ты добиваешься?

Она сидела, положив ногу на ногу, подперев голову рукой, на которой изредка перезвякивали металлические браслеты. Это была одна из Её оболочек: как раз та, в которой Она обычно являлась этим людям. Её собственные создания, они обладали всеми теми качествами, которые позволяют чело-

веку совершенствоваться вплоть до достижения идеала: отсутствие агрессии по отношению к ближнему и неуёмная тяга к творению.

Эйи стоял перед Ней, прямо, но как-то немного расслабленно; впрочем, у жрецов (хотя он пока ещё таковым не являлся) были особые привилегии.

– Если честно, я Вас не очень понимаю.

– Прекрати, а? Охота тебе сейчас слушать подробные объяснения? Уверена, тебе есть чем заняться.

– Вы про то, что я рассказал всем, что Вы выбрали меня?

– И про это тоже. Просто это очень странно. Не понимаю, зачем ты так поступаешь. У тебя прекрасные способности и задатки – не надо делать такое лицо, тебе ещё много чему учиться; тебя любят и уважают соплеменники, они с готовностью и доверием идут за тобой – обычно к людям в твоём положении относятся куда более холодно; в чём дело? Мне неприятно такое отношение.

– Неужели Вас так задело нарушение формальности? – он поднял бровь.

– Прекрати, – было видно, что Она раздражена. – Ты прекрасно понимаешь, что мне не столько важны формальности, сколько то, что стоит за их нарушением; важно знать, где произошёл сбой. Поэтому отвечай нормально, если не хочешь, чтобы я это узнала по-другому.

– Что плохого в том, что иногда я поступаю так, как считаю нужным? Я не имею на то права?

– Ты много на что имеешь право. Но ты проявляешь своеволие там, где это не имеет смысла. Например, что ты сделал с тем пришельцем, главой этих варваров?

– Поговорил с ним, затем у нас был поединок, на котором он проиграл.

– Тебе с ним что сделать надо было?

– Убить без всяких разговоров.

– В чём же было дело?

– Ну, во-первых, у меня выдался относительно свободный день. Я быстро восстановил силы после битвы, и мне стало скучно. А этот человек показался мне интересным. К тому же та штука, которой он пользовался, показалась мне довольно... занимательной.

– Занимательной?..

– Да, правда очень громкой. Если честно, у меня немного болела голова...

Она промолчала.

– И что не так – ведь в конце он всё равно, разумеется, умер, – Эйи пожал плечами.

– А то, что до тебя никто не додумывался унижать пленных.

– Да я его и не унижал!

– Это тебе так кажется, – Она вздохнула. – Пойми, мне совсем не хочется вас ни в чём ограничивать. Но твоё поведение мне непонятно; оно вызывающе. Боюсь, если это продолжится, я не смогу доверить тебе должность жреца – у ме-

ня просто не будет выбора.

– А то, что это моё предназначение, Вас не смущает? – пробормотал он, но тут же одёрнул себя.

Не терпелось закончить этот разговор. Он улыбнулся.

– Я приму Ваши слова к сведению. Постараюсь, чтобы такого больше не повторилось.

Она посмотрела на него круглыми глазами и ничего не ответила; пользуясь произведённым шоком, он быстро вышел.

– Сегодня я сам проверю границы, отдохай, – бросил он человеку, нехотя усаживающемуся на своего эио-ом. – Постарайся восстановить силы до завтра; чувствую, они нам всем будут нужны.

Чуть помолчав, он добавил:

– Но, если не получится, я не заставляю тебя. Не стоит зря рисковать жизнью.

Вместо ответа человек окинул Эйи взглядом, полным благодарности, и направился в сторону небольшой группы скал, пещеры которых еще с наступления сумерек начали излучать мягкий голубовато-зелёный свет. Это место было сосредоточением энергии, и поэтому имело жизненную необходимость для тех, кто эту энергию использовал и совершенствовал.

На следующее утро Эйи проснулся с характерным гулом где-то вверху головы.

«Эх, вчера же только разговаривали... Хотя, наверное,

что-то важное».

В Её глазах была тень тревоги, но решимость и спокойствие не покидали их никогда. Ситуация была обыкновенная: требовалось устранить внешнюю угрозу. Пришельцы, видимо, не собирались сдаваться просто так; ну это ничего, это бывает, это мы уже видели.

Отдав нужные распоряжения, Она не торопилась отпустить Эйи. Казалось, Ей нужно было ещё что-то сказать; Она выжидающе смотрела ему в глаза. Он едва заметно кивнул, поклонился и направился к выходу.

«Ладно, ладно, в этот раз постараемся без фокусов. В конце концов, я ещё не жрец; а пока эта перспектива продолжает висеть на волоске... я должен сделать всё возможное, чтобы он не оборвался».

– И, будь добр, проследи, чтобы все отпустили своих эио-ом. И ещё, чтобы Арк снова не додумался использовать их в бою.

Эйи обернулся, улыбаясь.

– Будет сделано, но вряд ли у него появится такое желание – в прошлый раз мы хорошо поговорили на эту тему, а тот эио-ом до сих пор не показывался.

Она слегка кивнула; Эйи вышел.

Атаку запланировали на вечер; времени хватало – пришельцы передвигались медленно и осторожно, и к тому же плохо ориентировались в темноте.

Эйи не мог не возвращаться мыслями к оружию, используемому теми людьми. Разумеется, оно было ничем в сравнении с возможностями его самого и его соплеменников; но оно интересовало. Он отогнал эти мысли.

Позже один из выживших людей с оружием напишет в своем дневнике, торопясь, трясущейся рукой: «Мы разбили лагерь в небольшой низине и готовились ко сну. Выставили часовых; разведчики должны были выдвинуться в полночь. Но им не суждено было... случилось нечто за пределами понимания, возможно, мы столкнулись с чем-то паранормальным, трудно писать об этом, но внезапно будто из воздуха появились фигуры, они были похожи на призраков или на ангелов, они окружили лагерь и стоящие снаружи упали на землю сию же секунду, и все, кто выбежал, падали на землю без какой-либо причины, не успев даже вытащить оружие. Те, кто и успел, будто палили в воздух. Дальше произошло немыслимое... весь лагерь просто вспыхнул, вспыхнул синим огнём, это было очень быстро, почти моментально, все упавшие на землю просто исчезли в нём, и те, кто остался в палатках, тоже...»

Он не стал писать о том, что сидел в это время на дереве, пытаясь сорвать, как ему показалось, что-то съедобное – иллюзия исчезла, когда оно начало светиться в темноте. Картина внезапного опустошения территории и эти сверхъестественные люди привели его в состояние шока и неконтролируемого ужаса; он почти что мешком свалился с дерева и

побежал в противоположную от лагеря сторону, неумолимо чувствуя спиной то, что было там и могло быть с ним, то, что, возможно, будет преследовать его; он бежал так быстро, как только мог, как не бегал никогда.

– Мне показалось, я видел, один из них сбежал. Их там может быть больше. Кто-нибудь один идёт со мной.

Решившись следовать правилам до конца, Эйи соблюдал меры предосторожности, внутри себя поражаясь этим беспомощным существам, придумавшим такие сложные стреляющие игрушки, но не умеющим себя защитить.

– Я пойду!

Из толпы вызвался хрупкий человек с большими глазами, выражающими какое-то непонятное отчаяние. Эйи нахмурился.

– Да ты же еле на ногах стоишь.

Человек потупил взгляд.

Вперёд вышел другой, гораздо более крепкий. Кажется, это как раз и был тот самый энтузиаст, попробовавший ввести в общую практику воздушные силы. Молча кивнув друг другу, Эйи и Арк устремились за беглецом.

По дороге они нашли пистолет, выпавший, очевидно, у бегущего. Повинуясь непонятному порыву, Эйи схватил его. Арк посмотрел вопросительно, но, ничего не сказав, побежал вперёд.

Нашли несчастного в пещере у озера: запыхавшись и будучи не в силах больше бежать, тот решил хотя бы укрыться.

Эйи в очередной раз поразился слабости и наивности.

Человек сидел и трясся, смотря широко распахнутыми от ужаса глазами. Он дёргался каждый раз, когда его преследователи делали шаг по направлению к нему.

Внезапно Эйи сделал жест остановиться.

– Можешь возвращаться. Он здесь один, я разберусь с этим.

Арк поднял брови, через секунду-другую нехотя удалился.

Твёрдое намерение Эйи обойтись без фокусов куда-то улетучилось; впрочем, произошло это ещё тогда, когда он подобрал пистолет.

Он никогда не видел пришельцев так близко. И ему, пожалуй, никогда не приходилось быть свидетелем такого сильного страха, который он ощущал почти физически.

Он сел на корточки и стал смотреть в глаза человеку.

Возможно, это была не лучшая идея: тот даже перестал трястись, он застыл, и теперь хватал ртом воздух, как рыба. Эйи боролся с желанием сделать резкое движение: останавливало понимание, что у того просто разорвётся сердце.

В Эйи соединялись два чувства: интерес и отвращение. Вжавшийся в стену пещеры, человек уж очень походил на животное; причём даже не только из-за страха – Эйи не мог объяснить, почему. Но, что отвратительно – он будто был каким-то низшим животным; и это тоже было необъяснимо. Но вызывало любопытство.

Эйи достал пистолет и начал покручивать перед лицом человека. Удивительно, но его глаза даже на мгновение прояснились – он увидел что-то знакомое, то, что было осязательно, материально, то, что держали его собственные руки; известное свойство сознания.

Однако радоваться было нечему. Положение начинало раздражать Эйи, ему захотелось поскорее избавиться от этого комка страха, но в то же время рассмотреть получше. Поэтому он не нашёл ничего лучше, кроме как приветливо улыбнуться и застрелить того.

После этого он долго осматривал труп.

– Эйи, мне нужно с тобой поговорить.

– Да?

– Мне рассказали, что ты пользовался оружием.

– Что?.. Кто? А.. что за бред! Я же сказал ему уйти!

– Я тоже считаю, что поступок мерзкий. Он своё получил.

Но, тем не менее, факт остаётся фактом.

– Простите за откровенность, но я не понимаю Вашего беспокойства. Я никогда не держал в руках их оружие, а тому человеку всё равно нужно было умереть – мне и стало интересно, как оно работает.

– Но ты ведь не просто застрелил его.

Эйи поднял наивно-невинные глаза.

– Арк говорил, что ты очень долго смотрел на него – ладно бы это; но зачем тебе нужен был труп? Понимаешь, мне... то

есть, как бы это сказать – людям... нужен психически здоровый жрец.

Она выразительно посмотрела Эйи в глаза и добавила:

– ... что в том числе подразумевает безоговорочное повиновение.

Затем, быстро:

– Я знаю, что ты порываешься сказать. Свобода воли. Мне повторить тебе то, что вы все прекрасно знаете с самого начала? Вы все, мы все взаимосвязаны; мои желания – ваши желания; почему я так насторожена твоим поведением? Да потому, что ты знаешь, чего хочу я, и твои намерения совпадают с моими, но почему-то ты делаешь назло. Ты уподобляешься им. Зачем?

Эйи почувствовал, как к голове подступает жар. Он понял, что уже не станет жрецом.

– Я просто делаю, что хочу. Я, знаете ли, ненамного хуже Вас.

– К сожалению, ты не знаешь, о чём говоришь.

– Нет, я знаю. Почему я должен от Вас зависеть? Может, это я должен возглавлять племя; меня слушаются люди, я обладаю всеми необходимыми качествами, я, в конце концов, чувствую свою исключительность; я один могу всем этим управлять, да и не только этим, я...

Он вдруг остановился. Он говорил то, что до этого никогда себе не говорил, о чём никогда не думал или, скорее, чего никогда не осознавал. Он смотрел на Неё изумлёнными

глазами, как будто не сам сейчас Её ошарашил. Она первая пришла в себя.

– И что же, ты полагаешь, что ты выше остальных? – Она исследующе прищурила глаза.

– Да, полагаю.

– И также ты полагаешь, что будешь являться таким при любых условиях?

– Что Вы имеете в виду?..

– Насторожился? Правильно сделал. Это здесь твоя наглая физиономия обладает влиянием; здесь вы все – под моей защитой, да и не было бы вас без меня. Я вложила в вас лучшие качества. Я отбирала и отбираю каждого из вас. Я люблю вас только за то, что вы достойны этого. Ты себя кем возомнил? Ты действительно считаешь, что имеешь право на полную «свободу воли», а точнее – свободу глупого своеволия, при том, что себе не принадлежишь? Ты хочешь быть, как те животные, которых вы вчера смели с лица этой священной земли?

– Вы не отличаете своеволие животных от своеволия высших существ.

– Ха-ха-ха! Я-то отличаю, прости конечно... Но вот животные... ха-ха... не всегда отличают...

Эйи ничего не ответил. Лицо покрыла дымка отсутствия и холода.

– А вообще, я здесь не для того, чтобы тебя оскорблять, ну вынудил ты меня. Я что хочу узнать: ты и правда счита-

ешь, что твои высшие качества, твоё влияние, словом, весь тот ореол достоинства, что тебя окружает, не исчезнет, как утренняя дымка, попади ты в другую среду?

– Как оно может исчезнуть? Это неотъемлемо. Это и есть я. Если этого не будет – не будет меня самого.

– Ну, допустим. Но будет ли это также очевидно для других?

– Как это может быть не очевидно? Обладая определёнными качествами, ты их проявляешь. Не проявляя их, ты не живёшь.

– Ты логично мыслишь. Но категорично. Собственно, знаешь ли ты что-либо о жизни в других мирах?

– Разумеется, я знаю о существовании низших миров. И полагаю, что и существуют они для созданий низших.

– И что, ты думаешь, случится с высшим существом, если оно вдруг, скажем, по собственной глупости или ещё каким-то причинам туда попадёт?

– Хм-м... Полагаю, это будет страшная ошибка.

– ...

– Этот человек будет чувствовать себя плохо. Но его качества никуда не денутся. Остальным просто ничего не останется, как признать их.

– Ты действительно так считаешь?

– Я в этом уверен.

– И ты думаешь, что, попав в какой-либо из низших миров, сможешь это доказать?

– Вы прямо бросаете мне вызов?

– Да не то чтобы... Вообще, по-хорошему, мне следует просто убить тебя как неудавшийся образец. Но я всё никак не могу решить – неудавшийся ты или просто слишком самоуверенный. Во втором случае может помочь простая вправка мозгов, знаешь. Но, если честно, – Она зевнула, – я устала над этим думать и спрашиваю твоё мнение на этот счет. Ты ошибка природы или просто идиот?

– Боюсь Вас разочаровывать – ни то, ни другое.

– О-о-о... – Она приложила руку ко лбу. – Ладно. Что-то мне подсказывает, что ты просто идиот; возможно, это мои заблуждения. В любом случае – если ты действительно считаешь себя достойным человеком, то и отправляйся в низший мир, чтобы доказать свои слова.

– Всё-таки вызов.

– Не вполне. Ты можешь выбрать смерть!

– Ну, знаете ли... Слишком глупо прерывать расцвет.

Он немного постоял, опустив голову. Затем поднял взгляд исподлобья:

– Вы очень наивно считаете, что сможете сломить меня этим. Я вернусь через какие-то несколько лет, и возьму то, что по праву моё.

– Это будут не какие-то несколько лет. Это у нас нет чёткого понятия времени; там оно есть. Скорее всего, ты убьёшь себя ещё до достижения возраста зрелости...

– Возраста... чего?

– А, что это я. Узнаешь. Или нет. И да, у тебя ведь всегда есть третья опция, помимо низшего мира и смерти, но я даже не стану её предлагать, – Она усмехнулась.

– Разумно.

– Также в этом мире не будет меня. Совсем. Может, дать тебе время на осознание?

– Я осознаю.

– Ты не сможешь спросить ни у кого совета, не сможешь выполнять ничьи приказы.

– Вы что, рассчитываете, что я в итоге этого захочу? Ещё скажите, что буду молиться на Ваше изображение, – он засмеялся.

– Не отрицаю такой возможности, – Она улыбнулась и приподняла бровь. – Правда вот это уже будет бесполезно, ха-ха. Во всяком случае, нет смысла спорить. Если ты решился, можешь проваливать хоть завтра.

– Благодарю за такое любезное напутствие!

Когда он вышел, ему показалось, что изнутри что-то выдернули. И в то же время появился какой-то необъяснимый, вплоть до состояния болезненности, подъём.

Она вздохнула. «Может, оно и к лучшему: их я ещё не отправляла никуда... Посмотрим, что из этого выйдет. Так что, пожалуй, о полном своём отсутствии я всё-таки слукавила».

И всё-таки Ей было жаль его. Вспомнить хотя бы эту спокойную уверенность, этот экзальтированный взгляд, с которым он бросался в бой, эту готовность... Красиво. И досад-

но.

Немного погодя, с наступлением сумерек, в храм проскочила другая фигура.

Хрупкий, будто сжавшийся в комок человек стоял на коленях, низко склонив голову под сложенными ладонью к ладони поднятыми руками. Видно было, что он волновался.

– Здравствуй, чего тебе нужно? – Она обратилась к нему спокойным, даже немного ласковым голосом; бедняга, похоже, не привык к таким встречам и, по всей вероятности, впервые обращался к Ней напрямую.

– Прошу, не сочтите за прихоть или своеволие... – он замялся, не зная, как начать; и после некоторых оборвавшихся попыток спросил прямо:

– Могу я отправиться вместе с Эйи, если мне не удастся его отговорить?

Повисла тишина. Стал особенно остро ощущаться запах цветов, растущих в храме. Она посмотрела человеку в глаза (тот уже опустил вниз руки и теперь смотрел прямо на Неё); поразила внезапно появившаяся твёрдость в его взгляде.

Она глубоко задумалась и начала перебирать пальцами.

– Что стоит за твоей просьбой?

Человек помедлил.

– Дело в том, что я.. я.. я хотел стать помощником жреца, но теперь, когда...

– Это не проблема. Я изберу нового. Да и вообще... уве-

рен ли ты, что годишься на эту должность?..

Она посмотрела на него с сомнением во взгляде; он понимал, почему, но не позволил себе смутиться.

– Я чувствую, что это так. Да, пусть я и ни разу не летал на эио-ом...

– Ты ни разу не летал на эио-ом? Погоди... ты тот самый человек, который, единственный из всего племени, не считая ещё проштрафившегося Арка, не участвовал в соревнованиях?

Тот смущённо опустил голову.

– Эио-ом – животные. Они могут быть непредсказуемы. Я боюсь того, чем не могу управлять наверняка. Я раньше других развил в себе способность подниматься над землёй, используя энергию...

– Хм, действительно? Я не знала об этом.

– Этого никто не видел... – он покраснел.

Она посмотрела на него снисходительно.

– Но в конце концов, я ведь узнал как-то, что Эйи уходит! Я не разговаривал с ним и видел его только мельком! – в его взгляде было отчаяние.

В Её же глазах появились искорки интереса.

– Действительно. Ты и не успел бы с ним поговорить, он только-только вышел...

Чуть погодя Она добавила:

– Хорошо. Я подумаю над тем, чтобы сделать тебя помощником жреца. Но будь готов к тому, что тебе придётся предо-

ставить побольше доказательств. Это всё, что ты хотел?

– Эм... не совсем. Вы ведь... Вы ведь так и не ответили на мой вопрос...

Она приподняла бровь.

– Ты всё ещё хочешь отправиться вслед за Эйи?..

Он кивнул.

– Но зачем? – Она вздохнула. – Не знала, что он оказывает на вас настолько сильное влияние... Харизматичный придурок, – добавила Она чуть слышно.

– Позвольте объяснить... Дело не во влиянии; точнее, оно, конечно же, есть, или, скорее, было, но... В общем, Вы знаете, я невероятно ценю то, что мне посчастливилось жить именно здесь (на этих словах Она миролюбиво усмехнулась), и я подозреваю, как сильно отличается жизнь там... Но, поймите, я всегда чувствовал себя на отшибе; и это не то состояние, которое само собой разумеется у всех нас – Эйи единственный человек, с которым мне хочется иметь дело; он единственный, кто проявлял ко мне внимание и сочувствие, несмотря на все мои страхи и странности; если бы не он, я бы даже подумать не мог о том, что чего-то стою, не говоря уж о статусе помощника жреца; он дал мне веру в свои способности, да что там – веру в то, что они вообще есть.

– Извини, что перебиваю тебя, – сказала Она мягко. – Мне приятно слышать, что ты смог раскрыть свои качества. Но не обольщаешься ли ты? Ты уверен, что это именно при помощи Эйи? Знаешь, он ведь со всеми довольно приветлив

и всех старается поддерживать, это такое, что-то вроде ощущения покровительства.

– Я знаю. Не поймите меня неправильно. Я не считаю себя исключительным из-за простой вежливости по отношению ко мне. Я просто чувствую, что должен идти за этим человеком. У меня будет настоящая жизнь, если я останусь здесь; у неё будет наполнение; я многого достигну, пусть и никогда не почувствую себя полноценной частью племени; но я буду чувствовать пустоту и оторванность, я не знаю, как объяснить, я просто чувствую, что я должен...

– Бедная, бедная ошибка... – произнесла Она чуть слышно.

– ...идти за ним.

Он перевёл дыхание.

– А когда мы вернёмся сюда, я смогу сделать всё, что мне положено.

Она вздохнула и глубоко задумалась. Да, этот случай действительно интересный. Стоит попробовать.

– Хорошо. Пусть будет по-твоему. Не думаю я, что ты сможешь его разубедить, как и не думаю, что ты выживешь там. Но я не буду препятствовать твоему желанию, если ты считаешь, что тебе это действительно нужно.

Человек поднял на Неё глаза, полные благодарности и уже оттенённые каким-то страданием. Он снова сложил руки над головой, склонился, затем встал и стремительно вышел.

Как и ожидалось, он нашёл Эйи в священных пещерах; однако тот сидел просто так, не касаясь стен. Лицо выражало задумчивость. Он даже не заметил приближающегося.

Человек хотел было начать говорить, но прежде попробовал прочувствовать. И оставил всякую надежду на разубеждение. Он знал, что вызовет этим только раздражение; да и вряд ли его вообще воспримут всерьёз. Поэтому он просто ненавязчиво дал знать о своем присутствии, подошёл ближе и прямо сказал:

– Эйи, я отправляюсь с Вами.

Тот поднял на него взгляд, какой-то мутный.

– К чему такое обращение, я не жрец и уже им не стану...

Затем он уставился перед собой. Спустя несколько секунд до него дошёл смысл слов.

– Со мной в низший мир? Но зачем? И... ты вообще кто?

Эйи оглядел его с ног до головы.

– А, подожди, это ведь ты тогда вызвался со мной в разведку идти?

– Да...

– Хм-м, и, если не ошибаюсь, ты боишься летать на эио-ом.

– Да.

– Вспомнил тебя. Погоди... но зачем тебе это? Знаешь, друг, тот мир, судя по всему, просто ужасен; я, конечно, не знаю твоих мотивов, но ты там точно не выживешь, – он говорил мягким голосом, чем-то похожим на Её. – Да, кстати:

а какие у тебя мотивы?

Тот посмотрел на Эйи своими большими, усталыми глазами.

– Вам они вряд ли будут понятны. Я просто чувствую, что должен идти за Вами.

Лицо Эйи вдруг смягчилось. Он тепло улыбнулся.

– А-а-а, понятно. Я всё понимаю. Раньше ты был не один такой – так уж мне удавалось себя позиционировать. Здесь. Но я больше не существую здесь. Моё место займет кто-нибудь другой. Но спасибо тебе, мне в любом случае приятно, что мне удавалось пользоваться вашим доверием и любовью. А теперь иди лучше отдохни; ты, видимо, устал и перенервничал сегодня.

Человек опустил глаза. Он знал, что его не поймут.

– Как бы там ни было, – сказал он, – понимаете Вы меня или нет, это неважно. Я просто хочу, чтобы Вы знали: я пойду именно за Вами. И, возможно, когда-нибудь Вы оцените мое участие.

Его водянисто-голубые глаза, так хорошо сливающиеся с окружающим свечением, сверкнули; затем он резко развернулся и покинул пещеру.

Эйи смотрел ему вслед, задумавшись. Ему было искренне жаль этого человека. Он обрекал себя на верные страдания.

Он очнулся, лёжа на острых камнях. Очевидно, потеряв сознание, он скатился по насыпи. Тело болело, и голова гудела. Он немного приподнял шею и тут же опустил, неприятно ощутив острые камни под затылком – в глазах потемнело.

«М-да... Всё-таки Вы слукавили с тем, что Вас тут совсем не будет... Я прямо физически ощущаю Ваш смех».

Он лежал и смотрел на потемневшее небо. Встать не хотелось – вообще ничего не хотелось.

Издали послышалось звяканье стеклянных бутылок. Мимо прошли два человека бомжеватого вида; один обернулся и спросил:

– Что, парень, совсем плохо, а?

– Да чё-то как-то совсем.

– У-у-у, а мне вот знаешь, как паршиво бывает, вначале вот особенно, а потом ничего, привык, даже подвалом обзавёлся... – он пустился в длинные объяснения, почему никогда не стоит унывать; затем стал рассказывать о разных типах водки.

Лежащий вытащил из кармана сторублёвую купюру и всучил бомжу, чтобы только тот отвязался. Довольный, он ушёл вместе с ворчащим от ожидания товарищем.

Наконец-то. Стали появляться первые звёзды.

Но тут тишина снова была нарушена. Звук чуть более при-

ятный, чем будильник, но всё равно отвратительный. «Наверное, как обычно, какая-нибудь реклама. Хотя... Ладно, делать мне всё равно нечего».

– Алло?

– Мих, ты? Узнал меня?³

– Разве тебя можно не узнать... Как обычно, появляешься будто из ниоткуда.

– Что ж, прошу прощения. Представляешь, что сегодня было?! После всей этой бесконечной теории, от которой у меня буквально мозг взрывался, мы наконец-то практиковались – на имитаторе полёта! Это было... – он сказал слово на немецком.

– Умоляю, не пичкай меня своими длиннющими страшными немецкими словами! Я, знаешь ли, немного не понимаю.

– Ну... Замечательно! Невероятно! Просто... та-ак здорово!

– Что ж, последнее слово определённо лучшее.

– Знаешь, я ведь так нервничал перед этим, по-настоящему нервничал, мне ведь всегда... ну, понимаешь, что-то вроде необъяснимого желания – хотелось летать, я имею в виду, летать на огромном сложном аппарате, который каким-то невообразимым образом управляется мной, и теперь я знаю, что это вполне может случиться, потому что тренер сказала, что я был одним из лучших, понимаешь, она это сказала

---

³ С этого момента и далее оригинальный диалог ведётся на английском.

лично мне, чтобы никто не услышал – это ведь может оскорбить, но... я так рад! Мне та-ак приятно!!!

– Могу себе представить твои щенячьи глазки...

– М-м? Правда? Очень может быть, родственники вечно мне это говорят, но... ты-то как мог об этом узнать? Мы ведь ни разу не виделись!

– Честно – я не знаю. Мне просто так показалось, когда я услышал твой голос. И – мои поздравления, серьёзно. Знаешь, это замечательно, когда... когда у кого-то внутри горит такой огонь.

– А моя семья – они были просто поражены, хоть они и до сих пор говорят, что, стоит мне взлететь, смерть всех, находящихся в самолете, неизбежна... они... они никогда не верили в меня и не поверят, но, во всяком случае, теперь я хотя бы примерно знаю о своих возможностях, и это... очень обнадеживает.

– А ты не боишься летать на настоящем самолёте, мой друг?

– Эм, что ж, не совсем; что здесь может быть страшно, так это не сама машина, а поведение пилота, который в любом случае остаётся человеком; по правде, я больше уверен в самолёте, чем в себе. Но! Я верю, что можно довести себя до состояния автомата, и сейчас, повторяюсь, я верю, что могу сделать это, несмотря на всё, что говорят родственники.

– Ларри, знаешь, это просто замечательно. И – честное слово – я тоже в тебя верю.

– Это та-ак вдохновляет! Я имею в виду, ты же мой единственный друг...

– Сочувствую.

– Да, кстати, я же совсем забыл – это, собственно, то, за чем я звоню – как ты думаешь, что, если я приеду в Москву на праздники?

– Ты действительно хочешь провести свои выходные в Москве?..

– Ну, так-то нет, но я подумал, будет очень интересно встретиться... Если это, конечно, не будет тебе в тягость; о, естественно, я не хочу никак тебя обременять, я просто хотел спросить, если вдруг...

– Всё в порядке. Я был бы очень рад, правда.

– Отлично! По-моему, довольно интересный опыт... А, и да... У тебя такой голос, будто... эм... всё нормально? Как ты вообще? Я такой эгоист, я ведь правда хотел спросить сначала, как у тебя дела, но мне так не терпелось рассказать тебе...

– Всё нормально. Ты слишком сильно беспокоишься о том, что подумаю я; завязывай с этим. Всё абсолютно нормально. Ты имеешь в виду, у меня грустный или недовольный голос? Что ж, ты забываешь о том, что у меня хроническая депрессия, как и о том, что я, в отличие от некоторых счастливыхчиков, живу в России. Что касается того, как у меня дела – что ж, меня, скорее всего, вышвырнут из университета за то, что нагрубил преподавателю. Хотя, она скорее

походит на жабу, честное слово...

– Чёрт, это... это плохо... это очень плохо. Что конкретно произошло с этой жабой?

– Хм, да ничего особенного – я просто сказал, что её предмет мне не слишком интересен.

– Так ведь не факт, что тебя отчислят, это же просто твоё мнение! Во всяком случае, думаю, если ты извинишься и никогда больше не будешь так делать, всё уладится!

– Что ж, может быть.

– Так и будет!

– ... так могло бы быть...

Они поговорили ещё немного. Всё это время он лежал на том же месте, смотря на зажигающиеся одну за другой звёзды. Стало прохладно, особенно спине. Он не знал, сколько времени. Наверное, нужно было вставать, но ему не хотелось снова входить в этот бессмысленный автоматический ритм. Встать и пойти казалось чем-то нереальным и непосильным.

«Ну и ладно. Так и буду лежать здесь. Настолько уже всё равно, достало...»

Ему показалось, что в небе, окаймлённом по краям мутным светом городских огней, послышался хрустальный смех.

Это, очевидно, металлические браслеты бряцали друг о друга.

«Нет, ну это даже не смешно, это до смешного ничтожно! Этого я никак не ожидала; я-то была уверена, что он убьёт-

ся... Даже не знаю, что теперь с этим делать и что думать по этому поводу».

Смех был горько-саркастический.

Глава 2. Огонь цвета циан больше не разгуливает свободно

*When I'm free,
When my sun has set,
Release myself forever -
I have no regret
To be free;
I'll exist again,
No more lost endeavors,
Nothing to contend,
When I'm free.
Epica "Unleashed"*

*The challenge to be free is a lost enterprise.
Epica "Dancing in a Hurricane"*

Жалкий, трясущийся комок страха сидел, свернувшись, на земле, смотря широко раскрытыми глазами, казалось, в пустоту. Он почти не моргал. Изредка, на фоне общей дрожи, он дёргался чуть сильнее. Эйи в нём можно было узнать исключительно по внешним чертам.

Она терпеливо ждала.

Комок, похоже, не собирався двигаться. «Помочь ему немного, что ли...»

Она осторожно приблизилась и хотела сесть рядом, но не

успела – комок стремительно развернулся, будто его хлестнули чем-то, и схватился за Её ногу. Казалось, он стал трястись ещё сильнее, ещё и зубы застучали. Видимо, он хочет что-то сказать...

Да, действительно. После нескольких неудачных попыток начать комок быстро протараторил:

– Убейте меня пожалуйста!!!

«О, Вечность... Плохо, совсем плохо».

Человек часто дышал; казалось, в любой момент он может закричать. Тут на какую-то секунду его глаза будто бы прояснились; он использовал её, чтобы выдать (слова будто вылетали из него с огромным усилием, сопровождаясь придыханием):

– Вы спрашивали, ошибка природы я или идиот. Так вот: я и то, и другое. Закончите это, пожалуйста, поскорее.

– А что ещё сделать... – Она думала.

Его глаза расширились, и в этот раз Она была почти уверена, что он закричит; но он не закричал.

– В... В... Вы же говорили, что я могу выбрать смерть; я же сказал «пожалуйста»!!!

Его глаза наполнились диким отчаянием; он отпустил ногу и распростёрся по земле, повторяя «пожалуйста», «что Вам стоит», «что я должен сделать».

Она поняла, что говорить что-либо бесполезно; лёгкий жест остановил извивания на земле.

– Побудь пока без сознания, – пробормотала Она; затем,

повинуясь непонятному порыву, подняла на руки это безвольно повисшее тело.

Они дошли до священных пещер. Там она посадила его у стены. Придерживая голову, положила на холодный камень свою полупрозрачную накидку, свёрнутую в несколько раз.

Ближе к вечеру он очнулся.

– Тебе лучше?

– Нет...

Он приподнялся, вышел, шатаясь, из пещеры. Движимая любопытством, Она потихоньку последовала за ним.

Ничего интересного. Дойдя до ближайшей поляны, он повалился на землю, раскинув руки, и лежал.

«Ладно, пусть полежит пока, поприходит в себя...»

Когда Она пришла на то же место спустя пару дней, он валялся там же.

«Нет... Сам, похоже, не справится».

Последующие недели он пребывал в храме для восстановления. Она лично заботилась об этом несчастном создании, которое почти не говорило, молча принимая всё, что дадут, скажут или сделают.

В один прекрасный день он спросил:

– А кто в итоге стал следующим жрецом?

Она улыбнулась и слегка тряхнула головой; в глазах появилось что-то, похожее на облегчение.

– Смотри-ка, начинаешь поправляться. Следующего жреца ты вряд ли помнишь; но он человек спокойный и надёж-

ный, так что не переживай – жаловаться не на что. Уж не думал ли ты, что я сделаю жрецом Арка... – Она прищурилась.

– Как раз это я и думал. Он всегда целился на это место.

– Ну нет! Он ещё хуже тебя будет. Да что там – гораздо. Хотя сейчас вроде ничего, стих, – Она посмотрела на него с лёгким укором.

– Я бы тоже, с радостью... исчез...

– Ну, опять ты за своё?

– Это теперь моё постоянное желание.

– Ты ещё просто не отвык от того мира.

– Вряд ли... Я чувствую, что нет больше смысла. Это всё... слишком ужасно, – он посмотрел на Неё усталыми, ищущими понимания глазами.

Она положила свою руку на его.

– Эйи (услышав прежнее имя, он слегка вздрогнул; глаза смотрели куда-то перед собой, отсутствующе), я всё это понимаю, и зря ты считаешь, что я напрасно тебя мучаю...

Она не успела договорить. Сильно сжав Её руку, он уронил голову Ей на колени и затрясся, лежа в позе креветки; сначала он сдавленно хватал воздух, затем к этим вдохам добавились звуки, и вскоре он рыдал в полный голос, а потом к этому ещё добавились завывания, время от времени срывающиеся на сдавливающий гортань крик.

Она сидела тихо, задумчиво смотря перед собой; изредка, во время особенно отчаянных вскриков, по Её глазам пробегала дымка боли.

Она аккуратно положила руку на его голову и, убедившись в правомерности жеста, начала тихонько поглаживать лёгкие как пух волосы. Казалось, это произвело положительный эффект – спустя время он стал чуть потише, потом медленно успокоился в том же порядке, в котором и начал, и после, не без Её помощи, погрузился в спасительный сон.

Она осторожно перенесла его в одно из небольших помещений внутри храма и положила на подобие плаща, который надевался во время торжественных церемоний. Затем Она покинула храм.

***

Он видел сон. Стеклянная лампа с разноцветными стёклами, преобразующими в разные цвета горящий внутри огонь цвета циан. Вокруг лампы – прекрасный сад с самыми разнообразными деревьями и растениями самых причудливых, где-то пугающих форм. Среди этого всего ненавязчиво угадывалась тропинка, если её вообще можно было так назвать – она терялась в зарослях и была к тому же усыпана острыми булыжниками. Изредка лёгкий ветерок продувал сад, и с растений, непонятно откуда взявшийся, слетал пепел, ложась на тропу.

Тут налетел резкий порыв ветра; лампа опрокинулась и разбилась вдребезги. Огонь начал стремительно распространяться вокруг, обращая растения в кучи того самого пепла,

который тут же разлетался, порывами носясь в урагане.

Казалось, через какие-то несколько минут весь сад будет развеян по воздуху. Но тут с безучастного до этого неба грянул оглушительный гром; затем хлынул ливень, и потоки воды затушили огонь. Молнии добились остальные растения, оставив на их месте чёрные горелые силуэты.

Через какое-то время тучи разошлись; с неба пробилась луч света, попав в один из осколков лампы. Загорелся небольшой, со временем вытянувшийся вверх, но не распространяющийся вокруг, огонь цвета циан.

***

Когда он проснулся, сквозь витражные окна храма уже лился мягкий свет. Он оставлял на полу разноцветные отпечатки. Здание не имело дверей, являясь при этом сквозным, так что ветерок свежим потоком перебирал волосы.

Ему казалось, он ещё спит – снова это ощущение нереальности, но уже совсем другого характера. Не в силах оставаться на месте, он вышел из помещения и направился к ближайшему озеру. Раздевшись, прыгнул с выступа скалы в холодную воду; почувствовал, как она обволакивает и бодрит. Проплыв туда-сюда, он нырнул и на какое-то время застыл без движения, смотря вверх, на отражающиеся в озере лучи светила, которые проходили сквозь воду, и, казалось, пронизывали его самого, изредка выхватывая из тьмы на дне водо-

ёма отдельные камни, но никогда не освещая её полностью.

Вынырнув, обсохнув и одевшись, он призвал эио-ом; облетая знакомые места, он возвращался мыслями ко сну, пытаясь облечь понимание в доступную форму путём проигрывания сна в голове. Сформировав полноценную картину, он отпустил эио-ом и отправился в храм.

– Прошу прощения за вчерашнее. Мне не следовало быть таким несдержанным.

– Всё в порядке.

Она тепло и как-то выжидающе смотрела на него.

– Послушайте, я всё понимаю. Но это красивые символы. Я не хочу существовать.

Её лицо стало серьёзным и каким-то безнадёжным.

– Пойми, Эйи. Я не могу просто взять и уничтожить тебя. Ничто нельзя просто взять и уничтожить – это влечёт определённые последствия; но не только это. В тебе есть огонь. Ты считаешь, что он погас, и что твой путь закончен. Я охотно готова тебе поверить – но я вижу, что это не до конца так. Я не могу просто взять и погасить его.

– Вы можете. Вы просто не хотите...

– Почему ты так в этом уверен?

– Да потому, что я – один из лучших Ваших экземпляров, Вы не обнулите всю свою работу, не достигнув определённой – я не знаю, какой – цели.

Её лицо стало ровным. Глаза сверкнули каким-то метал-

лическим блеском.

– ...поэтому, – он продолжил, – я готов выслушать все Ваши требования и подчиниться им. Насколько я понял, это единственный для меня путь достижения освобождения.

Она немного помолчала, затем сказала мягким голосом:

– Ты правильно всё понимаешь. Но, естественно, оставлять в таком виде тебя нельзя. Она помолчала снова.

– Эйи, мне не оставалось ничего, кроме как отправить тебя туда.

– Я понимаю.

Выждав паузу:

– Делайте, что хотите.

В Её глазах появилась тень какой-то смутной тоски. Теперь он так напоминал предыдущий экземпляр.

– Обещаю, Эйи: всё будет хорошо. Я не хочу тебя мучить.

Он посмотрел на Неё глазами, в которых появилось что-то от собаки. Ей стало даже как-то не по себе.

– А какой, кстати, твой любимый цвет?

Он немного подумал и ответил:

– Мне нравится цвет священных пещер изнутри.

– Хороший выбор, – Она улыбнулась и утверждающе покачала головой. – Очень хороший.

После небольшой паузы Эйи неуверенно сказал:

– На самом деле, мне хотелось бы уточнить ещё кое-какой момент.

Она посмотрела на него с непонятно откуда взявшимися

искорками веселья в глазах. Он продолжил:

– Ведь потоки энергии, из которых состоит живое существо, довольно неуправляемы, особенно на этапе создания?

Она рассмеялась.

– Да, ты всё правильно понял. Удивительно, как хорошо тебе вправило мозг! – Она фыркнула, потом сделала серьёзное лицо и продолжила:

– Я думала, что мне делать с тем человеком. Сначала я была уверена, что этот побочный эффект от твоего сотворения сам решит проблему своего существования, попросту изжив себя. Но потом я была приятно поражена... Понимаешь, ему досталось очень мало – поэтому я почти не поверила, когда он сказал, что раньше других научился левитировать. Но теперь я понимаю, что это была, скорее всего, правда. Он каким-то образом сумел добрать нужное. Люди годами практикуются, чтобы высвободить эти потоки, развязать внутренний узел, и то не у всех получается, я уж не говорю о том, чтобы управлять ими... А у него, выходит, это было с самого начала...

Эйи внимательно на Неё посмотрел.

– А если бы это, как и предполагалось, досталось мне?

– Я предвидела этот вопрос. Да, есть вероятность, что ты был бы равен мне по возможностям. Но есть и другие; возможно, находясь на своём месте, энергия бы не высвободилась с такой силой – ну, в крайнем случае, был бы ты просто более пронизательным (оба тяжело вздохнули), а может,

ты и вовсе не смог бы существовать, и всё закончилось бы весьма плачевно.

– Всё закончилось бы... – машинально повторил он.

– Опять ты со своим «закончилось»!.. – Она приложила руку ко лбу. – Закончится, подождать только придётся, и поработать над тем, чтобы закончилось правильно... В общем, я что хочу по этому поводу сказать. Не понимаю, почему он, при полной своей отдельности и самостоятельности, так тебе предан; хотя, мне-то это не мешает, это даже интересно...

– Да мне он тоже понравился. Кстати, как он вообще?..

– М-м-м... Твоя смерть там была для него ударом. Но, чему я снова поразилась – он не сломался, напротив, стал учиться как проклятый. Да, сначала бедняга не мог спать по ночам без истерик, но потом, понимаешь, как глина в огне... Сейчас я бы ни за что не узнала в нём того застенчивого, мягкого и легко приводимого в полнейший восторг человека, знаешь, вот эти его щенячьи глазки...

– Знаю, – он усмехнулся. – Значит, он сильно изменился?

Она посмотрела на Эйи, слегка прищурившись и с лёгкой улыбкой.

– Вы ещё увидите.

Он понял, что нет смысла задавать дальнейшие вопросы.

***

На камне у воды сидел человек; спина была прямая и

расслабленная, в чёрных миндалевидных глазах играли какие-то озорные искорки, характерные для людей, которые знают свое место и предназначение. Голова была приподнята – казалось, он старается впитать в себя закат. Волосы цвета циан слегка покачивались.

– Ты готов отправиться, Эйи?

– Да. Я пойду за Вами куда угодно.

Глава 3. Последняя искра перед окончательным растворением в долге

*As he stood on the threshold,
I could only imagine sacrifice, duty, love, willing;
The dark night of a soul.
As he stands upon a star,
I could only imagine fear, forgiveness, noble, strong;
The darkest night of the soul.*
Shireen "Threshold"

Она посмотрела на сидящего у воды с каким-то теплом и даже оттенком уважения. Теперь во многом от Неё зависело, постигнет ли его страшная участь предыдущего экземпляра, или же удастся поддерживать баланс.

– Мы отправляемся завтра, – сказала Она. – А что касается сегодняшнего дня, у меня для тебя есть небольшой сюрприз.

Эйи хитро посмотрел Ей в глаза.

– Если я правильно помню, сегодня Праздник Танцующих Огней, – на этих словах он улыбнулся и быстрым движением головы откинул назад упавшие на лицо волосы. – Я догадывался, что Вы вряд ли станете его пропускать.

– Ну, в таком случае, это будет прощальный подарок.

Она засмеялась.

Оба как-то грустно переглянулись. Закат уже практически растворился в ночном ультрамарине, переходящем в глубокий индиго.

– А знаешь, что, – Она весело прищурилась, – ночные полёты на эио-ом неплохо бодрят перед предстоящим праздником. Насколько я помню, на последних соревнованиях ты был в числе первых. Не хочешь попробовать свои силы против меня?

Эйи рассмеялся.

– Нет, не хочу, уж поверьте. Но с радостью составлю Вам компанию.

Она утвердительно кивнула, и оба направились в сторону ближайшей скалы.

«Если он покажет себя, как надо, я могу быть уверена, что в нём достаточно сил. Поведение эио-ом – прекрасный индикатор».

Когда пара особо зазевавшихся и не спешивших отходить ко сну животных прилетела, Она тряхнула головой, скинула верхнюю накидку и лёгким движением запрыгнула на одного из них. Эйи улыбнулся и последовал Её примеру. Он почувствовал, как шерсть животного слегка наэлектризовалась. Кивнув друг другу, они стартовали.

Сначала летели медленно и плавно, разогреваясь, привыкая к эио-ом и наслаждаясь видами вокруг. Горизонт с высоты был ещё светлым, эта цианистого цвета полоса, рас-

творяющаяся в сиреновом, который буквально заглывает-ся тьмой ночи. Звёзд было столько, будто кто-то разбрызгал краску; а обернувшись назад, можно было увидеть, как из-за горизонта медленно выходит переливающаяся всеми оттенками синего планета, окружённая гигантскими, чётко очерченными кольцами. Несколько естественных спутников отражалось в стеклянно-ровной глади бесчисленных озёр внизу, с высоты казавшихся индиго-матовыми. Бесконечно стелющиеся холмы, горы, в большинстве своем кончающиеся кратерами с очередным озером, кажущимся и вовсе чёрным в сравнении с водоёмами внизу – всё было синим, но покрытым беловатой дымкой из-за большой высоты.

Привыкнув к эио-ом, Эйи сосредоточился; приведя сознание в ровное состояние, найдя направление непонятной горечи, терзавшей его с момента появления в низшем мире, он резко рванул вниз, падая почти камнем. Затем сложенные крылья животного стремительно расправились, в то же время корпус чуть приподнялся, и вот уже они летели вверх на поразительной скорости, медленно описывая мёртвую петлю. С непривычки у Эйи сильно заболели запястья и части рук ниже локтя, но, когда полёт снова выровнялся, понадобилось несколько секунд на возвращение мышц в дееспособное состояние. Увидев, что Эйи резко ушёл вниз, Она тоже начала плавно снижаться, постепенно наращивая обороты эио-ом вокруг самого себя. Убедившись, что определённый темп достигнут, Она резко взлетела вверх, сделав такую

же петлю, но чуть быстрее; после этого Она выровняла полёт и пристроилась на один уровень с Эйи. Сделав определённый жест и получив подтверждение, Она пригласила того на полёт «зигзагом». Она видела, что ему понадобилось время, чтобы восстановиться после мёртвой петли, однако в целом Эйи справлялся весьма и весьма неплохо, учитывая ещё и то, что инициатива сделать петлю исходила с его стороны.

Эио-ом набирали скорость. Затем, по условному сигналу, они одновременно пошли на резкое сближение, и, казалось, сейчас столкнутся друг с другом, но в последний момент они пролетели мимо, едва не задевая один другого, затем сделали петлю по косой траектории и снова пошли на сближение, снова пролетели мимо друг друга, и так повторяли эти элементы много раз, ускоряясь, сужая петли. Это и был «зигзаг».

По окончании Эйи почти не чувствовал рук; тело тряслось, он чувствовал, что из него выжали все силы. Но самое сложное, как обычно, состояло в том, чтобы не показывать изнеможения. Он почти мгновенно выравнивал дыхание и сделал как можно более ровное лицо.

Она глянула в его сторону, казалось, с одобрением.

«Смысл... Её-то не обманешь».

«Выдохся. Вряд ли о какой-либо гонке может идти речь».

Тут Эйи в голову пришла идея. Он очень не хотел признавать поражение, хотя и не было человека, который мог бы с Ней соревноваться. Он перестал скрывать усталость; прямая

спина согнулась вопросом, для более сильного эффекта он иногда дышал ртом.

Периодически кидая взгляды в сторону Эйи, Она выровняла и замедлила полет. Ей было удивительно, что он ещё не пошёл на посадку в таком состоянии. Решив дать эио-ом отдохнуть, Она на какое-то время отключила от него сознание.

Эйи только этого и ждал. Собрав последние силы, он рванул вперёд; не успела Она опомниться, как он уже был далеко впереди.

Потратив какое-то время на повторную синхронизацию, Она устремилась за ним. Нагнав его, Она намеревалась вырваться вперёд, однако Эйи, казалось, не собирался сбавлять темп. Его лицо было сосредоточенно, всё тело напряжено до предела – казалось, он пытается вложить все до единой силы в гонку.

Она почувствовала, что Её эио-ом уже на пределе. В конце концов, они призвали животных спонтанно; без предварительной тренировки их не следует выматывать, это может негативно сказаться как на сознании, так и на физическом состоянии. К тому же Её эио-ом ещё не до конца вошёл в темп после отключения, опасно было сейчас выдирать из него последние силы, тем более что Эйи летел настолько быстро, что уже сложно было идти с ним наравне.

Сделав условный знак, Она замедлила ход. Эйи кивнул и последовал Её примеру. Они приземлились на острые скалы одного из кратеров, на дне которого чернело озеро. Живот-

ные упорхнули к воде.

Подождав немного, пока Эйи отдышится, Она сказала:

– Знаешь, неплохо. Несмотря ни на что, ты меня порадовал. Хотя твоё поведение и было для меня необычным, признаюсь...

Он посмотрел на Неё как-то безнадёжно, и с этим его недавно появившимся и теперь неизменно присутствующим странным блеском в глазах.

Когда эио-ом попили и слегка отдохнули, Она и Эйи медленно отправились обратно, уже почти не подключая сознание к полёту.

Когда они прибыли на место, Она спросила:

– Ты, наверное, страшно устал теперь? Возможно, было не очень дальновидно предлагать тебе полёт перед праздником...

– Отнюдь, – он улыбнулся и потряхнул головой. – У меня теперь полно сил. И я жажду их растратить.

Его глаза буквально сверкали искрами; Она утвердительно кивнула и отошла, думая о том, что Ей ещё ко многому предстоит привыкнуть в этом новом существе.

***

Праздник Танцующих Огней всегда был долгожданным событием. Это был один из тех моментов, когда люди племени особенно ярко чувствовали свою принадлежность к че-

му-то целому, чувствовали взаимосвязь своего сознания с высшим.

Когда Эйи пришел к нужному месту – обширной площадке, своеобразно огороженной очагами синего пламени и располагающейся каждый раз на тщательно выбранной территории – люди уже танцевали; но это был ещё пока разогрев. Движения этих танцев никогда не учились заранее – люди являлись на свет с затаённой в них волной, которую они в течение жизни раскрывали; таким образом, танец приходил сам, люди двигались в такт внутреннему огню. Музыканты – они потом менялись местами с танцующими – пока что играли спокойно, с умиротворённо-уверенным взглядом.

Эйи сел в стороне, закрыв глаза. Он не нуждался в разогреве.

Спустя время он почувствовал напряжение в воздухе. Люди стали двигаться интенсивнее. Начался тот бессознательный этап, когда все элементы выполняются уже на автомате, будто по инерции, будто бы что-то закрутили, и этот вихрь не может остановиться, он становится всё быстрее, он влечет за собой всех, он проходит через всех. Это и давало чувство единства.

Но главное было впереди. Лицо Эйи осветила улыбка.

Когда бессознательное завихрение достигало апогея, на площадке появлялась Она, облачённая в ритуальные одежды, всё время разные. Так произошло и в этот раз. Окинув взглядом танцующих, Она резким движением сбросила

длинный плащ и почти мгновенно растворилась в толпе.

В этот момент Эйи раскрыл глаза и присоединился.

Теперь начиналось самое интересное. Никто никогда не мог знать, когда Она может появиться рядом; когда Её рука или часть Её лёгкой одежды невзначай заденет кого-либо из танцующих. На этом этапе глаза людей, как правило, уже были закрыты; и это обостряло восприимчивость. Каждый мечтал выхватить из толпы именно Её прикосновение. Особую удачу имели те, с кем Она невзначай могла потанцевать какое-то время; как правило, это был прямой намёк на то, что, вероятнее всего, именно этого человека Она избрала в качестве следующего жреца.

Она не могла украдкой не наблюдать за Эйи, то и дело бросая в его сторону беглые взгляды. И каждый раз поражалась. Во всех его движениях, даже в ровном, не отражающем эмоций лице с закрытыми глазами читалось горькое отчаяние. Наверное, так бы двигался человек, которого в следующий момент казнят. Будто бы напоследок он пытался выбросить всё, что осталось, смириться с этой горечью. Его движения были резкими, ломающимися; он мог начать одно, затем как бы переломиться пополам и резко перейти в другое. Эти «переломы» производили гнетущее впечатление.

Она усмехнулась про себя.

«А он действительно, похоже, считает, что приносит себя в жертву. А ведь я просто дам ему возможность выполнять свою работу. Столько театральщины всё-таки в этом суще-

стве... интересно, всегда он такой будет?»

Она, вероятно, не догадывалась, что с момента перерождения вся его жизнь превратится в нескончаемый театр.

Вообще, праздник Танцующих Огней был ещё и прекрасным индикатором внутреннего состояния людей племени. Она помнила, как танцевал тот печальный человек, который пожелал отправиться с Эйи в низший мир – это было похоже на умирающую птицу, такими плавными и унылыми были движения, и иногда в нём будто что-то дёргалось, он проделывал нечто резкое и выбивающееся из череды, снова затем возвращаясь в прежнее русло. А те, в чьих элементах угадывалась какая-то угловатость, чрезмерная и не прерывающаяся резкость, потом, как правило, проявляли агрессию.

Отключившись мыслями от постороннего, Она влилась сознанием в общий поток. Зрелище было по-настоящему завораживающее, и, если бы кто-то смотрел на это со стороны, он увидел бы пару-тройку эио-ом, сидящих неподалеку и наблюдающих, прикрыв огненно-янтарные глаза.

После праздника все расходились молча, медленно приходя в себя. Эмоций, как правило, ни у кого не оставалось; люди выматывались полностью – внутри оставалась обновляющая пустота. Некоторым даже требовались священные пещеры.

Эйи какое-то время сидел на месте, глядя в одну точку; затем отошёл подальше, поднялся на небольшой холм, лёг, раскинув руки, под звёздами. Войти в свое любимое состо-

ание в этот раз не удалось – он уснул почти мгновенно, прямо там. Неясно было, где кончилась реальность и начался сон – всё произошло слишком стремительно – и поэтому ему снился звездопад, много, много падающих звёзд, падающих прямо на него, и ощущения были почему-то похожи на те, когда искры от бенгальских огней попадают на руку (он всегда этого боялся, и всегда жёг их исключительно в перчатках). Сначала он слегка подёргивался, но потом звёзд стало так много, что он просто не успевал за каждой; казалось, тело нагревается, вот оно уже почти раскалилось от этих острых, втыкающихся искристым ливнем игл. И, как лёд под сильным дождём, плоть будто начала растворяться, источая какое-то радиоактивное свечение.

Проснулся он резко, с первыми лучами, и сначала не понял, куда делись падающие звёзды и почему он снова целый. Тело побаливало; чувствовалась сильная усталость. Встать не хотелось, но и спать уже тоже.

Он приподнялся на локтях. Вчера он совсем не заметил, что холм весь покрыт крупными яркими цветами (а может, это всё звездопад?..). Неподалеку стояла Она, в лучах расцветной звезды; длинные, слегка волнистые, распущенные чёрные волосы колыхались на ветру. Она смотрела на восходящее светило; затем повернулась к Эйи с ожидающим взглядом.

Пора.

Часть 2

Глава 1. Пост сдал – пост принял, или Страдания взрослого Винтерхальтера

*Reality is sometimes stranger than fiction
Whatever happens in my dreams...
Serenity is taking over all I am, it gives me peace
And all I see are visions of my destiny...
Epica "Mother of Light"*

По вымощенной брусчаткой улочке шагал, а вернее, тащился, двадцативосьмилетний безработный гражданин Германии по имени Лоренс Винтерхальтер.

«Без-ра-бот-ный...» Слово никак не укладывалось в голову; вот уже несколько дней он бесцельно шатался по городу, подальше от своего района, и в голове было пусто. Ну разве что звучали то и дело вероятные реплики от семьи. «Что и следовало ожидать от тебя». Конечно. От сына таких замечательных родителей и брата такой замечательной сестры. Ну нет, они не узнают. А жить ты на что будешь? На пособие по безработице?..

На дороге попался непонятно откуда взявшийся булыж-

ник. Это было так неестественно, почти так же, как увольнение; этому булыжнику не могло быть причины, и он не вписывался в общую картину, поэтому господин Винтерхальтер изо всех сил пнул его ногой, так, что тот ударился о ближайшую кирпичную стену. На стене висела вывеска, привлекавшая внимание Лоренса; вздохнув и подумав, что катилось бы оно все к чертям, он вошёл в паб.

Когда он вышел, уже стемнело. Он чувствовал лёгкую мусть, но не сильно – с детства он привык знать меру, да и финансы теперь не особо позволяли расходиться.

Намереваясь отправиться домой и проспать до обеда следующего дня, он зашагал вниз по улочке, и, чтобы сократить путь, свернул в переулок. Очевидно, он задумался, поскольку сразу же после поворота налетел на кого-то, успев почувствовать что-то острое, ударившееся о него в нескольких местах; после этого он услышал отчаянную ругань на непонятном ему языке.

Существо почти мгновенно поднялось, яростно отряхиваясь; это оказалась девица на вид примерно одного с ним возраста; первое, на что он обратил внимание, это ярко-красные губы и отвратительные длинные того же цвета ногти.

Не успел Лоренс опомниться, как в воздухе сверкнуло подобие молнии, и в следующий момент он уже сидел у стены, чувствуя острую брусчатку и слегка задыхаясь от удара спиной. Мгновенно его охватила жуткая злость на то, что

какая-то вертихвостка, ещё и столкнувшись с ним ни с того ни с сего, пыталась качать свои права; он мгновенно ответил ей тем же. Однако девушка успела отразить удар, и, прежде чем он осознал, что вообще произошло, яростно затараторила приглушённым голосом:

– Грёбаная страна!!! Куда ни плюнь – везде штраф! Покурить – днём с огнём не сыщешь! И люди, как выяснилось... отвр-р-ратительные!!!

Она сверкнула на него разъярёнными глазами. Господин Винтерхальтер тем временем был слишком в замешательстве, чтобы вести дискуссию с раздражённой леди. Нет, он, конечно, бывало, после трудного дня мог развлекаться тем, что зависал над землёй на несколько сантиметров на какое-то время; эту свою особенность он хорошо знал ещё с детства, и очень живо помнил, как ему влетело от родителей за то, что он напугал сестру. Её это не впечатлило, ровно так же, как и отца, который, увидев своего сына, висящего в воздухе, сказал: «Знаешь, Лоренс, шёл бы ты лучше домашнее задание делать». После тех случаев об этом не узнала ни одна живая душа.

В общем, господин Винтерхальтер хоть и обладал таким умением, но никак не ожидал, что способен направить мощный поток энергии на что-то или кого-то.

Девушка тем временем, казалось, тоже опомнилась, посмотрела на него оценивающе, затем, уже куда более спокойным голосом, сказала:

– А, так ты это, из наших, что ли... Ты извини тогда, если что. Смотреть надо в следующий раз, куда идёшь!!!

– Не, дамочка. Я ни к каким вашим никакого отношения не имею. Счастливо оставаться.

Он хотел было её обойти, но она так вперилась в него взглядом, что он просто не смог пошевелиться.

– В смысле... не из наших? И ты вот так просто по улицам гуляешь?

Тут Лоренс буквально взорвался.

– Да, представьте себе! Гуляю по улицам! Потому что я безработный, чёрт возьми, без-ра-бот-ный!!! Что мне ещё делать?! Может, ты знаешь? Может, ты расскажешь мне, какого хрена меня вышвырнули, как собаку, по прихоти мажорской морды с оскорблённым достоинством? Убил бы...

– ...

– Убил бы!!! Сволочь... Всю жизнь, за всю грёбаную жизнь уже столько людей бы убил, уничтожил, чтобы они перестали уничтожать меня!!!

Он уже не понимал, что говорит; слова лились непровольным потоком, но, нельзя было не признать, какая-то правда в них была. Договорив, он уставился перед собой.

Убедившись, что он закончил, девушка осторожно сказала:

– Слышь, парень... А это ведь возможно.

– Что возможно?..

– Ну, все твои враги, они могут р-раз – и сдохнуть.

– Ну, теоретически могут...

– Да не теоретически! Щас, дай я соображу... Короче, ты не против, если я дам тебе свою визитку, и ты мне завтра позвонишь – желательно ближе к вечеру? Не соображаю ни-хре-на...

– С какой стати мне ещё Вам звонить... Дайте я лучше пойду уже, а...

– Нет!!! Стой!!! Мне за тебя, может, повышение дадут! Как бы мне... а! Ты сказал, безработный. Вот и будет тебе работа! Ну всё, *tot ziens*⁴! – она сделала картинный жест, будто снимает шляпу (слегка при этом пошатнувшись), и спешно удалилась.

В тёмном переулке, с визиткой в руках и с болью в спине, стоял двадцативосьмилетний безработный гражданин Германии по имени Лоренс Винтерхальтер, и необычные ощущения он, пожалуй, в жизни не испытывал.

Он ещё не догадывался, что с этого момента вся его жизнь будет напоминать скорее театральную постановку.

***

На следующий день, позвонив Ите (так было написано на визитке) и узнав адрес, по которому надо приходиться, он сидел за гладким чёрным столом перед человеком, напоминав-

---

⁴ (голл.) пока, до свидания

шим по виду женщину – со строгим, будто выточенным лицом; из синих глаз веяло неземным холодом. В то же время длинные, слегка вьющиеся чёрные волосы сглаживали общую остроту черт, придавая облику естественность.

Лоренсу мучительно не хотелось сидеть прямо напротив неё; более того, он не мог отделаться от ощущения, что где-то они уже встречались, и она знает то, чего не знает он. Но сидеть всё-таки надо было. Чуть поодаль за женщиной («Пусть пока будет так, дальше посмотрим», – решил Лоренс) стояла Ита; это он понял только по длинным красным ногтям. Синяки под глазами светили фонарями, на голове было кое-как сооружено подобие небрежного пучка; толстовка, свисавшая чуть ли не до колен, и дырявые джинсы заканчивали картину. Когда он вошёл, она, подавив зевок, изобразила подобие улыбки и помахала рукой.

– Итак, – женщина обратилась к Лоренсу, – Вы осознаёте, куда пришли и зачем?

Господин Винтерхальтер вперился в неё взглядом. Дело было в том, что нет, он вообще-то не осознавал.

– Не осознаёте? То есть Вы просто пришли сюда...

У Лоренса кончилось терпение.

– Да, я просто пришёл сюда! Меня выкинули с работы, я наткнулся на неё (он выразительно глянул на Иту) в переулке, она дала мне визитку и сказала прийти по этому адресу. Я понятия не имею, чем вы занимаетесь, – теперь его взгляд был каким-то вызывающим.

Она снова вздохнула и посмотрела на него задумчиво.

– Хм, ну я бы конечно могла Вам дать длинный лист с уставом, а потом другой лист с согласием на обработку персональных данных, – она усмехнулась, – но Вы вряд ли, как любой нормальный человек, будете его читать, а Ваше согласие мне, в общем-то, не нужно. Да что Вы дёргаетесь, успокойтесь. В общем, как Вы уже поняли, мы тут все не обычные люди, и Вы в том числе. Всё население планеты, скажу я Вам – это не один и тот же вид. Принадлежность можно определить по наличию так называемых «сверхспособностей» – чего-то вроде дополнительного органа чувств, нацеленного на восприятие некой скрытой от обычных людей энергии, пронизывающей всё вокруг. Но проблема в том, что, помимо существующего перенаселения, на Земле преобладает как раз этот... ну как Вам сказать... – она поморщилась. – Этот, скажем, не очень достойный жить вид – я бы сказала, этот назойливый побочный эффект, который как-то уже слишком задержался на этой планете.

Она посмотрела на Лоренса, ожидая реакции. Тот, казалось, уже был готов ко всему, поэтому сидел молча.

– Мы, естественно, не афишируем свою деятельность. И, поверьте, не стала бы я Вам так просто всё это рассказывать, не зная наверняка, что Вы подходящий человек.

Лоренс и сам не знал, подходящий он человек или нет. Но если она знает... Тут он ощутил ненавязчивый, а потом буквально вгрызшийся в мозг поток воспоминаний. У него ведь

и самого была подобная теория, да и нельзя было всю жизнь не чувствовать, как определенный вакуум отделяет тебя от остальных. Потом ему вспомнился тот человек, из-за которого Лоренс, будучи высококвалифицированным пилотом, был уволен. Он сжал кулаки.

– Да Вы не волнуйтесь, – она улыбнулась. – Мы в основном действуем через военные конфликты, но иногда, если очень надо, я позволяю своим людям небольшие шалости.

Господин Винтерхальтер остро чувствовал, что должен что-то ответить. Но она так смотрела на него (ещё и это вечное ощущение, что где-то подобное уже было!), что необходимость слов как-то отпадала. На мгновение Лоренс почувствовал, что значит это всё; по спине пробежала приятная дрожь. Неужели он... и правда имеет большую ценность? И неужели теперь...

– Думаю, дальнейшее Вам могут объяснить и другие сотрудники (Ита икнула). Я к тому, что я Вас не тороплю – подумайте, обдумайте, и, как решите, приходите за более подробными инструкциями. И да, конечно же, будьте готовы к тому, что если решитесь работать у нас, то мне будет необходимо Вас протестировать. Нужно же мне знать, на какую должность Вас поставить!

На этих словах он дёрнулся особенно сильно.

– Я военный лётчик по профессии; также посещал медицинские курсы, но, как Вы понимаете, глубокими знаниями в этой сфере не обладаю. У меня есть документы...

Она улыбнулась.

– Господин Винтерхальтер, ну что Вы как маленький. За-чем мне Ваши документы. Оставьте их себе на память. Вы ведь прекрасно поняли, о чем я говорила.

Он сглотнул.

– Да не бойтесь Вы, никто Вас убивать не собирается. Все понимают – а если не все, то я разьясню – что Вы до этого не практиковались. Всё будет хорошо, обещаю Вам.

Эти слова его почему-то мало успокоили, но делать было нечего. Назад пути не было, да и идти туда, назад, не очень-то хотелось.

Только он встал, собравшись выйти, в комнату вошёл человек. Первое, что бросилось в глаза – длинные волосы цвета циан. После Иты Лоренс уже ничему не удивлялся.

Женщина бросила на вошедшего слегка удивлённый взгляд. Он, в свою очередь, поинтересовался, очаровательно при этом улыбнувшись и закинув назад назойливую прядь волос:

– У нас новенький?

– Да, скорее всего, – она перевела взгляд на Лоренса. – Это Эйи, мой заместитель (на этих словах тот картинно поклонился, совсем как Ита в переулке). Можете потом тоже пообщаться, Вам всё равно привыкать.

Лоренс кивнул. Эйи прошёлся по комнате, глянул в сторону Иты.

– Что-то ты сегодня совсем плохо выглядишь.

– Да знаешь, вчера с этим ещё... в смысле, притащила его сюда, по переулкам шатался.

Лоренс кашлянул.

– Ты хоть иногда спишь?.. – спросил Эйи.

– Ха-ха, ну если совсем всё скучно, то сплю.

– Не понимаю я всё-таки людей...

– У-у-у, мало того, что сноб, так ещё и обзывается! Я же не как ты! Вот придёшь в следующий раз за нутеллой...

Эйи сделал очень жалобные глаза.

– Ну Ита, ну не вредничай! Ты же знаешь, что мне можно так говорить.

– Ну да, пользуешься положением, сверхчеловек несчастный.

– Ну не настолько же...

Женщина за столом выразительно кашлянула.

– Могу я идти? – спросила Ита.

– Да, вполне.

– Dank u⁵.

Ита вышла, но Эйи не торопился. На его лице появилась какая-то очень многообещающая улыбка. Он неторопливо подошёл к Лоренсу, и, казалось, собирался что-то сказать. Но в последний момент резко выхватил из кармана кожаной куртки чёрный предмет (оказавшийся пистолетом) и выстрелил в того в упор.

В комнате повисла тишина. И без того бледное лицо Ло-

---

⁵ (голл.) благодарю

ренса стало ещё белее, а глаз немного задёргался. Он, однако, поразился быстроте своей реакции.

Женщина встала из-за стола и бросила на Эйи яростный взгляд, означавший «с тобой мы позже поговорим».

Тот, впрочем, ничуть не смутился. Покручивая пистолет в руке, он подпрыгивающей неторопливой походкой вышел из комнаты, небрежно бросив в сторону Винтерхальтера:

– Годитесь.

– Значит, никто меня убивать не собирается? – выдавил из себя Лоренс после продолжительной паузы.

– Да я сама не знаю, что на него нашло! Обычно он и пистолет-то в руки не берёт... Кхм. В общем, я хочу сказать, что это исключительный случай.

– А сколько у Вас ещё таких исключительных случаев?!

– Господин Винтерхальтер. Вы немного забываетесь.

Лоренс смущённо замолчал. А потом он сам не заметил, как выдал следующую фразу – так неожиданно для него она появилась:

– Я буду у вас работать. Вы хотели меня протестировать? Я готов.

Она смерила его взглядом.

– Вы, конечно, можете выбрать для себя время, но мой Вам совет – поешьте хорошо и отдохните, а потом уже возвращайтесь.

Лоренс кивнул и быстро вышел.

Когда они вышли на пустырь за городом, уже светили звёзды, на которые господин Винтерхальтер даже засмотрелся.

Начали с простого. Она атаковала лёгкими приёмами, он защищался. Затем задача усложнилась – он должен был не только защититься, но и отразить. Вначале вроде бы получалось неплохо, но дальше простых вещей не шло.

Тогда она решила применить метод, который с другими срабатывает на ура. Она начала диалог, который впоследствии был призван скоординировать действия со словами; диалог напоминал своеобразную амплификацию⁶, как правило, в негативную сторону. В конце человек обычно выходил из себя и уже плохо контролировал свои действия.

Результат превзошёл ожидания. Деревья вокруг пустыря были сломаны. Посередине зияла глубокая воронка. Лоренс не чувствовал под собой ног, и дышал часто, как собака.

– Знаете, господин Винтерхальтер, у Вас неплохие задатки. Вам, конечно, ещё тренироваться и тренироваться... Но я думала, Вы вообще тут как овощ будете, с непривычки-то.

– Пожалуй, Вы правильно думали, – вставил тот между двумя глубокими вдохами.

– Ну, сейчас Вы, ясное дело, устали, это Вы привыкнете;

---

⁶ в риторике: перечисление похожих речевых конструкций, в котором происходит нарастание эмоций. Градация может быть как положительной, так и отрицательной.

Эйи вон у нас «Солнцепёк»⁷ нейтрализовать может, и ничего; да что там, он один может сойти за «Солнцепёк», если очень постарается.

– Нейтрализовать... «Солнцепёк»?

Широкие глаза Лоренса расширились ещё сильнее.

– Господин Винтерхальтер, ну а Вы думали, куда попали? Ах да – Вы же, собственно, не думали...

– Если Ваш заместитель обладает такими возможностями, – Лоренс глотнул воздуха; бедняга всё ещё не мог перевести дыхание, – то Вы... Вы вообще... кто? И почему Вы попросту не можете захватить весь мир? Зачем Вам этот медленный... геноцид?..

– Лоренс, Вы пускаетесь в философию. К тому же, знаете, никто ещё не был настолько смелым, чтобы обвинить меня в геноциде, учитывая и то, что Вы здесь не вполне правы. Вообще, я Вам на это следующее скажу. Не всё в этом и каком бы то ни было мире должно быть Вам изложено, как в инструкции; доходите до всего сами, а если Вам всё же требуются четкие рекомендации – выполняйте приказы, как Вам и следует.

---

⁷ Тяжёлая огнемётная система, предназначенная для вывода из строя легкобронированной техники, поджига, разрушения зданий и сооружений, а также уничтожения живой силы противника, расположенной на открытой местности и в фортификационных сооружениях. Уничтожение происходит полем высокой температуры и избыточным давлением, которое создаётся при массированном применении неуправляемых реактивных снарядов в термобарическом и дымозажигательном снаряжениях. Максимальная дальность стрельбы «Солнцепёка» – до 6000 м, площадь поражения – до 40 000 кв. м

После некоторого молчания она спросила:

– Вы ведь хорошо обращаетесь с огнестрельным оружием?

Тут Лоренс кивнул не без гордости.

– Хорошо. Идите, отдохните. Завтра поговорим насчёт Вашей возможной должности. И знаете, – она улыбнулась, – Вы куда увереннее в себе стали. В целом это неплохо. Вы способный человек.

Лоренс настолько устал, что просто кивнул с благодарностью и даже не спросил, по сравнению с каким состоянием он стал увереннее.

«Теперь я точно знаю, что он годится. Нет, ну надо же, всё-таки осуществил свой план; хотя, думаю, вряд ли он поначалу очень обрадуется перспективе работы с Эйи. Ну да что поделывать...»

На следующий день Лоренс был действительно ошарашен, и даже не знал, чем больше: тем, что его будущая должность – заместитель и телохранитель Эйи, или тем, что тот же самый человек будет его тренировать.

Вообще-то, для Эйи последнее тоже было открытием.

– Что? Я?! Да я же его убью!

– Ничего не знаю. Социализируйся ты уже! Единственный ни с кем не общаешься...

– Мы ведь с Итой общаемся.

– Ровно настолько, насколько ей удастся находить для те-

бя вёдра нутеллы.

– Да не только нутеллы... – вполголоса пробормотал Эйи.

– ... думаешь, я не вижу, как ты иногда дёргаешься в её присутствии?

– Ну, я её побаиваюсь, но в целом... У меня же нормальные отношения с остальными!

– Как с людьми ниже тебя по рангу, да.

– Слушайте, я не знаю, чего Вы добиваетесь. Мне кажется, я вполне исправно работаю. На Вас. Мне, знаете ли, неинтересно другое.

– Да и я тебе интересна ровно в качестве средства достижения освобождения и окончательной смерти, – она усмехнулась.

– Ну, по большей части да. Но мне действительно нравится моя работа.

Она засмеялась.

– Это хорошо. Я рада, что тебе это нравится.

– Очень! – глаза Эйи сверкнули.

– Уверена, Лоренс будет тебе отличным помощником.

Впрочем, это во многом зависит и от тебя...

Он понял, что препираться бесполезно.

***

В последующие несколько месяцев Лоренс Винтерхальтер не жил, а выживал.

– Эйи, ну зачем ты *так* его мучаешь?

– Я не умею нормально учить. Предпочитаю наиболее быстрым и действенным методом...

– Но ты же его так когда-нибудь убьёшь!

– Ну а я Вам что говорил.

– ...

– Зато он уже настолько привык, что перестал вечно дёргаться по любому поводу.

– Конечно, если повод не кончается... И всё-таки я не очень понимаю; нет, конечно, если у тебя есть какой-то план...

– Знаете, не может же для Вас быть всё расписано, как в инструкции.

Она промолчала.

– На самом деле, определённые причины у меня есть. Мне просто интересно, начнёт ли он меня ненавидеть в конечном счёте.

– Ты всё пытаешься понять, тот ли это человек? Можешь быть уверен.

– Я не пытаюсь это понять. Я это знаю. То, что мне осознать действительно хотелось бы – сохранились ли у него те же намерения.

Она задумалась.

– Хм, а знаешь... Интересно. Только прошу тебя – не переусердствуй.

Лоренс не мог понять своего отношения к этому человеку. Конечно, большую часть времени ему просто хотелось убить Эйи (и тут он вспоминал про «Солнцепёк» и желание улетучивалось), но он не мог объяснить непонятого волнения каждый раз, когда тот появлялся, со своей этой самодовольной рожей и не сходящей с лица улыбочкой. Да тут ещё другая проблема – Винтерхальтеру было мучительно интересно, что с биологической точки зрения представляет собой это существо. Его нельзя было назвать ни мужчиной, ни женщиной, а ещё эти волосы... взять бы хоть один волосок на экспертизу!

Так он думал, отдыхая после очередной тренировки. В этот раз они уехали подальше – не просто за город, а в сельскую местность; подходящее место найти было весьма проблематично. Эйи лежал на траве, греясь в лучах рассветного солнца (тренировались ночью во избежание ненужных свидетелей). Поляну, которую они выбрали, окружали горы; оба были невероятно довольны обстановкой и уходить отсюда не торопились. Эйи эти места чем-то напоминали родину, а Лоренсу – загородный дом родителей, куда они ездили на праздники; приятные ассоциации вызывали, конечно же, не сами родители, а то, что там ему позволяли держать лошадь, на которой он, собственно, уезжал подальше чуть ли не на

целый день. Или же он просто забирался в горы, время от времени беря с собой принадлежности для рисования. Поднатаскавшись в пейзажах, он стал добавлять туда людей и различных существ. Самым популярным сюжетом были люди, летающие на крылатых белых котах, напоминавших какую-то смесь рыси и льва. На некоторых рисунках были даже портреты. Конечно же, эти у него хватало мозгов не показывать родителям, но особо удавшиеся пейзажи без всего остального, нарисованные в более старшем возрасте, даже висели в гостиной. По ночам было жутко холодно; порой Лоренс ни с того ни с сего просыпался, выходил на балкон, накинув несколько кофт, всматривался в чернеющую бездну неба, сверкавшую бесчисленным количеством звёзд, и в голове появлялись строки. Да, как и многие юноши, он писал стихи; правда потом, читая их с утра, он не мог понять, что там к чему, о чём они вообще. Но звучало красиво, и он их сохранял. А как-то ночью он и вовсе ушёл потихоньку из дома, ходил по полям, вдыхая свежий, влажный воздух; смотрел на небо и не мог насмотреться – на следующий день побаливала шея.

Эйи уже долго лежал, не двигаясь.

«Заснул, что ли?.. Ну и хвала богам».

Солнце уже начинало пригревать; оно очень хорошо освещало лицо лежащего. Несколько секунд Лоренс боролся с желанием подойти и посмотреть поближе; затем любопытство взяло верх, он подошёл, нарочно шурша травой. Убе-

дившись, что тот спит крепко, он аккуратно присел на корточки и стал разглядывать лицо. Спокойное (в кои-то веки!), бледное, гладкое; черты острые и тонкие – нос с горбинкой сверху, заметные скулы, точёная нить губ какого-то оранжеватого оттенка, большие веки, скрывающие миндалевидные глаза, в которые, если заглянуть, можно провалиться, как в чёрную бездну; на лбу между глазами еле заметная, какая-то болезненная складка.

«Вот взять бы и пристрелить сейчас. Но, думаю, меня потом за это не просто пристрелят... да и, пожалуй, не смогу я его вот так убить».

Тут Эйи внезапно открыл глаза. От неожиданности Лоренс подскочил. Это существо ещё в первую встречу, когда внезапно выстрелило в него, напомнило ему кота – никогда не знаешь, что сделает в следующий момент; потом он только убеждался в этом – такое же бессовестное, эгоистичное, самовлюблённое, считающее тебя собственным рабом, непонятное животное. А сейчас он вспомнил, как в детстве пытался незаметно подкрасться к спящей кошке, и каждый раз она внезапно открывала глаза, когда он был уже совсем близко.

Эйи, казалось, не обратил внимания на испуг; он приподнялся на локтях – следов сна на лице не было и вовсе – и сказал, будто продолжая начатый ранее диалог:

– Я не спал, Ларри. Кстати, научишь меня стрелять?

Тут Лоренс всё-таки не удержался и в очередной раз дёр-

нулся; по спине пробежали цепкие ледяные мурашки.

– Да ты не бойся, это потом, когда мы с тобой закончим. А то мне, знаешь ли, интересны такие штуки, но никак руки не доходили.

«Конечно, куда уж там...» – подумал Лоренс, а вслух сказал:

– Я сделаю, что смогу. Кстати, можно Вас попросить? Не зовите меня Ларри, ради бога.

– А что так? – Эйи как-то хитро прищурился.

– Это не требование, – быстро поправился тот, – просто просьба. Неприятные ассоциации.

– Что ж, в таком случае, сочувствую Вам, господин Винтерхальтер. Потому что мне нравится Вас так называть, – он закинул назад прядь волос. – Но я постараюсь не делать этого, ладно. А то Вы когда-нибудь и правда пристрелите меня, как собаку, – последние слова он как-то мелодично растянул, прикрыв глаза.

«Невыносимо», – подумал Лоренс.

– А знаешь, что? – спросил внезапно Эйи. – Мне тут нравится. Я давно не делал перерыв. Думаю, ничего не случится, если я задержусь здесь на денёк. И ты заодно от меня отдохнёшь.

В первую секунду Лоренс был счастлив; но потом здравый смысл вернул его с небес на землю. А точнее, подозрительность. Не очередная ли это проверка? Сам того не замечая, он уже потихоньку начинал чувствовать подобие ответствен-

ности за это создание. Поэтому, преодолевая себя и желая вовсе не слышать своего голоса в этот момент, он сказал:

– Хорошо, но я остаюсь с Вами. Думаю, начальству не очень понравится, если я приеду без Вас.

– Похвально, весьма похвально, – засмеялся Эйи. – В таком случае сейчас мне хотелось бы пойти в ближайший посёлок и там где-нибудь поесть; было бы ещё неплохо найти супермаркет с шоколадками. А потом пойдём на озеро – тут вроде бы есть одно неподалёку; ну в смысле я пойду, ты-то как хочешь.

– Куда я денусь. Да я и сам не против искупаться.

После завтрака они неторопливо дошли до озера; к этому времени солнце уже было в зените, однако не палило – вокруг было свежо, изредка дул прохладный ветерок. Водоём был окружён горами, и те, что были ещё и за ними, на горизонте, казались хрустальными. На водной глади играли солнечные блики. Людей вокруг не было. Обычно такая атмосфера создавала ощущение нереальности у Эйи, и даже навевала какую-то смутную горечь. Поэтому он встряхнулся, скинул верхнюю одежду и быстро зашёл в воду, тут же начав плыть. Лоренс долго думал, стоит ли оставлять вещи без присмотра, и пришёл к выводу, что вокруг всё равно никого нет.

«С этим человеком и не такую подозрительность вырабатываешь».

Тот тем временем доплыл до ближайшей скалы, вскарабкался на неё из воды и прыгнул. Винтерхальтер успел отметить чистоту прыжка. Затем Эйи не появлялся на протяжении, наверное, нескольких минут.

«Ну давай, утони ещё тут».

Лоренс взобрался на ту же скалу – что представило из себя не слишком лёгкую задачу – и посмотрел на воду сверху. То, что он увидел, его немного напугало. Эйи просто застыл и висел под водой, лицом вверх. Лоренс присел на скалу и решил подождать, что будет. Ничего, собственно, не случилось; спустя какое-то время тот просто вынырнул.

– Господин Винтерхальтер, Вам ещё не надоело меня изучать? – на этих словах он с силой всплеснул воду ногой; брызги окатили Лоренса.

Тот уже смирился, что его видят насквозь, но всё-таки замечание его смутило.

Эйи тем временем доплыл до берега, вылез и лёг обсыхать.

«Кот, ну вылитый кот. Сколько уже можно валяться».

И всё-таки сложно было не чувствовать, как едкие замечания заглушают неосознанные пока, незаметные, не признаваемые мысли совсем другого характера – какое-то неясно откуда взявшееся восхищение, эту назойливую самскар⁸.

---

⁸ в индуизме: зачатки наклонностей и импульсов из прошлого жизненного опыта и предыдущих рождений, которые должны развиваться в этой или в следующих реинкарнациях. Самскара представляет собой привычку или влияние прошлого на настоящее, проявляющееся как рефлекс, автоматизм, а также шаблон состо-

Проплыв туда-сюда, Лоренс тоже вылез. Вода всё-таки была ледяная, и конечности практически немели.

Оставшийся день они провели, гуляя по горным тропинкам; высоко не забирались – тренировка отняла много сил. На одной из небольших остановок, глядя на панорамный вид, Лоренс собрался с духом и спросил:

– Скажите, кто она такая – эта женщина, которая вами всеми руководит? И какая у вас цель – в конечном счёте?

Эйи сверкнул на него глазами.

– Какая цель? Вы, Лоренс, задаёте очень странные вопросы. Покопайтесь в своём сознании хорошенько, и Вы поймёте, какая цель. И ещё. Вы пока что ведёте себя так, что можно легко предположить оспаривание Вами приказов, которые Вы посчитаете для себя неподходящими. Это хорошо, что Вы размышляете. Но направьте свои умственные и не только способности в другую сторону – например, чтобы не задавать подобных вопросов. И да, мой Вам совет на будущее – вдруг пригодится. И заодно чтобы у Вас не было предрассудков. Вся наша работа состоит не в простом подчинении приказам, и наша заслуга не в том, чтобы научиться, не думая, выполнять чужие требования, даже если мы этого не хотим. Суть в том, чтобы научиться понимать, что эти требования соответствуют твоим собственным желаниям. Просто запомни, Лоренс: нет у неё таких требований, которые шли бы вразрез с твоими побуждениями, задаткам, порывами.

Винтерхальтер смотрел немного скептически, что, впрочем, было вполне ожидаемо.

– Ну так в итоге – кто она, таким образом?

– О, Вечность, – Эйи недовольно мотнул головой, —отстань от меня уже.

На этих словах он резко повернулся спиной и пошёл дальше по тропинке.

«Ну, ничего вразумительного я, собственно, не ожидал».

Однако, смотря правде в глаза, в глубине души Лоренс всё-таки понимал, что то, что ему сказали, возможно, достойно внимания.

Заночевать решили в ближайшем посёлке – было уже довольно поздно, ехать обратно не было сил. Благо, множество жителей сдаёт комнаты в своих домах.

Перед сном, сидя на кровати, Лоренс разглядывал фотографию. Хотя он и привык чувствовать себя оторванным от остальных, здесь он всё же находился среди себе подобных. А всё равно как будто был какой-то не такой. Не говоря уж об этом... как бы его назвать.

Фотография изображала лицо на фоне деревьев: бледная кожа, чёрные волосы средней длины, слегка торчащие; глаза большие, зелёные; острый, как у птицы, нос; тонкие губы. Выражение лица какое-то страдальческое: человек пытался улыбнуться, но у него получилась ухмылка. Помнится, тогда он напомнил Винтерхальтеру то ли музыканта, то ли манья-

ка. На заднем плане – поломанные деревья; пара куцых кустов с начинающими пробиваться листочками.

Да, это было уже очень давно; да, Лоренс осознавал, что ведёт себя, как какой-то подросток; но, когда они общались, он чувствовал немножечко меньше собственной отчуждённости, и это, по правде, было удивительно.

Он ведь так и не приехал в Москву тогда, потому что приехать уже было незачем.

Внезапный шорох отвлёк его. Он быстро поднял глаза и убрал фото с глаз. В дверном проёме стоял Эйи.

Лоренс посмотрел на того вопрошающе; никакого ответа – только улыбается. Затем Эйи быстро подошёл ближе.

– Это из-за того, что ты сейчас убрал, у тебя неприятные ассоциации с именем «Ларри», да? – он усмехнулся.

Лоренс всё никак не мог понять причин такого вопроса. Не успел он опомниться, как фотография магическим образом перекечевала из его руки в руку Эйи. Какое-то время тот разглядывал её с никогда не появлявшейся ранее мерзкой ухмылкой. Затем просто взял и разорвал на две части.

Лоренс не знал, почему не свернул ему шею в этот момент. Это был его первый порыв; ярость просто захлёстывала его. Но по какой-то странной причине он сидел, широко раскрыв глаза, и только и смог выдавить из себя:

– З.. з.. зачем?!

Эйи подошёл ещё ближе, заглянув тому прямо в глаза.

– Да потому, что не нужна тебе больше эта грёбаная фо-

тография.

Глава 2. Спасение утопающего – дело рук его брата по несчастью; кто ищет – тот Лоренс

*I learn to live with the loss;
I see God in violence,
I see truth in suffering.
Fit For An Autopsy “Flatlining”*

*Freedom, true freedom;
To know where to seek
Is to see we're the gateway to our mystery.
Our freedom,
All we ever need is freedom;
The wisdom we gain will abate all the pain so we can
rise
To greater heights.
Epica “The Wolves Within”*

Лоренс как сидел с круглыми глазами, так и остался сидеть. Казалось, в его голове происходит очень напряжённая работа – и очень быстрая, как в особенно критические моменты человеческой жизни. Эйи это видел; он стоял, продолжая смотреть Винтерхальтеру в глаза (в том числе за тем, чтобы отслеживать реакцию и малейшие колебания сознания).

Необходимый эффект был произведён; но внезапно Эйи понял, что не подумал, что делать дальше. Момент, безусловно, стоил того, но если наслаждаться им слишком долго, то может произойти что-нибудь непредвиденное – Эйи никогда не нравилось, если вещи шли не по плану.

«Он может выкинуть что-нибудь... Что-нибудь, чего я не выдержу».

Поэтому он быстро сделал едва заметное движение рукой, после которого Лоренс медленно упал на кровать, провалившись в сон.

«Будет тебе время обдумать это всё».

Проснулся Эйи поздно – солнце уже светило вовсю. После пробуждения он сел на кровати, тупо смотря перед собой: обычно он сразу принимался расчёсывать волосы, чем занимался на протяжении, наверное, получаса; в этот раз расчёски не было. Слышались размеренные шаги по дому. Очевидно, Лоренс проснулся куда раньше и теперь, судя по звукам, немного нервничал.

Эйи глубоко вздохнул, оделся и вышел из комнаты.

– Извини, что заставил тебя ждать. Я устал вчера. Всё в порядке? Чего ты мельтешишь?

Винтерхальтер остановился и поднял на него растерянный взгляд.

– Да вот, я думал сначала, мне сон приснился... Странный. Потом вижу – фотографии и правда нет...

– Да забудь ты уже об этой фотографии! Да, ничего тебе не приснилось – я и правда тот самый придурок, и даже более того... – на этих словах Эйи внимательно посмотрел на Лоренса.

– Да, знаете... Я много чего вспомнил тогда. Очень много, хотя это больше походит на бред. Но у меня за всю жизнь не было ещё подобных ощущений, а поэтому я смею предполагать, что... это не совсем бред, так ведь?

– Да, это всё правда, ты только успокойся, пожалуйста, а то твой блеск в глазах меня нервирует.

– Но почему, – успокоиться он всё-таки не мог, – почему тогда Вы так себя... ведёте?

– Как это – *так*, Ларри? – последнее слово он произнёс металлически, с лёгкой ухмылкой.

Лоренс как-то обречённо склонил голову.

– Теперь, я полагаю, – продолжил Эйи, – Вы не будете против такого имени.

Повисла тишина. Немного погодя Лоренс спросил:

– Но как Вы умерли тогда?

– О, если честно, будешь смеяться. Когда мы с тобой в последний раз болтали, я лежал у железной дороги после неудачной попытки самоубийства. Валялся я там ещё очень долго, всю следующую ночь, наверное; было, знаешь ли, довольно неплохо; а потом я подумал, можно ли расслабить всё тело разом. До этого у меня всегда оставались напряжёнными шея и голова, а тут у меня, представь себе, получи-

лось; ощущения были необычные – сначала какие-то разноцветные смешивающиеся краски перед глазами, потом чувство, будто куда-то падаешь, а потом, собственно, всё. Гораздо быстрее и проще, чем мне казалось. Ну хотя, сейчас-то я понимаю, – он усмехнулся, – что мне просто была оказана услуга. Но тем не менее.

Лоренс задумчиво смотрел на Эйи. Пользуясь моментом тишины, Эйи сказал:

– Мы задержались. Думаю, пора возвращаться.

***

Вскоре после того, как они вернулись, Эйи разыскал главу организации. Теперь уже его глаза блестели. Она слегка усмехнулась, окинув его взглядом.

– Можно Вас на пару слов? – спросил он.

– Так уж прям на пару...

– Да, именно, – в голосе послышались какие-то железные нотки.

– Ну, слушаю.

– Я просто хотел разъяснить один момент. По поводу социализации.

– Пожалуйста.

– Я не нуждаюсь в ней. Просто хочу, чтоб Вы себе уяснили уже – я предан Вам, и моя жизнь состоит в работе на Вас, ни в чём больше. Поэтому я буду делать это до последней капли

крови, пока не сдохну, как собака, но сдохну уже наконец...

– Эйи, – она вздохнула, – если ты и тут заботишься о собственной выгоде, уверяю тебя – исключительно исполняя мои требования, ты не достигнешь освобождения быстрее.

– Я не забочусь ни о какой выгоде! Мне нравится моя работа, и... подождите, что? Разве?

На этих словах она откинула голову назад и рассмеялась.

– Нет, ну что за прагматичное создание! Так и знала – не будет же оно просто так в своей преданности заверять! О, Вечность...

– Вы меня не так поняли... – Эйи смутился; он действительно говорил искренне, но вышло, как всегда. – Просто я думал – разве это не кратчайший путь? Вы к тому же даже не сказали мне, что я должен сделать в итоге.

– Перестанешь ты когда-нибудь пытаться жить по инструкциям?

– Нет. Мне нужно знать наилучший путь, чтобы это закончилось побыстрее.

– Хорошо. Просто делай, что считаешь нужным.

– Ничего вразумительного я и не ожидал!

– По-моему, более чем вразумительно, – она похлопала его по плечу. – Теперь-то ты немного лучше отличаешь нужное от ненужного, после своей прошлой жизни, а?

– Теперь у меня гораздо больше возможностей, чтобы реализовывать свои стремления.

– Но теперь ты и не претендуешь на своё абсолютное пер-

венство, ха-ха, вот я и доверяю тебе больше.

– У меня иногда такое чувство, что Вам просто весело... это всё...

– Не буду лицемерить: весело в том числе. Но поверь, это далеко не единственная причина.

– Хотелось бы верить...

Тут диалог внезапно был прерван. В помещение ворвался перепуганный Винтерхальтер и захлопнул дверь.

– Послушайте... Я смирился с тем, что у Вас работают разные сомнительные личности, которые в любой момент могут сделать что угодно и вообще ведут себя чёрт знает как; с тем, что вы убиваете людей пачками просто за то, что они люди; но что это за получеловек в белой накидке, который только что пытался перегрызть мне глотку?!

«И когда он только успел напиться...» – подумал Эйи.

– Да не пил я!!!

– Он не пил, – быстро сказала глава организации. – Оставайтесь здесь. Оба! – прибавила она, когда Эйи кинулся было за ней.

После того, как она стремительно вышла, Эйи подошёл к стене и облокотился о неё. Лоренс никак не мог прийти в себя.

– Я думал, уже ничему удивляться не буду, но этот тип меня, если честно, напугал изрядно... Что с Вами? – он обратился встревоженный взгляд на Эйи, который медленно сполз по стене и теперь сидел с чуть приоткрытым ртом, будто хо-

тел поймать воздух.

– Ничего, мне просто... что-то немного нехорошо...

– Я могу что-то сделать?

– Нет... сейчас пройдёт, наверное... – он не успел договорить; в глазах потемнело, и Эйи отключился.

***

– Вы снова мне нужны на пару слов. Точнее, в этот раз не на пару...

– Я догадывалась. Ты хочешь знать, что это за человек был вчера?

– Да...

Она вздохнула и помедлила с ответом.

– Мне не хотелось, чтобы ты об этом знал. Так, во всяком случае, было бы лучше. Понятия не имею, как ему удалось сбежать...

– Сбежать?

– Да, иначе с ним теперь нельзя. Послушай, Эйи: то, что я тебе расскажу, может сильно ранить тебя. Понимаешь, это мои дела... И моя вина. Ты точно хочешь знать правду?

– Да. Это не обсуждается.

– Хорошо... Возможно, тебе и правда следовало рано или поздно об этом узнать. В общем... ты же догадываешься, что ты далеко не единственный такой?

Эйи дёрнулся и кивнул.

– И ты наверняка должен понимать, что далеко не все экземпляры бывают удачными.

Тот снова дёрнулся.

– Этот человек – первый окончательно удавшийся вариант. Точнее, он был когда-то человеком, сейчас он скорее животное, хотя, даже хуже. Не надо на меня так смотреть – мне тоже трудно об этом говорить; есть ошибки, которые не исправить. Нет, это не твой случай. Так вот, его звали Глен. У него было то же назначение, что и у тебя, и почти те же возможности. Но ошибка крылась в самом сотворении, сейчас для меня это очевидно, но тогда мне казалось, что он – идеальный инструмент... в общем, дело в том, что в нём изначально была заложена тяга к убийству, но не как у тебя, а к любому вообще. Мне казалось, что, если для него это будет необходимо, как воздух, я смогу добиться наилучших результатов; и не только я – так, думалось, было бы лучше и для него. И знаешь, в начале всё правда было неплохо: он беспрекословно подчинялся, но я видела, как ему нравится то, что он делает – мне было приятно это видеть. Он ещё, кстати, музыку очень любил (тут Эйи дёрнулся как-то особенно сильно) – играл на скрипке, точными науками увлекался. Благороднейшее создание. Так мне казалось. Пока я не стала замечать, что его что-то гнетёт. И что все его увлечения – это не более чем попытка забыться, хоть ненадолго отвлечься от этой тяги, которая, как выяснилось, не оставляла его никогда; я видела, какими дикими глазами он смотрит

на людей, а потом и на живых существ в целом... Я пыталась с ним поговорить, но он всё отрицал. Я думала, что может, это временное, и уже почти закрыла на это глаза. Но потом... потом он стал делать и вовсе страшные вещи. Он творил такое, чего я не могла понять, он уподоблялся людям, он получал удовольствие от причинения им физических страданий, он упивался ими, он не мог без них в дальнейшем. Вскоре он и вовсе потерял способность управлять энергией – просто животное, питающееся болью; на этом этапе я, конечно, уже ни на что не надеялась. Мне следовало его убить, и я намеревалась это сделать – убить окончательно – но тут он... исчез. Просто сбежал в неизвестном мне направлении. Я не видела его очень долго. Недавно он объявился, и знал бы ты... знал бы ты, в каком виде. Мне пришлось поместить его на время в специальное помещение, где он был бы безопасен для других; но, как видишь, ему каким-то образом удалось выбраться...

– Может, он всё же не до конца утратил способность использовать энергию?

– Вот и я сейчас об этом думала. Иначе он не смог бы... Тогда это ещё сложнее – я не могу просто взять и уничтожить его в один момент, мне нужно время...

– Получается, Глену постоянно хочется убивать?

– Да, Эйи. Но не просто хочется. Представь себе человека, который несколько дней идёт по пустыне без воды. Его желание пить – уже необходимый для выживания инстинкт,

он выпьет что угодно, и много, очень много; с тем лишь различием, что Глен никогда не получает удовлетворения...

– Но как он тогда жил?

– Сначала ему удавалось сдерживаться, но, знаешь, всему есть предел; на определённом этапе он просто позволил нити оборваться и покатился по наклонной; это уже не остановить.

Эйи задумался.

– Так Вы поэтому так боялись моего неподчинения?..

– В том числе. Но не только. Тебе не грозит судьба Глена, можешь быть уверен...

– Он на всех людей реагирует так, как на Лоренса?

– Да что там, не только на людей, но и на животных; на все движущиеся, живые объекты...

– Но Вас он, как я понимаю, выносит.

– Удивительно, но да. К чему ты это ведёшь? Думаешь, ты исключение, и он на тебя не кинется?

– Не думаю. Предполагаю.

– Что ты задумал?

Эйи немного помедлил, а после ответил:

– Исправить Вашу ошибку.

Она посмотрела куда-то в сторону, затем вздохнула.

– Боюсь, ты слишком много на себя берёшь. Ты, возможно, считаешь это своим долгом, – она заглянула Эйи в глаза, тот отвёл взгляд, – но не стоит. Не строй надежд. Ты не знаешь... Хотя, это поправимо. Можем взглянуть на него. Ты...

в состоянии?

– Не волнуйтесь, – он усмехнулся, – я уже вчера провалялся в обмороке по этому поводу; спасибо Ларри и его медицинским курсам.

«Ларри?..» – подумала она, а вслух сказала:

– Что ж, можем пойти хоть сейчас.

Они вошли в подвальное помещение. У кирпичной стены находилось что-то вроде капсулы; подойдя поближе, можно было увидеть в ней человека в белой накидке, руки и ноги пристёгнуты, выражение лица отсутствующее.

– Он сейчас находится в подобии анабиоза, – пояснила она.

– Могу я посмотреть поближе?

– Пожалуйста.

Эйи подошёл к капсуле, заглянул человеку в лицо и вздрогнул. Удивительно знакомые черты, разве что брови шире, надбровные дуги выступают чуть больше, и скулы очерчены, будто у статуи.

– Да, не удивляйся, – усмехнулась она, – я тогда решила особо не фантазировать. Это с тобой вышел креатив, и знаешь, так даже лучше.

– Скажите... возможно его на время вывести из анабиоза?

– Да, но он будет сильно страдать, и не знаю, что может выкинуть.

– Попробуйте, пожалуйста. Мне нужно проверить...

– Как скажешь.

Очнувшись, человек сильно дёрнулся; его зрачки моментально задвигались, лицо нервно подрагивало. Прядь чёрных волос упала на лицо; он её прикусил.

Эйи сделал глубокий вдох. Затем подошёл так, чтобы человек его видел, и заглянул тому в глаза. Кроме пустоты и жажды в них ничего не было; в первую секунду зрачки Глена сузились, казалось, он сейчас кинется на Эйи, а точнее, попытается. Тот, однако, не позволил себе паниковать; он пытался установить контакт с сознанием человека, но, казалось, было не с чем. Задача была сложная; он задумался.

– Ого, – сказала она, – он до сих пор не попытался на тебя кинуться.

– А должен был?..

– Не смей меня... Я ведь тебе объясняла.

– И какая на то может быть причина?

– Не знаю. Возможно, у него на тебя сходная реакция, что и на меня; а может он просто устал. Хотя в последнем сомневаюсь.

– Мне не удалось почувствовать его сознание...

– Нет у него никакого сознания. А если и есть, то где-то очень далеко.

После недолгого раздумья Эйи спросил:

– Вы говорили, ему музыка нравится?

Она приложила руку к лицу.

– И охота тебе с ним экспериментировать...

– А Вам охота? – парировал Эйи. – Я хотя бы помочь ему

хочу. Мне нужно понять, есть ли у него шанс. Если есть, я уже примерно представляю, что можно сделать.

– И откуда же у тебя такие представления?

Эйи не ответил.

– Думаю, его можно пока вернуть в прежнее состояние. Он не сможет долго удерживать на мне концентрацию. А я пока подумаю, что могу ему сыграть; да я к тому же давно не практиковался, в связи с последними-то событиями... Нужно будет вспомнить.

– Очень надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

***

На следующий день, с утра, Эйи сел за пианино. Нужно было – он чувствовал – восстановить навык до состояния идеала: тот человек чрезвычайно восприимчив, любая заминка, любое отклонение могут прервать концентрацию, которую потом будет сложно восстановить. В том, что она будет достигнута, он почему-то практически не сомневался.

В комнате, помимо Эйи, находился Лоренс – ему было интересно послушать. Ветер слегка колыхал белые занавески; в целом помещение было очень светлое, хоть и небольшое; единственным чёрным предметом было пианино.

Эйи играл своё любимое – Лунную сонату; ветер задувал будто бы в такт музыке. Лоренс облокотился о стену, заслушавшись игрой; на некоторых моментах Эйи даже казалось,

что можно закрыть глаза, однако он этого не делал – рано-вато.

Внезапно за дверью послышался какой-то шорох. Эйи не прекращал игру; Лоренс слегка насторожился. Затем дверь медленно приоткрылась и в помещение вошёл – точнее, вкрался – Глен. Его глаза были прикованы к играющему. При взгляде на Лоренса его внимание внезапно переключилось; зрачки снова сузились, в них стали отражаться диковатые отблески. Эйи среагировал мгновенно:

– Прячься за занавеску, быстро!

Вообще-то, Винтерхальтеру можно было и не давать указаний – он и сам не горел желанием ещё раз встретиться с этим существом. Он поспешно скрылся.

Глен кинулся было в его сторону; Эйи заиграл интенсивнее, попутно пытаясь подключиться к сознанию вошедшего. «М-да, придумал ты мне задачку...» Тот, казалось, успокоился и снова сосредоточился на музыке. Он сел на пол и оставался неподвижен; зрачки снова приняли нормальный размер, а потом даже стали расширяться. Было полное впечатление, что он находится под гипнозом.

Позже совместными усилиями с главой организации Эйи нашёл этому объяснение – сознание может голодать, даже если находится в практически мёртвом состоянии; то, что когда-то им владело, не может полностью избавиться от соответствующих потребностей, как бы низко ни опустилось. К тому же не может в животном, которое когда-то было че-

ловеком, не быть желанием противостоять соответственному обращению с собой. Но сейчас Эйи только удивлялся, что смог поймать внимание Глена; играя, он попутно старался как можно яснее запечатлеть в сознании того, что не является для него угрозой и даже может представлять из себя надежду.

Они долго просидели таким образом. Эйи поразился такой способности концентрироваться (как выяснилось позже, это был духовный голод). Выбившись из сил, он убрал руки с клавиш, одновременно погружая Глена в сон. «Теперь осталось только придумать, как дотащить его обратно. Хотя, погодите... у меня же есть Ларри».

– Ты там не умер ещё? – спросил Эйи приглушённо.

– Вы очень красиво играете... Правда вот, у меня нога затекла...

– Ничего, сейчас разомнёшься, – он кивнул в сторону спящего. – Мне нужно как-то донести его обратно.

Лоренс сделал круглые (ещё более, чем обычно) глаза.

– Я не хочу до него дотрагиваться!!! А если он проснётся и снова кусаться начнёт...

– Не проснётся, не переживай.

Лицо Лоренса приобрело страдальческое выражение.

– Ну неужели во всей организации нет более низких чинов, чтобы этим заниматься...

– Здесь, в этой комнате, у тебя наиболее низкий ранг. Он не в счёт, – прибавил Эйи, поймав изумлённый взгляд. – По-

этому не выпендривайся и вперёд. Да не бойся ты так. Просто перекинь его через плечо. Ну ладно, допустим...

Несколько вечеров подряд Эйи играл для Глена. Как выяснилось, тот разделяет интерес к Лунной сонате.

А в один вечер он внезапно заплакал. Где-то на середине прослушивания; обычно Глен сидел у стены, опустив руки вниз; тут он обхватил ими ноги, и по его лицу стали скатываться слёзы. Он остался неподвижен – даже не пытался их убрать.

«Интересно, о чём он сейчас думает... Если вообще думает. Полагаю, это продвижение вперёд».

Тем временем тот продолжал плакать. Его большие голубые глаза распахнулись широко, зрачки сузились, рот чуть-чуть приоткрылся.

«Кажется, будто он вот-вот что-то скажет». Эйи решился на отчаянный шаг.

– Ты хочешь что-то сказать?

Глен посмотрел на него, в глазах появилось вполне человеческое отчаяние.

– Нет... – произнес он.

Эйи был, мягко говоря, удивлён, но виду не подал.

– Что «нет»? Тебе нечего сказать или ты задал себе какой-то вопрос и теперь на него отвечаешь?

– Нет... Этого не могло... Произойти...

После этих слов он внезапно обхватил себя руками, силь-

но сжав зубы.

«Ну нет, отдохни пока». Глен провалился в сон.

Эйи был поражён прогрессом, как и глава организации; он впервые видел её настолько искренне удивлённой. Он поделился с ней своими дальнейшими планами.

– Я думаю произвести с ним что-то вроде мгновенной встряски посредством помещения в непривычные условия. Иными словами, я хочу вывезти его за город – где людей поменьше, а лучше, чтоб вообще не было – а там уже продолжить. Я долго думал, как отвлечь его от мыслей об убийстве. Сначала наиболее простым выходом мне казалось просто дать ему свободу в этом, но потом я понял, что это исключительно вернёт его в прежнее состояние. Поэтому на данный момент я считаю, что ему просто нужно по возможности не давать видеть живых существ; это не будет отвлекать его.

– Но какие методы ты планируешь использовать?

– Разные, – Эйи посмотрел в сторону. – Я пытался поставить себя на его место, и подумал, что для меня наилучшим выходом из ситуации было бы просто забыться. Музыка вводит его в состояние транса; могу предположить, что и другие виды искусства могут оказывать подобное влияние. Сложность состоит в том, чтобы при этом сделать его ещё и участником действия – опять же, удержать внимание. Это хорошая тренировка сознания. А где сила воли, там и разум-

ное существо.

Всё это время она смотрела на Эйи с уважением. Она никак не ожидала, что это безынициативное обычно создание способно проявить такую инициативу, да ещё и с его стремлением из всего извлечь практическую для себя пользу... Видимо, он видит Глена как своего брата. Впрочем, можно сказать, так оно и есть...

– Но, Эйи, ты ведь понимаешь, что из состояния забытья рано или поздно выходят, и потом уже ему ничего не поможет...

Он улыбнулся с какой-то горечью.

– Вы ошибаетесь, если думаете, что я ничего не понимаю. Глен – ошибка, которую необходимо устранить; так будет лучше в первую очередь для него самого. Но я хочу, чтобы Вы поняли, – Эйи сверкнул глазами, – даже недостойная жизни ошибка имеет право на достойную смерть.

К тому моменту, как они выехали в сельскую местность, предварительно сняв небольшое шале, Глен уже мог свободно говорить, хотя делал это весьма неохотно. Всё время казалось, что его будто что-то сдавливает, что все его действия производятся через силу. Оно и понятно – вряд ли кто-то смог бы представить, какие титанические усилия совершал над собой этот человек.

Большую часть дня Эйи и Глен просто гуляли в горах; тот выматывался, и это было как нельзя лучше. Единственная

проблема состояла в то и дело попадавших мелкими зверьках или птицах – Эйи видел, какие взгляды Глен каждый раз кидал в их сторону, и тут же старался отвлечь того разговором.

Вечера посвящали творчеству: сначала Эйи, как и раньше, играл для Глена; потом тот и сам стал играть на скрипке, которую Эйи предварительно раздобыл. Пару ночей Глен жаловался, что не может уснуть – тогда они уходили в поле, Эйи разводил небольшой костёр (то, как их не заметили, осталось загадкой) и учил того танцевать. Поначалу Глен, казалось, не мог понять, что от него требуется: движения – если их можно было таковыми назвать – были крайне неуклюжи. Затем пошло чуть лучше: Эйи наигрывал ритм, и в какой-то момент ему даже показалось, что Глен поглощён танцем. Это было хорошее состояние. «Думаю, скоро можно будет перейти к более серьёзным вещам».

После очередной прогулки они сидели на склоне, любясь закатом. Эйи рассматривал Глена: он думал о том, насколько тот изменился с того момента, как они увиделись впервые. Теперь его спокойно можно было назвать человеком; лицо не дёргалось, глаза не бегали – только видна была тень страдания, угнетённости, и постоянной фоновой внутренней борьбы.

– Ты, наверное, должен меня ненавидеть? – спросил Эйи. – Ведь я, считай, занял твоё место.

Глен обратил на него взгляд.

– Нет. Я тебя не ненавижу. Я очень тебе благодарен и искренне надеюсь, что ты сможешь исполнить всё, что я не в состоянии.

– Надеюсь, это не простые слова вежливости, – Эйи улыбнулся.

– Нет, я действительно так думаю...

Они немного помолчали, затем Эйи спросил:

– Скажи, ты всегда чувствуешь тягу к убийству, или в какие-то моменты она, может, пропадает?

Глен задумался и сжал кулаки.

– Всегда. Ну знаешь, разве что только... Когда я играю на скрипке, это желание ощущается менее отчётливо; когда танцую, в определённые моменты я и вовсе ничего не чувствую. А так всё время.

После небольшой паузы он спросил:

– Но скажи, Эйи... Почему... Почему это всё досталось именно... мне?..

Он уставился перед собой. Эйи не перебивал.

– Я порой чувствую себя таким одухотворённым созданием, способным на многое... Но эта жажда, она мне жить не даёт. Она все силы из меня вытягивает. Целыми днями, Эйи, – он вдохнул, – целыми днями, когда я не был ещё в диком состоянии, я думал только о том, как усмирить это желание, как не дать ему разыграться. Малейший шаг в сторону мог оказаться провалом. Я поздно понял, что провал неизбежен; точнее, когда он произошёл, я уже не хотел ни-

чего понимать. Если б ты видел, что... что я делал с теми людьми... их крики... они давали мне такое блаженство, их пронзительные вопли, переходящие в хрипы, мне хотелось ещё, и ещё, и с какого-то момента мне уже становилось досадно, когда они умирали, я жалел, что они не могут вечно страдать на моих глазах, но в то же время сам момент смерти был таким... упоительным, о, я никогда не испытывал чего-либо приятнее, это было невероятно, но мне хотелось больше, даже когда я, казалось, давал себе свободу, эта жажда меня убивала, всё сильнее и сильнее... Почему я не мог просто не появляться на свет, Эйи, я не хочу больше!.. – на этих словах он уронил голову и разрыдался; сел на землю, свернувшись в комок, по которому тут же рассыпались густые волнистые волосы. Позже к рыданиям добавились какие-то завывания; эту манеру трудно было не узнать, трудно было не провести соответствие.

Эйи стремительно подошёл к Глену и обнял его.

– Скоро закончится. Можешь быть уверен. Совсем закончится.

Тот стал завывать как-то более освобождённо, что ли; Эйи гладил его по голове, по спине – словом, проделывал всё то, что успокоило бы его самого.

Немного утихнув, Глен поднял на того красные от слёз глаза и спросил:

– А у тебя, выходит, есть эмпатия?

Вопрос был задан настолько невинным тоном; до этого

Эйи как-то не предполагал, что её может совсем не быть...

– Ну, да, конечно, она у меня есть.

– Интересно...

Немного погодя Глен снова задал вопрос:

– Меня убьёт... она?

Эйи кивнул.

– Но я не хочу, чтобы это делала она. Я бы не хотел...
видеться с ней... Нет!

– Послушай, – сказал Эйи мягко, – так надо. Иначе ты
родишься снова, и там уже я не смогу тебе помочь.

– Нет, не хочу снова...

– Тогда тебе придётся прийти к ней, Глен. И знаешь, чест-
ное слово, – Эйи улыбнулся, – с тобой случится то, о чём
я мечтаю уже на протяжении нескольких жизней. Разве не
стоит оно того, а?

Глен посмотрел в глаза Эйи каким-то по-детски беспомощным взглядом.

– Эйи, спасибо тебе за всё, – проговорил он. – Большое спасибо.

– Я бы отступился от своего же принципа, если бы тебе не помог, – Эйи улыбнулся. – К тому же на твоём месте мог быть и я сам... Но сейчас! У меня запланировано кое-что поинтереснее, чем музыка или танцы.

Глен посмотрел заинтересованно.

– Мне кажется, – продолжил Эйи, – ты был бы неплохим актёром. Ты очень хорошо скрываешь внутреннее состоя-

ние; это хороший навык. Посмотрим, сможешь ли ты не просто скрывать его, но и добавлять предусмотренные сценарием эмоции так, будто они настоящие.

– Мы будем играть спектакль? – с любопытством спросил Глен.

– Ну, не то чтобы спектакль, – рассмеялся Эйи. – Так, пару сценок.

Глядя на заинтересованное лицо собеседника, Эйи продолжил:

– Смотри, представь, что есть некое племя. Там есть вождь, есть жрец, есть воины, и есть божество, которому они поклоняются. Кем бы ты хотел быть?

– Жрецом, – недолго думая, ответил Глен. – А... что он делает?

Эйи снова засмеялся.

– Интересный ты. Ну, жрец – это как бы посредник между божеством и племенем; он руководит различными ритуалами, но не только – он ещё старший среди воинов и в случае войны ведёт их в бой.

– А зачем тогда вождь?

– Ты всё правильно понял, вождь не нужен. Жрец вполне заменяет его; к тому же это даёт людям возможность подчиняться непосредственно воле божества, а не прихотям какого-то человека.

– Но ведь жрец – тоже человек.

– Верно, – Эйи улыбнулся, – но если он исказит пожелания

божества ради собственной выгоды, то ему потом придётся плохо. Так что в его интересах проявлять дипломатические качества.

– Ясно.

– Но я не хочу, чтобы ты просто сыграл жреца, – Эйи посмотрел на Глена с искорками веселья в глазах. – Мне нужен конфликт, неразрешимое противоречие между волей божества и волей жреца.

Глен глянул на того с удивлением.

– Но как такое может возникнуть?

– Очень просто. Когда у жреца появляется иллюзия свободы воли.

– То есть какие-то... собственные желания?

– Да, мало того, что собственные, так еще и неправильные.

– Я не смогу это сыграть. Мне не очень понятно про свободу воли, а если она должна быть ещё и неправильной...

– Ты-то не сможешь? – Эйи заглянул ему в глаза.

– Погоди... – Глен посмотрел в сторону.

– А теперь послушай внимательно, – Эйи пододвинулся к нему поближе, положив свою руку на его, – мне нужно, чтобы ты сыграл именно свободу воли. Не насущную потребность, которая не даёт тебе жить, а вполне осознанное желание. Пусть и неправильное, но твоё, собственное, то, которое ты можешь сам себе объяснить и которое возникло в твоём личном сознании, которому нет предпосылок...

– Я попробую, – Глен сверкнул глазами. – Но это будет

сложно.

– Я знаю, ты любил играть в шахматы. Уж извини, представить тебе это не могу... но могу провести аналогию. Ты ведь во время партии проявляешь собственную волю, да? Хотя она и диктуется условиями, но, насколько я знаю, у тебя всегда есть несколько вариантов. А твой соперник – он может быть кем угодно; это для тебя не имеет значения, ты просто выбираешь ходы, которые наиболее верно приведут тебя к победе.

– Подожди, кажется, я немного понял... А в нашем случае, получается... чего может захотеть жрец? Ну разве что – самому стать божеством?

– Прекрасно.

– А зачем?..

– Да в том-то и дело, что неизвестно, зачем! Главное – это его воля, она не зависит от внешних обстоятельств, и он может себе её объяснить, ну там, к примеру, какими-то своими выдающимися качествами, возможностями, которыми другие не обладают, и так далее, и тому подобное; да что угодно! Прояви фантазию.

Глаза Глена блеснули инициативой.

– Знаешь, это звучит... замечательно!

– Ну что ж, – сказал Эйи, – тогда я буду тем самым божеством. И не переживай, если у тебя вдруг сразу что-то не будет получаться – это к тому же своеобразная импровизация выйдет – я буду направлять твои действия и слова, тебе

останется только войти в роль и не выходить из неё до конца; это должна быть крайняя степень сосредоточенности – отнесись к этому серьёзно.

– Хорошо. Я понял.

Играли едва не до рассвета. Поначалу Глен и правда чувствовал неуверенность: он всё никак не мог синхронизировать свою роль и собственный разум, отсюда было ощущение, будто он всё делает неестественно. Эйи это понимал; именно поэтому до самой кульминации они воспроизвели несколько «ознакомительных» сценок для того, чтобы Глен адаптировался. Да Эйи и самому, по правде говоря, сложно было без предварительной подготовки войти в роль.

Теперь, когда оба немного попривыкли, самым важным было не просто отождествить себя с персонажем на уровне сознания, но и не упустить этого, продержаться так до конца. Это не было бы необходимо, находишься они в простом театре, где сценарий расписан и выучен заранее; но в данном случае это было обязательным условием. Основной целью, с которой Эйи всё это задумал, было заставить Глена почувствовать свободу, причем аж двойную: не просто свободу игры, освобождение от личного «я», но и ту самую свободу воли внутри этой игры, подразумеваемую сценарием. Для этого – Эйи понимал – Глену нужно было проделать значительные усилия.

На самом моменте прямого проявления конфликта у Гле-

на поначалу возникли проблемы: из-за умственных усилий, направленных на осознание понятия «свобода воли», он не мог должным образом сконцентрироваться на роли. Он озвучил то, что должен был сказать, но как-то машинально; Эйи показалось, что синхронизация в этот момент была упущена. Тогда он решил немного помочь, проявив неожиданно сильные эмоции; в совокупности с ними слова, которые они сопровождали, вернули Глена в роль отступившего от правил жреца. И в ответ на эти слова, уже вполне искренне, с каким-то экзальтированным взглядом, Глен прокричал:

– Да потому, что я так считаю нужным!!!

Эйи не мог не прикрыть глаза с удовлетворением.

Развязку доиграли с меньшим жаром, но всё с той же сосредоточенностью; больше Глен её не терял.

В конце, когда они уже возвращались в шале, он сказал:

– А знаешь, я ведь в тот момент действительно почувствовал, что значит «свобода воли»... У меня были такие сильные эмоции. И такие необычные. Правда, сейчас я вряд ли смогу это описать...

– Это нормально, – улыбнулся Эйи. – Поверь, большую часть времени твоё сознание живет отдельно от тебя и выносит свои уроки; главное, не запускать его совсем. Даже человек, уподобившийся животному, имеет ценность, пока в нём продолжает гореть этот огонь: по крайней мере, у него есть надежда на дальнейшее освобождение, если он предпримет усилия; но даже если нет, то у него хотя бы есть шанс про-

жить более-менее наполненную смыслом жизнь.

«И всё-таки Вы были не совсем правы, когда сказали, что все его увлечения служат исключительно для того, чтобы отвлечься», – подумал Эйи затем.

Глен обдумывал его слова. Затем сказал:

– Спасибо тебе ещё раз огромное за всё.

Эйи поравнялся с ним и взял его за руку.

– Ты не боишься?

– Чего бояться... Просто необычно, что раз – и всё...

Кстати, только сейчас понял – я ведь не думал об убийстве тогда, когда полностью входил в роль и даже сейчас, когда ты говорил это всё.

– Что ж, Глен, это прекрасно. Но сейчас, конечно же, опять думаешь...

– Куда деваться.

– Хвала богам, тебе есть куда. Просто – если будет страшно, или ещё что – ты не стесняйся, говори. Я поддержу, как смогу.

– Да я, если честно, не осознаю это как-то... За всё время моей жизни я уже настолько отождествил себя со своим желанием, что оно меня вытеснило, и окончательную смерть я могу рассматривать только в качестве освобождения. Хотя, в последнее время я и правда смог почувствовать, как это – быть чем-то большим, чем просто непрекращающийся инстинкт.

– Вот поэтому я и предупредил тебя о том, что может быть

страшно – такие есть минусы у обладания личностью, – Эйи слегка рассмеялся. – Но это ничего не значит. Всем рано или поздно приходится через это проходить; просто обычно это происходит с людьми осознанно и после тщательной подготовки (тут он вздохнул: ему-то ещё работать и работать), а у тебя случится чуть раньше в силу экстренных обстоятельств.

«И в силу того, что кое-кто всё-таки должен исправить свою ошибку, которая и так уже настрадалась», – подумал Эйи после этих слов.

Когда глава организации увидела Глена, она, как ни странно, не смогла его сразу узнать. Это был человек, глаза которого светились мыслью; и более того – что-то ещё в них было, то, чего она не замечала ранее, тогда, ещё до периода полнейшей дикости. Сама того не осознавая, она ощутила подобие стыда.

А это его спокойствие и смирение. «Ну Эйи... тебя так скоро в статусе повышать можно будет, только вот непонятно, до степени кого. Хотя, наверное, то, что вы с ним, считай, на одной линии, многое объясняет...»

После смерти Глена Эйи ходил сам не свой. Поначалу он даже ни с кем не разговаривал; просто не видел никого вокруг, шатался по улицам, или висел на верёвках под потолком своего небольшого дома. Когда он, по прошествии примерно недели, стал чуть более коммуникабельным, Лоренс

не отходил от него ни на шаг. Это было довольно необычно – раньше похожие состояния, или «кризисы», он проводил исключительно с главой организации. В этот раз, по вполне понятным причинам, он предпочёл провести это время в одиночестве, ну а позже не совсем.

Лоренс в это время, помимо сопровождения Эйи в его бесконечных шатаниях, занимался выяснением очень важного для себя вопроса. Слова главы организации о том, что он должен доходить до всего сам, не выветрились просто так из его головы; он теперь – как и изначально – считал своим долгом узнать, какова же цель существования организации и, самое главное, кто эта женщина (за всё это время он так и не смог определить пол). Поскольку Эйи тоже не удостоил его ответом, Лоренсу ничего не оставалось, кроме как допытываться самому.

Со сложностями он столкнулся сразу: в первую очередь – в каких источниках искать? И что вообще искать? Можно ли найти отправную точку? Она в первую их встречу говорила о разных видах людей, о достойных и недостойных жить категориях... «Так, стоп, – Лоренс передёрнулся. – От этого отталкиваться явно нельзя». Но тогда от чего?

Он стал рассуждать о том, на что вообще походит эта организация. Элитарный характер, исключительные способности... какой-то тайный орден? Тайные ордены часто основывались на религии, но это было только прикрытием, так что от этого тоже, казалось, не оттолкнёшься. Но, с другой сто-

роны, они используют духовную силу. Да разве ж здесь такое когда-либо встречалось? Ну, разве что в некоторых восточных религиях, но и то после многолетней практики, а не так вот, как он.

Возможно, следует начать с выяснения вопроса о том, кем вообще является эта женщина. Он вспомнил свою прошлую жизнь. Ну как вспомнил – воспоминаний было мало, однако из них вполне отчётливо было ясно то, что там она являлась подобием божества, высшей силы. М-да... Он всё ещё не мог избавиться от ощущения того, насколько теперь его жизнь походит на сон. Так, не отвлекаться. Зачем тогда ей было отправляться сюда? Хотя – он тут же это понял – если она здесь, это не значит, что её нет там, и где-нибудь ещё, и вообще: множество воплощений – это вряд ли проблема. Тупик.

После нескольких дней напряжённых размышлений Лоренс не выдержал и обратился к главе организации с прежним вопросом. Ответа он, конечно же, не получил, но в этот раз над ним сжалились.

– Знаете, господин Винтерхальтер, Ваше стремление к знанию весьма похвально. Я могу пойти на некоторую уступку, чтобы Вам было не так тяжело, а то Вы, чувствую, по ночам спать не сможете (тут Лоренс подумал о том, насколько точным является это примечание). Ну и не только поэтому – Ваше обвинение в геноциде, честно говоря, меня слегка задело тогда, – она посмотрела на него с улыбкой. – Ска-

жем... вспомните, какие книги Вам нравились в юности, ну, лет так в 17, 18... Знаете, такой возраст, когда люди – ну не все, конечно, но многие – начинают искать смысл жизни, для того, чтобы потом его не найти, но это уже не важно... В общем, вот Вам – книга, отчаянный поиск смысла жизни. Желаю удачи. Хотя думаю, Вы, Лоренс, сразу догадаетесь.

«Вы, Лоренс, сразу догадаетесь». Как будто это так легко! Чего он только не читал, и почти во всех был поиск смысла жизни. Как назло. Экзистенциалисты, Гессе, после знакомства с Михаилом – тем самым умершим другом – что-то из русской литературы, но там поиск смысла жизни был не так ярко выражен, по крайней мере в том, что он читал. Так, ну были ещё Хаксли, Моэм; на последнем он вспомнил, каким забавным образом нашёл свою любимую книгу у этого автора – во время прочтения краткого содержания перед покупкой книги его зацепило то, что у них с главным героем одинаковые имена. А сколько раз потом он находил схожие черты между персонажем и им самим, по крайней мере, его стремлениями. «Вы, Лоренс, сразу догадаетесь». Он чуть не подпрыгнул и кинулся искать в Интернете «Остриё бритвы».

Хотя, можно было даже не искать. Он прекрасно помнил содержание, поскольку перечитывал её несколько раз. И каждый раз удивлялся, как главному герою удалось ответить на вопрос о смысле жизни – при том, что персонаж сам рассказывал о своём путешествии по Индии и достижении определённого просветления, он никогда не вдавался в дета-

ли; да и в целом Винтерхальтеру была чужда такая неопределённость – несмотря на некое сходство, он всё-таки был в каком-то смысле более практичным.

Глубоко вздохнув, он занялся поиском информации о религии, которая в итоге каким-то образом поставила жизнь главного героя книги на место. Отправные точки у него теперь были – смысл жизни, методы самосовершенствования. Вот уж не думал Лоренс, что будет заниматься подобным – религия его никогда не интересовала. Впрочем, ситуация не изменилась – он понимал, что до него просто пытаются донести информацию понятным ему языком, не более того.

Неделю, наверное, большую часть дня Лоренс рылся в Интернете, параллельно следя за тем, чтобы Эйи чего-нибудь не выкинул – впрочем, тот был довольно апатичен. Остановившись на карма-йоге⁹, он провалился в сон (была глубокая ночь). Перед тем, как заснуть, Винтерхальтер успел подумать о том, что, похоже, искать будет вечно и над ним просто подшутили.

Однако, проснувшись, он резко изменил своё мнение. Настолько резко, что не удержался и вскрикнул:

– Я понял!!!

Столь громкий крик даже вывел на какое-то время Эйи из его хандры, поскольку из другого конца комнаты тут же

---

⁹ Один из четырех основных видов йоги в философии индуизма. Главный ее смысл состоит в выполнении предписанных обязанностей без привязанности к плодам труда.

послышался сонный вопрос:

– Что ты понял?..

– Я понял, зачем нужна ваша организация и кто её глава!!! – бросил Лоренс, поспешно одеваясь.

– О, эти европейцы... – Эйи закатил глаза и снова погрузился в сон.

На входе Винтерхальтер столкнулся с недовольной Итай.

– Вы двое вообще работать собираетесь, а? Уже несколько недель прошло!

– Да, да... – быстро проговорил Лоренс, огибая её.

Ита была слишком ошарашена тем, что её даже не ода-рили язвительным ответом, поэтому молча позволила ему нестись дальше.

– Ну ничего себе, вштырило; чтоб меня так... – подумала она тому вслед.

Он разыскал главу организации.

– Лоренс, какая муха Вас укусила?

Он начал без предисловий.

– Тот мир, откуда мы с Эйи – он ведь... Ваш?

– Ну, допустим.

– А этот, в котором мы сейчас – кого-то другого? В смысле, вроде как чей-то фантазии, или сна, слишком реалистичного сна, я бы сказал...

– Допустим, если Вам так угодно...

– ... поскольку этот кто-то, развиваясь определённым об-

разом, когда-то достиг статуса творца – и теперь может создавать собственный мир?

– М-м, – хмыкнула она утвердительно.

– Но это не значит, что у этого человека благородные намерения – стоит хотя бы посмотреть вокруг?

– Угу.

– И это не значит, что у других людей, достигших того же статуса, что и он, не может возникать потребности как-то исправить ситуацию, возможно, при помощи собственных созданий – потому что как иначе?

– М-м, знаете, Вас интересно слушать. Вы сформулировали цель нашей деятельности; по правде говоря, до Вас никто этого не делал...

– А как же устав? Вы вроде упоминали его... – тут Лоренс смутился: ему как-то не пришло за всё это время в голову заглянуть туда.

– Пресвятая Вечность, да нет у нас никакого устава! Вы думаете, у меня мозги набекрень – все и так всё знают, это Вы тут только такой дотошный... ну можете, если Вам делать нечего, написать что-то подобное – мне в общем-то всё равно.

После небольшой паузы Лоренс спросил:

– Скажите, а... все эти люди из истории, которые как-то пытались исправить ситуацию, ну Вы понимаете...

– Ох, нет, они не имеют ко мне никакого отношения. У нас, знаете ли, принято посылать сюда кого-то только в ка-

честве наказания, ну или если они сами того пожелают – по собственной глупости или там по каким-то другим причинам (она выразительно посмотрела на Винтерхальтера).

– Ясно...

– Кстати, присоединяюсь к вопросу Иты. Уж не думал ли Эйи обидеться на меня?

– А, это, нет, конечно нет. Он как раз сказал недавно, что скоро выйдет... и хотел, чтобы Вы дали ему что-нибудь посложнее...

Она засмеялась.

– Ну хорошо, хорошо.

Лоренс собирался было выйти, но в последний момент обернулся и спросил:

– Слушайте, ну вот, допустим, прознали вы про очередной готовящийся крупный конфликт или теракт, устранили его организаторов и сделали всё за них; но какой смысл? Множество людей погибло бы в любом случае, я не понимаю...

– Вот уже который раз Ваши слова меня жалят, как стая диких пчёл, – она слегка рассмеялась. – Вас послушаешь, так мы террористы какие-то, – Лоренс хотел было возразить, но она не дала ему вставить слово. – Во-первых, мы уничтожаем людей, поверьте, гораздо более безболезненно и гораздо быстрее – вспомните, что делают обычные террористы или же просто любой военный конфликт. Раз уж в этих несчастных природой заложено убивать и терзать друг друга, пусть хотя бы умирают достойно. Но это так, предисловие

для успокоения Вашей души. Во-вторых – скажите-ка мне, господин Винтерхальтер: что обычно случается с людьми после смерти?

Вопрос немного сбил Лоренса с толку.

– Ну... э... судя по моему личному опыту, они, наверное, рождаются заново?

– Да, в большинстве случаев именно так. Ну и ответьте мне тогда – какой смысл убивать человека, чтобы он заново родился в этом же месте?

– Ну собственно да – какой?

– А такой, господин Винтерхальтер, что мы как раз уничтожаем их целиком и полностью. А будь они убиты себе подобными, такого эффекта бы не получилось, и круг бы не разомкнулся.

Лоренс округлил глаза.

– Но как?..

– Вы ведь знаете, из чего состоит человек? Я не имею в виду анатомию.

– Э... нет, как-то не думал...

– А, ну спросите у Эйи, это он Вам с удовольствием расскажет, – она усмехнулась. – Хотя, я могу Вас кратко ввести в курс дела, чтоб Вы уже отвязались от меня с этим.

Лоренс весь превратился во внимание.

– В общем, каждый человек состоит из множества потоков энергии, которые до этого летали хаотично, а затем как бы «застряли» в теле. Сами понимаете – если положить на-

ушники в карман, они запутаются. Вот и здесь так – потоки «завязываются» в «узел», который без специальных усилий невозможно развязать. Собственно, на это «распутывание» и направлены все духовные практики – если потоки снова свободно пронизывают тело, то у людей это называется «достичь просветления», ну или там «пребывать в Вечности» – что, на мой взгляд, ближе к истине – как хотите, так и называйте. Как Вы понимаете, с «развязанным узлом» человек больше не сможет переродиться – когда преграда будет устранена, потоки энергии продолжат свой полёт. Это, если хотите ещё аналогий, называется «освобождением из цикла перерождений». Всё. Полное исчезновение, Лоренс. Теперь Вы понимаете?

Всё это время на лице Винтерхальтера отражалась напряжённая работа мозга; теперь же он смотрел на главу организации так, что ей казалось, будто его глаза сейчас вылезут из орбит.

– Так Вы... Вы даёте людям освобождение... без каких-либо усилий?..

Она кивнула, улыбаясь:

– Можно и так сказать. А иначе с ними не справишься.

Выйдя из помещения, Лоренс какое-то время стоял на дороге – пока его чуть не сбил велосипед – а затем зашагал в сторону дома Эйи.

Глава 3. От всего плохого можно избавиться при помощи леденца на палочке или пульверизатора

*Deep in the night, boundless violence will seethe with
the danger;*

Our laws collide not allowing another contender.

When the wine drinks itself, you will burn to a cinder.

We're fighting time awaiting the answers.

I'll never let them stake you down,

Take you down;

I'll fight to find a way.

Epica "Burn to a Cinder"

С самого утра в организации творился какой-то переполох. Нет, формально всё было спокойно и как обычно; но в воздухе прямо чувствовалось это потрескивающее напряжение. Эйи стремительно шёл по коридору, стараясь всем своим видом не показывать, что чего-то не знает.

Столкнувшись с главой организации, он по её знаку последовал в кабинет.

– Опять эти... – сказала она со вздохом, приложив руку к лицу.

Эйи мгновенно встряхнулся.

– Точная дата ещё не известна? – быстро поинтересовался

он.

– Нет, но скорее всего, у нас есть около недели. Пресвятая Вечность, ну когда же они уже успокоятся...

– Да никогда, судя по всему. Ну, точнее, тогда, когда мы одержим окончательную победу...

– Каждый раз мне это как впервые, понимаешь?

– Понимаю.

– Да ничего ты не понимаешь; собственно, и не обязан, это я так. В общем, я надеюсь, ты в состоянии действовать?

За это время Эйи даже как-то вытянулся.

– Разумеется, я в состоянии! Если это всё, то сейчас же отдам распоряжение послать разведку...

Он не успел договорить, потому что в помещение вошла – нет, буквально влетела – Ита.

– Без на-адобности, – протянула она, – разведку я уже оповестила. Данные будут через каких-то пару дней, – сказала она с улыбкой, раскачиваясь взад-вперёд и заложив руки за спину.

– Пусть не так сильно торопятся, но будут поаккуратнее, – сказал Эйи слегка приглушённым голосом. – Чтобы не было, как в прошлый раз...

– Всё будет в лу-учшем виде! – заверила она, сделав картинный жест рукой.

В разговор вмешалась глава организации.

– Ита, ты зачем приходила?

Та немного смутилась.

– Ну я... э-э-э... Увидела просто случайно, как Эйи сюда заходил, ну и так вышло, что услышала нечаянно, о чём вы говорите, ну и...

– Понятно. В общем, если это всё, то можете идти, оба. Эйи – оставляю всё на тебя, только сообщай периодически обстановку. А впрочем... как хочешь; если любишь, чтобы поофициальнее, можешь каждый раз меня разыскивать.

Эйи кивнул, посмотрел на неё несколько секунд, и они с Итой вышли.

– Ита, чёрт бы тебя побрал! Могла бы быть и немного тактичнее. Можно уж хотя бы в некоторых случаях скрывать свою радость?

– Нет! – выпалила та, посмотрев на Эйи широко раскрытыми глазами и с диковатой улыбкой. – Точнее, кхм... – она немного оправилась, разгладив лицо, – я пыталась, но знаете, не всегда получается. Прошу прощения, жутко.

– Вот же... Только сейчас вспомнил, что забыл спросить, какое место они в этот раз выбрали.

– Да ладно Вам, не напрягайтесь. Это мы всё равно тоже узнаем.

– ... Надеюсь, что не как в прошлый раз. Это было сущее мучение. Никогда не забуду эту горную поляну чёрт знает где, а ещё и жарко до ужаса... Не люди они, что ли...

– Ну, так-то, мы все тут не люди, ха-ха; но те скорее нелюди.

– Полностью согласен.

Они шли какое-то время молча; Эйи – задумчиво глядя в пол, с руками за спиной, Ита – подпрыгивающей походкой, буквально сжигая взглядом всё вокруг.

– Что ж, полагаю, пока что нам особо нечего делать, разве что готовиться морально, – сказал он. – С данными будет понятнее, кого из руководства выдёргивать с мест. Ах да, ещё по поводу «рядов смерти» узнать... – он запрокинул голову, приложив руку к лицу. – А Винтерхальтер, я так понимаю, в курсе уже?

Нет, Винтерхальтер не был в курсе. Он полулежал на диване, вытянув ноги, и думал о том, что у него, пожалуй, тоже иногда бывает экзистенциальный кризис. Может, это Эйи на него так влияет...

Когда тот вошёл, он почему-то вскочил.

– Да можешь не вскакивать, я ненадолго. Ну а может и надолго. В общем, я не помню – рассказывал тебе о людях вашего типа вне организации?

Лоренс стоял, хлопая глазами; однако быстро пришёл в себя и ответил:

– Да нет, у вас, знаете, как-то не принято мне о чём-либо рассказывать, поэтому маловероятно...

– Ясно. В общем, я буду краток, у меня, знаешь ли, помимо тебя ещё куча дел появилась.

Лоренс промолчал.

– Мы уничтожаем не только людей, но и себе подобных.

Точнее, у нас с ними периодически происходят конфликты по их инициативе. Существует группировка – она довольно обширная и, к сожалению, влиятельная – из людей с теми же способностями, но, как ты понял, с другими целями.

Лоренс насторожился. Ему до этого как-то не приходила в голову такая вероятность. К тому же при первой встрече Ита сразу назвала его «из наших»; кто там ещё?..

– Должен сказать, Лоренс, что Вы довольно удачный экземпляр. В том смысле, что Вам удалось сохранить рассудок, обладая Вашими возможностями. Но так далеко не со всеми. Да, большая часть заканчивает жизнь самоубийством; а остальные, как правило, остаются с травмами на всю жизнь, с которыми, чаще всего, не могут справиться. Вот из таких-то и состоит эта группировка.

Чуть погодя он прибавил:

– Но есть, конечно, и обыкновенные отморозки, которые хотят пользоваться своим превосходством.

Лоренс спросил:

– Но неужели им тем более не выгодно, чтобы ненавистный им мир перестал существовать?

– Нет, Ларри, в том-то и дело, что им это невыгодно. Они считают это «непростительным уничтожением человеческого ресурса, из которого можно построить будущее, где каждый будет на своём месте». Да не дёргайся ты так, я их последнего предводителя цитирую. Дохнут они, кстати, как мухи, ха-ха... Так вот, о чём это я. Если кратко – они хотят

в конечном счёте заставить людей работать на них; иными словами, из зла сделать ещё большее зло.

Винтерхальтер стоял, обдумывая, затем спросил:

– А почему Вы раньше мне о них не рассказали?..

Эйи посмотрел на него хитро.

– Ну а кто Вас знает, вдруг переметнулись бы. Там бы Вас никто не третировал, м-м?

– Да что за бред! Порабощение кого-либо – это отвратительно; мне бы даже в голову не пришло, эта Ваша подозрительность...

– Ну теперь-то, понятное дело, не придёт. Но на первых порах... нервы, всё такое... Но если и задумаете переметнуться – найду и лично убью, – сказал Эйи, улыбаясь так приветливо, как только мог. – А если сам не найду, то можете не сомневаться – разведка у нас просто прекрасная.

На этих словах дверь распахнулась, и в помещение ворвалась Ита.

– Да, это точно!

– Ита, ты опять нечаянно услышала?

– Вроде того.

– Вот у нас наиболее рьяный борец с этими ублюдками...

– Да они ж конченные!

Лоренс чуть было не спросил: «Что, даже более, чем ты?» – но удержался.

– Вот каждый раз удивляюсь, как ты ещё с таким настроением в «рядах смерти», м-м... – протянул Эйи, чуть улыбаясь.

– Пф-ф, зря я Вас что ли шоколадками кормлю?

Оба рассмеялись. Лоренс занервничал.

– Что за «ряды смерти»? Вы можете последовательно объяснять? Мало того, что ошарашили...

– Да успокойся ты, тебе это точно не грозит, ха-ха. В «ряды смерти» попадают фанатики, не обладающие особо сильными способностями. Очень полезная штука, знаешь. Мы их вперёд высылаем, и противник, как правило, думает, что у нас все такие и теряет большую часть концентрации, расслабляется. И тут мы его р-раз! И всё.

– А если учесть то, что после каждого сражения у них почти полное обновление состава, – Ита хихикнула, – они всё никак не могут уяснить себе эту тактику! Ну какие идиоты...

– Да, Ларри, – Эйи сделал серьёзное лицо. – Основная задача «рядов смерти» не в этом. Сохранение жизней руководящего состава и тех, кто по-настоящему может приносить пользу – своеобразный бонус. Понимаешь, фанатики – это страшные люди. Как ты знаешь, наша деятельность скрыта; нам и бой-то приходится вести под защитным экраном, без применения оружия и древними методами «один на один». А эти часто становятся экстремистами, дальше своего пальца ничего не видят; в общем, слишком много шума, слишком много риска... Поэтому мои люди периодически докладывают мне о подобных; я это, разумеется, проверяю, но, как правило, проверка оказывается без надобности. Им обычно говорим, что они – избранные. Но, знаешь... – Эйи задумался.

мался, – такое чувство, что они ощущают приближающуюся смерть... этот их блеск в глазах...

На несколько секунд воцарилась тишина. Обдумывая всё услышанное, Лоренс как-то машинально спросил:

– Эйи, Вы, получается, тоже участвуете?..

Ита прыснула. Эйи с огромным трудом подавил подступающую улыбку и сделал бесстрастное лицо. Затем сказал:

– Доброе утро, Лоренс. Я Ваш Главнокомандующий.

Пока Иту сотрясали конвульсии, лицо Винтерхальтера мгновенно вытянулось, а глаза расширились.

– А то Вы, как я смотрю, – продолжил Эйи, – уже решили, что я умею только шоколадки есть и мозг Вам выносить.

После некоторого молчания Лоренс спросил:

– Получается, мне тоже нужно будет идти? В смысле, не поймите меня неправильно... я ведь, я не так давно у вас работаю, и боюсь, как бы не был бесполезен, или ещё чего похуже...

– Пф-ф, успокойся, – Эйи махнул рукой. – Это всё совершенно добровольно. Не расширяй так глаза: мы никого не заставляем воевать, даже тех из «рядов смерти», они сами не прочь порвать кому-нибудь глотку; про некоторых товарищей в этой же комнате вообще молчу. Все прекрасно понимают, что живому существу может быть неприятно убивать себе подобных, считается, что это против природы; поэтому, если это противоречит твоим взглядам, если это тебя травмирует и так далее – не нужно, твоим долгом это не яв-

ляется. А в плане «бесполезен» – брось, ты отлично показал себя на предыдущих заданиях – не считая, конечно, твоих вечных хватаний за оружие чуть что – поэтому буду рад, если составишь мне компанию.

Винтерхальтер поднял на Эйи какой-то странный, серьёзный взгляд:

– Знаете, если я Ваш заместитель, полагаю, мне следовало бы составить Вам компанию.

Эйи дружелюбно улыбнулся.

– Только учти, – сказала Ита, – это тебе не игрушки, там реально умереть можно, да ещё как умереть! С ними приходится действовать их же методами, а на методы они не скупятся. Знал бы ты, что они сделали с одним из наших разве-едчиков...

– Что?..

Эйи перебил:

– Его нашли мёртвым с такими повреждениями на теле, будто над ним долго издевались, причём при помощи обычных предметов для этих целей.

– И, представь себе! – сказала Ита. – У них после этого ещё хватало наглости отрицать причастность к сделанному!

– Верно... – подтвердил Эйи.

– Но, возможно, – предположил Лоренс, – это был какой-то экстремист... чуть больший фанатик, чем остальные? А руководство не было в курсе. Сдаётся мне с Ваших слов, у них там изрядный бардак.

– Мне всё равно, – Эйи сверкнул глазами. – Пусть правильно дрессируют своих собак.

– А почему Вы, с Вашими возможностями, – начал Лоренс, – не можете их всех уничтожить за раз?

– Ларри, ты преувеличиваешь, – Эйи откинул прядь волос с лица движением головы. – Во-первых, среди них куча довольно сильных, в одиночку я бы точно не справился. Во-вторых, тут массовое поражение немного не работает – у них есть возможность защититься; поэтому проще сражаться точечно. Да и вообще, я там в основном выполняю другую роль. Знаешь, когда силы людей на исходе, а они им ещё нужны, они всегда могут подойти и «подзарядиться» – да, тебя я этому ещё не учил, но такое вполне возможно. Их безмозглые руководители до этого, судя по всему, не догадываются, – Эйи хихикнул.

Лоренс посмотрел на него даже с каким-то уважением.

– Знаете, – сказал он, – для меня всё, что Вы рассказали, стало открытием. Воевать, считай, против своих же, только психов...

– Раз мозгов нет, то и не жалко, – ответил Эйи железным тоном. – Единственное, что меня беспокоит в этой ситуации, это реакция главы организации... Мне-то всё равно, кого убивать, но я чувствую её боль.

Чуть погодя он прибавил:

– И да, главе организации про «ряды смерти» ни слова.

Винтерхальтер снова дёрнулся; Эйи потянулся и сказал:

– Ладно, если это всё, пойду я. Мне ещё узнавать, сколько там этих фанатиков в этот раз и какого плана...

– О, – начала Ита, – Вы ведь опять речь перед ними проносить будете, да? – она снова хихикнула.

– А что делать, придётся. Они без этого не могут, да и продуктивность поднимается в разы...

– А могу я тоже послушать? – прищурился Лоренс.

– Можешь, но ты, как умный человек, будешь смеяться, – Эйи улыбнулся. – Да и тебе, по идее, где-то неподалёку от меня стоять полагается...

– Так, погодите. Я не хочу к этому причисляться. Можно сначала текст почитать?

Эйи рассмеялся:

– Ты шутишь, что ли? Какой текст?

– Вы что, на ходу придумываете?..

– Превеликая Вечность, да это же элементарно! Тем более что смысл всё время один и тот же... Если так боишься, можешь в этот раз действительно в уголке где-нибудь постоять и послушать, но, предупреждаю, если я услышу твой сдавленный смех, тебе будет очень, очень плохо...

Когда Лоренс вышел из здания, направляясь домой, вечер уже давно вступил в свои права: небо было сиреневым, мягкий воздух разносил повсюду тепло уходящего дня. Пели вечерние птицы.

Заметив впереди себя Иту, он нагнал её и, поравнявшись,

спросил:

– Почему Вы не приняли меня за одного из ваших врагов при первой встрече? С чего Вы подумали, что я работаю в вашей организации?

Она посмотрела на него слегка удивлённо, замедлив шаг.

– Да не знаю даже... Оно само как-то, у тебя глазки такие, щенячьи, ха-ха, уж извини.

– Да ничего, мне и другие это говорили... Ясно.

Ита снова пошла быстрее, давая понять, что разговор окончен. Лоренс хотел было завернуть за угол по направлению к своему дому, но внезапно передумал. Снова нагнав Иту, он встал перед ней и спросил:

– Вы свободны сегодня вечером?

Девушка приподняла бровь, усмехнулась и ответила:

– Ну, часов до 10-11 – да.

– Вы можете нормально отвечать, а? Мне за день хватает насмешек.

Ита смотрела на него, думая; наконец ответила:

– Знаешь, да, пожалуй, свободна. Ты забавный.

***

Несколько дней спустя пришли данные разведки.

«Масшта-абненько...» – думал Эйи, отхлёбывая разогретую шоколадно-ореховую пасту прямо из банки и закусывая кусочками разнородного шоколада, насыпанными в тарелку

наподобие салата.

– Похоже, в этот раз придётся большую часть вовлекать. Ну ладно, что же, давно они не показывались... Ита, а что это у них там за террорист появился, это то, что звёздочкой помечено?

– А, это я специально, чтоб не забыть. Удивительный случай, и возмутительный в то же время. Начиная с недавнего времени, с относительно короткими интервалами, в одной и той же части света было найдено несколько трупов людей, причину смерти которых установить не удалось – ну, полиции не удалось. В общем-то, картина, похожая на ту, что и обычно... С тем лишь различием, что убитые все без исключения не являлись обыкновенными людьми, и – самое интересное – принадлежали как к нашей организации, так и к той группировке.

– Что за чёрт, – Эйи приложил руку к лицу. – Это что, кто-то третий?

– Сомневаюсь, – сказала Ита. – Такого заметного уже давно бы прибрали к рукам. Склоняюсь к тому, что на поступки этого кого-то собственное руководство предпочитает не обращать внимания, а уж причины там могут быть разные.

– Ты хочешь сказать, погибшие не имели высоких рангов?

– Хах, в том-то и дело, что там был разброс. Среди их убитых высоких должностей не было, а у наших вроде как парочка была, ну и троечка обыкновенных, и вроде как даже несколько смертников.

– Такое чувство, что этот кто-то просто развлекался, не желая в то же время себе больших проблем. Ладно, об этом я ещё поподробнее расспрошу, и боюсь, если после предстоящего сражения эти случаи продолжатся, придётся выходить на переговоры...

– Да ладно, бьюсь об заклад, что в бою этот придурок не будет особо осторожничать.

– Очень надеюсь, – сказал Эйи, допив пасту. – Хорошо ещё, смертников в этот раз достаточно. Да, кстати, Ларри – если хотел послушать выступление, оно завтра.

Он назвал время и место.

***

Просторное подвальное помещение заливал холодный, чуть синеватый свет ламп. В нём было довольно прохладно – дыхание стоящих там превращалось в чуть заметный пар. Стояла поразительная тишина; только кое-где слышались шепотки. Восторженное напряжение наэлектризовывало воздух. Винтерхальтер стоял в углу, растирая слегка замёрзшие пальцы.

Наконец свет над подобием трибуны стал чуть ярче, и к ней вышел человек. Перешёптывание прекратилось; тишина теперь стояла мертвейшая – Лоренс даже пальцы тереть перестал.

Несколько секунд Эйи стоял молча, оглядывая присут-

ствующих. То и дело его взгляд впивался в кого-нибудь из людей, тот, как правило, со временем опускал глаза. Выражение лица Эйи было непроницаемо.

Наконец, слегка кашлянув, он начал. Речь была довольно спокойная, негромкая, но и не настолько тихая, чтобы приходилось напрягать уши. Говорил он даже как-то дружелюбно, с полуулыбкой. Слушающие стояли с задумчивыми лицами, и то и дело кивали головами, как бы в знак согласия.

Нельзя было заметить, когда именно тон стал более напряжённым, интонация – более железной, темп – более быстрым, громкость – чуть более высокой, жесты – чуть более резкими. Это произошло постепенно. Спокойные, разумные доводы иссякли, но эти люди не могли ими довольствоваться. В их глазах медленно зажигался фанатичный огонь, воз дух от напряжения потрескивал. Лоренс стоял довольно далеко, но даже издалека он не мог не заметить, как в глазах говорящего отражался свет синеватых ламп, и это было так знакомо...

«... человек – это нечто, что должно превзойти; мы с вами уже являемся тем, что превосходит это понятие во много раз. Эти отщепенцы хотят иметь дело с людьми, да ещё и в такой гадкой, недостойной форме – они не просто опускаются до уровня людей, они становятся гораздо ниже; разве это не высшее извращение нашей природы, которая призвана быть выше, лучше, совершеннее?! Разве не наш с вами прямой долг стереть с лица земли этот позор, это худшее

проявление жизни?!

Знаете... Буквально недавно меня спросили, насколько это тяжело – убивать себе подобных. Но я отказываюсь признавать их подобными мне!» – он хлопнул рукой по трибуне, по толпе прошёлся одобрителный гул.

После ещё нескольких особо эмоциональных выпадов напряжение пошло на спад. Теперь осталась заключительная стадия.

«Для меня невероятно большой честью является то, что вы все добровольно на это согласились. Я надеюсь, эти слова вас не оскорбили – ведь, я уверен, каждый из присутствующих уже считает это своим прямым долгом. Также я очень рад идти в бой вместе с вами – да-да, ни я, ни кто-либо из руководства не собирается отсиживаться, как это частенько делают они, – он презрительно ухмыльнулся (и тут же подумал, что очень сильно слукавил). – И, знаете, у нас есть на то причины. Я верю в каждого из вас, и полностью доверяю каждому из вас. Клянусь – если бы мне в голову пришло, что хоть кто-то из присутствующих способен на предательство, трусость или же не обладает достаточными силами, меня бы здесь сейчас не было, как и вас».

Немного помедлив и окинув взглядом толпу, Эйи резко остановил взгляд на каком-то пареньке лет двадцати. «Вот ты! Да-да, ты. В твоём внешнем виде нет ничего примечательного, но стоит заглянуть тебе в лицо, и обычный человек отшатнётся. Я удивлён, что ты – как и многие из вас – ещё

так молод, но уже достиг высот. А теперь послушай. Послушайте все! – он на секунду перестал смотреть в глаза парню, который вперился в лицо Эйи, как загипнотизированный, и окинул взглядом зал. – Я никому никогда не доверяю полностью. Вы считаете, я доверяю, скажем, своему заместителю? НЕТ! Никому и никогда; это принцип, без которого жизнь обречена на провалы. Но! Вот этому молодому человеку я верю, – он снова посмотрел в глаза тому парню, – и вы понимаете, что то же самое я могу сказать про всех вас! Да-да, вы не ошиблись – я доверяю вам больше, чем руководящему составу, потому, что вы не можете извлечь прямой выгоды из подчинения приказам, вы это делаете добровольно и бескорыстно, и я преклоняюсь перед вашим священным стремлением, вы – настоящая элита, вы те, кто по-настоящему заслуживает так называться, поэтому идите... и побеждайте!» На этом моменте Эйи чуть не сказал «идите и умирайте», и поблагодарил всех богов, что всё же не допустил оговорки.

После выступления, когда все начали потихоньку отходить и расходиться, тот парень, со всё ещё горящим взглядом, подошёл к Эйи и, набравшись смелости, спросил:

– Вы правда сверхчеловек?!

– Ну конечно, иначе как бы я здесь перед вами стоял, – он дружелюбно улыбнулся, поправив волосы.

– Знаете, – начал молодой человек довольно твёрдым тоном, – я бы хотел, чтобы Вы доверяли своему руководству, ну или хотя бы части, – он поднял на Эйи вопрошающий, од-

нако не лишённый робости, взгляд. – Могу я что-либо сделать?

– Понял тебя, – Эйи рассмеялся. – Как я уже говорил, я в тебя верю. Стараниями можно многого достичь. Я тебя запомню, а там, кто знает...

Лицо парня посветлело, в глазах появилась надежда, наряду с увеличившимся в несколько раз рвением. Эйи немного подумал, затем снял с головы ленточку, которой была перехвачена прядь волос, и повязал молодому человеку на руку, чуть выше локтя.

– Удачи тебе, – сказал Эйи с улыбкой и отошёл.

Когда все разошлись, в помещении остался один только Винтерхальтер, который как прилип к своему уголку, так и не мог от него отлипнуть. Эйи подошёл к нему неторопливо, слегка улыбаясь.

– Ну что, Ларри, ты там живой? Молодец, тихо стоял. О-о-х, – он хрустнул спиной, – держать эту осанку... Ты чего молчишь? Замёрз?

– Да знаете, – начал Лоренс потихоньку, – как-то я не ожидал от Вас такого... лицемерия. Неужели Вам совершенно их не жаль? Неужели не будет хоть чуть-чуть стыдно, хотя бы перед тем парнем?..

Эйи посмотрел на него серьёзно и с оттенком раздражения.

– Как бы нам всем ни было их жаль, они сами выбрали свою судьбу. Неспособные к критическому мышлению люди

обречены на такую роль, и это не я придумал, нам ничего не остаётся. Тем более – как я уже говорил – их никто не заставляет ни воевать, ни вступать в организацию. Этот человек хотя бы умрёт с осознанием, что он – избранный.

***

Накануне подобных событий Эйи часто видел один и тот же сон. И каждый раз поражался, насколько это видение прекрасно, насколько оно захватывает своей пьянящей нереальностью.

Ослепительное солнце, но жары нет: напротив, воздух пронизан прохладой, синее, почти ультрамариновое небо посылает земле лёгкий, освежающий ветер. А на самой земле... такие же ослепительные, как солнце, белые здания причудливых форм: высокие и поражающие своими масштабами, рвутся к небу остроконечные шпили. Острота форм, геометричность; вокруг почти каждого здания будто бы обвивается «спираль» – по этой своеобразной дорожке могут ходить люди. Самой постройки она не касается – то ли балки, поддерживающие её, слишком тонкие, то ли она и вовсе левитирует, как некоторые не очень большие здания – в основном ромбовидные или же округлые, контрастирующие с другими своим непроницаемым чёрным цветом, но не матовым, а больше похожим на цвет дна глубокого водоёма под многими слоями толстого льда.

Обширная площадь, на ней фонтан такой же формы, как и постройки, со множеством висящих в воздухе элементов. И такой же белоснежный. У фонтана стоят, переговариваясь, несколько человек; на них белые лёгкие длинные одежды. На ветру колышутся волосы цвета снега и невесомые, как пух. А если повернуться на 180 градусов, можно увидеть вдали горные вершины, похожие на вулканические, медленно сливающиеся с небом по мере удаления от наблюдающего и на горизонте становящиеся хрустальными, а перед ними – бескрайние луга, покрытые прекрасными цветами.

В сами здания Эйи никогда не заходил, но судя по обилию витражных окон, которые можно было увидеть, подойдя ближе, внутреннее убранство было раскрашено разными цветами преломляющегося света.

***

Место для сражения в этот раз снова было в горах, на довольно обширном поле. С наступлением сумерек был установлен защитный экран: ни один человек – если таковой бы вообще появился – не смог бы увидеть, что происходит под этим «куолом», который и сам был недостижим для глаз; любой приблизившийся к нему попросту потерял бы сознание. То, что оставалось после каждого столкновения, уничтожалось тут же – синий огонь мгновенно пожирал всё вокруг.

«Ряды смерти» успешно выполнили свою функцию, как и

обычно; как всегда, некоторые из тех людей остались в живых. Такие могли ожидать более успешного будущего. После них в бой стремительно вступали более сильные элементы, по полной используя временное замешательство врага. Это позволяло существенно сократить их количество, но, когда замешательство проходило, начинался уже настоящий ад, в котором концентрация, уверенность и правильное применение способностей были условием выживания. Каждый награждал врага тем, чем мог. Обычно человек, видя, что противник побеждён, заканчивал его жизнь быстро; по сути, действовали ещё принятые когда-то давно правила о том, что, если кто-либо резко прекращает сопротивление, это означает признание поражения и права своего врага оборвать жизнь проигравшего молниеносно. Однако многие из враждебной группировки этими правилами пренебрегали, а иногда делали это так открыто, что некоторые участники боевых действий зарекались когда-либо ещё раз идти на такое. Несмотря на возникновение из раза в раз подобных случаев, они были скорее исключением – никому не было выгодно тратить силы и время впустую.

Под конец между собой обычно сражались особо сильные и опытные – как правило, те, кто находится на руководящих должностях. Это были самые долгие, самые яростные, самые напряжённые столкновения. Выкладывались на полную, с полной изошрённостью, со всеми продуманными уловками. Тут преимущество было обычно на стороне людей орга-

низации – дело было не только в лучшей подготовке, но и в том, что они хотя бы выживали, накапливая опыт. Закончилось одним и тем же: именно на долю организации выпадало уничтожать трупы убитых; к тому же частенько остатки руководящего состава враждебной группировки попросту сбегали, видя неизбежное поражение. Со временем в организации даже появился специальный отряд, преследовавший и уничтожавший сбежавших.

В этот раз Эйи остался почти обессиленным под конец: мало того, что людей было больше, чем обычно, а следовательно, больше подходило на «подзарядку», так ещё и предводитель армии группировки оказался настолько отбитым, что уйма времени ушла на то, чтобы наконец добить его: это могло быть интересно в другое время и в другом месте; здесь его бесконечные увиливания стали жутко раздражать Эйи, который к тому же устал. Закончилось тем, что ему наконец удалось ударить противника о землю с большой высоты, переломав все кости разом, когда тот на мгновение потерял сосредоточенность, отвлекшись на манёвр другого представителя организации.

Лоренс только сейчас, кажется, по-настоящему почувствовал, насколько важны бывают интуиция и догадка, что опять же предполагает полную концентрацию. В начале ему было поручена роль эдакого наблюдателя, сообщающего обстановку из разных мест: ему это и самому, как человеку, впервые в таком участвующему, было полезно. Как и в нача-

ле тренировочного испытания при приёме на работу в организацию, пока что ему нужно было только защищаться. Первое, что его удивило, это то, что при такой сосредоточенности для страха просто не оставалось места, а состояния «отсутствия», при котором частенько активизируются различные эмоции и чувства, тут не допускалось – это означало верную смерть. Позже он узнал, что и у концентрации бывают разные виды: кто-то добивается её непосредственно через эмоции – и, как ему казалось, удерживать её в таком случае гораздо сложнее – а для кого-то это нечто чисто рациональное. Он больше склонялся ко второму, хотя после определённого случая как-то засомневался.

Ближе к концу он почувствовал какой-то странный прилив сил: вообще, его предупреждали об опасности этого состояния, если ты новичок – есть риск растратить все силы окончательно, не чувствуя меры до конца, до того момента, когда будет уже поздно. Он это учёл. Не зря ведь его сделали заместителем Эйи. И не зря он столько страдал на тренировках. И вообще, пора бы уже показать, что он не пустое место. Однако всё-таки нужно было быть осмотрительным: он помог нескольким людям из организации справиться с противниками, и, кажется, привлёк внимание, потому что вскоре оказался окружён кучкой невесть откуда явившихся врагов – судя по их виду, это был резерв (Лоренс успел искренне понадеяться, что последний). Такого он, мягко говоря, не ожидал: тут хоть в землю закапывайся. Всё, что оставалось

делать – это защищаться, отражать бесконечные атаки, и, надо сказать, довольно сильные; положение казалось безвыходным, поскольку собственные силы Винтерхальтера стремительно покидали. Позже он удивлялся, как ему вообще удалось удержаться тогда: даже Эйи кивнул с уважением, узнав о том, что те люди были из состава верхушки группировки. А пока он лихорадочно думал, как выходить из положения. Позже уже и думать не мог – все силы были сосредоточены на защите.

Вышел из ситуации он весьма неожиданно. Конечно, немалую роль сыграло ещё и то, что пара-тройка нападавших вынужденно занялась другими проблемами. Но основным было другое. Он внезапно почувствовал, что к нему приближается помощь. Кто-то заметил его положение и вскоре он будет освобождён. Не исключено, что это был и сам Эйи. Себе Лоренс потом не мог объяснить, что произошло, потому что в этот момент атака внезапно прекратилась, по той причине, что нападавшие повалились на землю в виде мешков с переломанными костями и вывернутыми суставами, даже не успев вскрикнуть.

Человек, подбежавший, чтобы помочь, только посмотрел с удивлением, кивнул и исчез из поля зрения.

Когда всё закончилось и были подсчитаны убитые (раненых, как правило, не было – их либо удавалось восстановить прямо там, либо же положение попросту было смер-

тельным), Эйи отдал распоряжение нескольким людям, у которых ещё более-менее остались силы, очистить территорию от трупов.

Когда он собрался уходить, к нему подошла Ита. Лицо блесло, скулы ввалились хуже, чем у Винтерхальтера обычно, синяки вокруг глаз зияли, будто нарисованные маркером. В вымученных глазах ещё держались эмоциональные искры. Часть волос беспорядочно упала на лицо, сильно смазалась кроваво-красного цвета помада. В чёрных сапогах с высокой шнуровкой отражались рассветные блики; перчатки она опять где-то потеряла.

– Как думаете, – обратилась она к Эйи, – сдох тот террорюга или нет?

– Увидим... – устало ответил он.

– Уже чёртово утро... – медленно проговорила Ита.

– Да. Доброй ночи.

– Bedankt¹⁰.

После того, как она удалилась, к Эйи подошёл Лоренс. Этот выглядел совсем плохо, однако на лице читалась какая-то гордость за себя.

– Ларри, ты как? Идти в состоянии?

– Вполне! Всё не так плохо, меня даже не убили, – вымученно пошутил он.

Эйи слегка хлопнул его по плечу.

– А я вот чувствую, будто что-то не так.

---

¹⁰ (голл.) Спасибо

– Что именно? – спросил Винтерхальтер непонимающе.

– Да как будто не всё ещё закончилось. Мне кажется, кто-то из них ещё жив и при этом не сбежал.

– Полагаете, он за нами наблюдает?

– Да.

– Но зачем?

– Не знаю.

Немного подумав, Эйи сказал:

– Знаешь, ты останься тут на всякий случай, ненадолго, а я быстренько проверю несколько мест.

– Может, мне пойти с Вами?

Эйи смерил его взглядом.

– Я не буду говорить, что ты еле на ногах стоишь, потому что это не так. Но всё же постой тут.

Лоренсу ничего не оставалось, кроме как согласиться.

Однако далеко Эйи отойти не успел. Из-за ближайшего куста на него обрушилось подобие ударной волны, возникшей из ниоткуда и так резко, что он даже не успел защититься. Почувствовав страшную боль в голове, он потерял сознание.

Лоренс мгновенно сорвался с места, намереваясь сначала уничтожить злосчастного человека, скрывающегося за кустом, а потом уже попытаться помочь Эйи. Однако пока он бежал, человек сам выдал себя. Из-за куста вышла хрупкая девочка лет десяти, с большими синими глазами и густыми чёрными вьющимися волосами, подстриженными под каре и

перехваченными на лбу подобием ленты.

Тут у Винтерхальтера произошел сильнейший за всю его работу в организации когнитивный диссонанс. Да, перед боем его предупреждали о том, что ни о какой жалости не может быть и речи, если представители группировки и прибегают к хитрости, то её важно тут же распознать и пресечь беспощадно, поскольку по-другому с ними нельзя – себе же хуже. Но он как-то не предполагал, что на их стороне может сражаться... ребёнок?

– Стой на месте, иначе сдохнете оба, – громко проговорила девочка.

«Ну, в этом я сомневаюсь», – подумал Лоренс, а вслух сказал:

– Я не собираюсь нападать. Ты можешь уходить – все ваши перебиты. Но если попытаешься что-то сделать, мне придётся это пресечь.

Девочка рассмеялась; Винтерхальтер поёжился.

– Боюсь, пресечь ты это не сможешь, – сказала она, – но я не собираюсь ничего делать, не для того тут осталась.

– А зачем ты *это* сделала? – он выразительно указал на Эйи, изо всех сил скрывая волнение.

– Испугалась. Он подошёл слишком близко. Перенервничала. А зря. Не так-то это было и сложно.

– Конечно – исподтишка, да ещё и обессиленного человека... Долго он так пролежит?

– Не знаю, может, и не долго. Голова только потом болеть

будет.

«По крайней мере, он жив», – облегло Лоренса. Затем он спросил:

– Чего тебе нужно?

Девочка ответила вопросом:

– Это правда, что вы работаете на бога?

Вопрос был настолько ошеломляющим и настолько невинным, что Лоренс молчал, как рыба, наверное, с минуту. Наконец ответил:

– Не знаю, – он пожал плечами. – Я всего лишь заместитель заместителя главы организации, и мне никогда ничего не говорят. Если бы у них был устав, это правило, пожалуй, стояло бы под номером 1...

– А мне скажут?

– Не знаю... Ты что, хочешь пойти туда? Не думаю, что это хорошая идея. Знаешь, шла бы ты лучше домой...

– У меня нет дома.

– А родители у тебя есть?

– Какие-то есть, наверное, но я их не знаю.

– Ты давно работаешь на этих... кхм... на эту группировку?

– Недавно. Но мне у них не очень нравится. К тому же, они чуть не убили меня, узнав, что я убила несколько их людей.

– Но зачем?

– Ну надо же мне на ком-то тренироваться. Они даже отпора нормального дать не смогли.

– И как же тебя оставили в живых?

– Ха-ха, а оказалось, что среди тех, на ком я тренировалась, были и ваши. Тогда меня научили их различать и попросили впредь «специализироваться исключительно на них».

Тут до Лоренса дошло, что он, кажется, нашёл того «террориста». И теперь он просто не мог оставить её тут; с другой стороны, не натворила бы она чего-нибудь, приведи он её в организацию...

– Мне нужно видеть главу организации, – сказала девочка так настойчиво и уверенно, будто это было в порядке вещей.

– Зачем? Тебе не удастся её убить, поверь.

– Какой ты глупый! Мне и не нужно её убивать, мне просто нужно убедиться, что слухи верны, и тогда я буду работать с вами.

– С какого перепуга я должен тебе верить...

– Но тебе же всё равно каким-то образом нужно привести меня туда, разве нет? – её глаза хитро сверкнули. – Вам ведь наверняка было интересно, кто убивал ваших людей, наверняка вас мучил этот вопрос, я слышала о том, что у вас даже были переговоры по этому поводу.

– Ну да... Чёрт, ну и что мне делать? – он настолько устал, что мозг не соображал.

Он сел на кусок наполовину вырванного пня и обхватил голову руками.

– Позови кого-нибудь для подстраховки, чтобы я точно

не смогла причинить никакого вреда, – подсказала девочка снисходительным тоном, улыбаясь.

– И то верно... Хотя, подожди. Все уже разошлись, да и какой смысл эксплуатировать уставших людей.

– Ты достал меня уже! Просто отведи меня туда и всё!!!

Затем, в сторону:

– А ещё элитой называются...

Однако Лоренс расслышал.

– Элитой? Действительно?

– Ну, не совсем так, это мой вывод. Нам вечно говорят, что вы снобы и лицемеры, и поэтому пощады вам давать нельзя.

«Вот у нас главный сноб, и тот без сознания лежит», – подумал Винтерхальтер, а вслух сказал:

– Надо же, забавно. Последнее требование я и сам неоднократно слышал. Ну да ладно, не будем об этом, – быстро проговорил он.

– Так ты отведёшь меня туда или как?

Лоренс долго смотрел в её глаза своим уставшим, полупустым взглядом, затем решил – «будь что будет». Во всяком случае, в организации смогут себя защитить.

– Чего уж там... Всё равно ведь не отвяжешься.

– Это верно.

Немного погодя девочка спросила:

– А с этим что делать будем? Всё ещё лежит.

Она подошла к Эйи и присела на корточки. Осторожно взяв прядь волос, стала её рассматривать.

– Эй, а ну кыш оттуда! – возмутился Винтерхальтер. – Думаешь, всё можно? Тебя правилам приличия учили хоть где-нибудь?

– Чего?.. – переспросила она, уронив прядь.

– А... Ладно, забудь. В общем, не принято трогать посторонних людей без их согласия, ещё и когда они без сознания валяются, понятно?

– Как правило, людям после встречи со мной уже всё равно, трогают их или нет, – невозмутимо ответила девочка.

Лоренс тяжело вздохнул. Теперь он особенно остро ощущал какое-то подобие чувства вины, или вернее, ответственности. По сути, виноват он не был. Но если бы он тогда пошёл с Эйи, то может, успел бы отразить эту волну... Как-то неудобно вышло. Ну да ладно теперь.

Ещё раз вздохнув, он подошёл к лежащему, взвалил себе на закорки и кивнул девочке.

***

В помещении находились четверо. Глава организации сидела напротив новоприбывшей «террористки» (её, как оказалось, звали Хэзел), задавая кое-какие вопросы, но больше думая и разглядывая её; сбоку сидел Эйи, недовольно болтая ногой, лежавшей на второй ноге, всем своим видом показывая раздражение; позади стоял Лоренс, слегка облокотившись о подоконник.

Как выяснилось, Хэзел действительно хотела перейти в организацию – по крайней мере, так она продолжала говорить. Но проблема заключалась в том, что нельзя было узнать наверняка, сколько правды содержится в её словах: эта девочка была полностью «непроницаема». Предпринимать какие-либо меры глава организации опасалась – поведение могло быть крайне непредсказуемо. Хэзел хоть и говорила доброжелательно, но в глазах ещё светилась вражда и даже какой-то страх.

Внезапно вошла Ита. Она ела леденец на палочке – красивый, разных цветов. Внимание девочки как-то мгновенно переключилось на конфету. Она продолжала говорить начатую фразу, но глазами неотрывно следила за Итой. Та довольно улыбнулась и спросила:

– Хочешь?

Хэзел поколебалась.

– А ты кто? – спросила она недоверчиво.

– Я – что-то вроде нейтральной стороны, – рассмеялась

Ита. – Раздаю леденцы даже тем, кто своим плохим поведением их не заслуживает.

На этих словах она достала из кармана ещё один.

– Дай сюда! – не выдержала девочка и выхватила конфету у неё из рук.

Провозившись с разрыванием упаковки, она вгрызлась в карамель своими острыми белыми зубками.

– Смотри, зубы не сломай, – улыбнулась Ита. – Ты что,

леденцов на палочке ни разу не ела...

Хэзел проворчала что-то в ответ, а когда была съедена примерно половина, медленно повалилась на кресло, на котором сидела.

– Не благодарите, – сказала Ита. – Это на полтора-два часа, можете спокойно лезть ей в башку. – Лоренс, а ты не хочешь? У меня этих конфет ещё много.

– Нет, спасибо, – он кашлянул.

– Да не бойся ты, остальные нормальные. Я же как-то ем.

– Не люблю сладкое, – он отвернулся.

Тут Эйи не выдержал:

– Зато я люблю!!! – он резко встал с дивана и, совсем как Хэзел, выхватил леденец из руки Иты.

Поблагодарив за помощь, глава организации хотела было приступить, но её прервал голос Эйи:

– Под трибунал бы тебя, Ита...

Это всё, что он успел сказать, прежде чем отключиться.

Ита рассмеялась, глава организации закатила глаза: «Детский сад, честное слово», Лоренс как-то особенно тяжело вздохнул.

Вечером того же дня все трое – за исключением Иты и Хэзел – собрались в той же комнате, решая, что делать с девочкой.

– У меня ещё ни разу не было подобных случаев, – сказала глава организации. – Обычно обращаются взрослые, а этой вот-вот 11 будет, даже школьного образования не по-

лучила... И в детский дом ведь не сдашь – натворит дел и сбежит.

– Полагаю, – начал Лоренс, – что следовало бы действительно оставить её в организации; если бы кто-то согласился её удочерить...

– Да, мне тоже это кажется наиболее разумным. Других вариантов, что с ней делать, я не вижу.

Тут Эйи подошёл к главе организации и что-то быстро шепнул ей на ухо, с трудом подавляя смех. Её лицо мгновенно приобрело преувеличенно-сердитое выражение; со словами «это тебя я на органы сдам» она дала ему пощёчину, слегка задев кожу ногтями. Прокричав сквозь смех «оно того стоило», Эйи выбежал из помещения.

Глядя на изумлённое лицо Винтерхальтера, она сказала:

– Не обращай внимания, это он так развлекается. Пока не получит свой «подарок», не успокоится.

– И часто он так делает?..

– Не очень, только при эмоциональном перенапряжении. Но ты такое с ним делать не вздумай, – добавила она со смехом, – без руки останешься.

– Да знаете, сколько у меня уже было поводов...

Она сочувственно похлопала Лоренса по плечу.

***

Как обычно, после подобных событий всем участникам

давался длинный выходной для восстановления. В один из этих дней Эйи и Лоренс встретились по просьбе последнего.

– Мне нужно с Вами поговорить, – начал он.

– Да?

Лоренс собрался, выдохнул и сказал:

– Если Вы не сделаете что-нибудь с «рядами смерти», я...

– Что? – Эйи смотрел заинтересовано и с улыбкой.

– ... я всё-таки расскажу об этом главе организации.

Повисла тишина.

– Причина? – поинтересовался Эйи мгновенно переменявшимся тоном, заставившем Винтерхальтера внутренне вздрогнуть.

– Мне кажется, причина очевидна. Вы даёте людям непосильные задания, хотите от них то, что они заведомо не смогут выполнить. А также... – он лихорадочно вспоминал, что ещё хотел сказать; все аргументы как-то выветрились из головы. – А также, они могли бы много чего добиться, выжив! Они могли бы изменить своё мнение, у них было будущее! Это, выражаясь Вашими понятиями, – он кашлянул, – трата ресурса.

– Это не мои понятия, Лоренс.

– Тем не менее, порой Вы ведёте себя так, будто и Ваши тоже. Вы не пробовали вещать им с трибуны, что они все сдохнут – пошли бы они тогда на это, а?!

Тут Эйи рассмеялся. Успокоившись, он ответил:

– Пробовал, Ларри, пробовал, – несколько секунд он про-

сто смотрел на переменившееся лицо Винтерхальтера, а потом продолжил. – Мы вместе с одним человеком проводили подобие эксперимента – интересно было понять психологию этих фанатиков. Я вышел и прямо им сказал, что они все умрут, что это не игрушки, что их возможности расходятся со стремлениями, и так далее, и тому подобное, и в общем, ребята, я вас предупредил. Видел бы ты их изменяющиеся лица. Мало того, что они восприняли это как вызов – у них ни на секунду не возникло мысли о том, что можно отказаться от своих намерений – так ещё и стали обвинять меня в малодушии.

Он многозначительно посмотрел на Лоренса. Тот ответил: – А если вообще, ничего... не говорить?..

– Но они ожидают, что ты что-нибудь им скажешь. Да и вообще, должны же они увидеть своё руководство в лицо хоть раз. Без явного авторитета они тоже, знаешь ли, опасны бывают.

– Но... почему так?

– Пойми, Ларри. Им по любому нужно растратить энергию. Эти люди, может, всю жизнь посвятили своему фанатизму; ты что, хочешь их разочаровывать? Я не говорю, что в других условиях они были бы такими же. Нет. Но мы все здесь в конкретных условиях, которые вполне определённо на нас влияют; они сами выбрали для себя этот путь. Лучше будет, если они будут заниматься экстремистской деятельностью? Или может, пополнять ряды той группировки? А ещё

лучше будет, Ларри, если после каждого сражения мы будем терять действительно важных людей, которые годами совершенствовались свои навыки, и явно не для того, чтобы случайно погибнуть раньше времени от рук каких-то подонков!

– Вы говорите...

– Я говорю о многих. Да зачем далеко ходить – о тебе, об Ите, о множестве людей, которых ты пока не знаешь, но которые представляют огромную ценность для будущего.

Винтерхальтер помолчал, а затем сказал, как бы извиняясь:

– Вы не говорили мне раньше об этом эксперименте, да и вообще об этом всё... Я не мог догадаться сам...

– Да ничего, Ларри. Это хорошо, что ты задаёшься такими вопросами и что ты возражаешь. Я много о чём тебе сразу не говорю в том числе и потому, что мне нужно, чтобы ты обладал критическим мышлением.

– Что ж, пока что всё идёт успешно, – Лоренс нервно усмехнулся. – Только после каждого проявления этого критического мышления Вы разговариваете со мной так, будто хотите убить на месте.

– Я просто не люблю критику в отношении себя, – Эйи натянуто улыбнулся. – Ах да, и спасибо, что напомнил. Я как раз хотел купить себе новую ленточку.

В другие несколько дней они сняли небольшой дом в отдалённой альпийской деревне – Эйи давно просил Лоренса

научить его стрелять. А узнав, что Винтерхальтер неплохо ездит верхом, тот теперь приставал ещё и с этим.

В один из вечеров Эйи сидел на подоконнике у открытого окна и сушил волосы; Лоренс делал какие-то наброски карандашом.

– По правде говоря, – сказал вдруг Эйи, – меня часто посещает мысль о том, чтобы закончить всю эту вражду разом. Я имею в виду... мы могли бы заключить договор с той группировкой, что-то вроде примирения с принятием их условий. Когда все их планы были бы приведены в исполнение, мы могли бы просто медленно уничтожить их всех изнутри, а затем и обычных людей. По-моему, было бы проще...

Винтерхальтер отложил рисование, и, немного подумав, сказал:

– А Вам не приходило в голову, что за всё то время, пока люди работали бы на нас, большая часть привыкла бы и просто отказалась бы менять положение?

– Ты действительно думаешь, что такое возможно?.. – спросил Эйи с сомнением. – Я об этом как-то не подумал. Ни один из тех, кого я знаю, не способен на такое...

– Что ж, адекватные всегда остаются, но меньшинству будет очень трудно что-либо изменить.

Какое-то время они просидели в молчании – слышались только шелестение карандаша о бумагу, звук расчёски, натывшейся на спутанные волосы, и позвякивание колокольчиков на шеях у коров, пасшихся неподалеку.

Тут Эйи спросил, улыбаясь:

– А что, Ларри, ты по-любому пошёл бы за мной, что бы я не предпринял?

Лоренс снова отложил лист. Он взял со стоящей рядом тумбочки забытый хозяином дома флакон с распылителем для опрыскивания цветов, подошёл к Эйи и брызнул в него водой несколько раз. Тот стремительно соскочил с подоконника, прыгая и отфыркиваясь:

– Зачем ты это сделал?!

– Я пошёл за Вами даже в этот ад, Вы думаете, у меня есть выбор?

– Выбор всегда есть, он у тебя и тогда-то был, разве нет?

На это Винтерхальтер снова распылил на него воду; Эйи не выдержал и выпрыгнул в окно – первый этаж, а до двери бежать долго. Лоренс прыгнул за ним, не выпуская из рук флакон.

– Ты не можешь избавиться от всех своих проблем таким образом! – кричал на бегу Эйи сквозь смех. – А вот и не догонишь, я всё равно быстрее!

Солнце уже зашло за горы. В сумерках по полю бежали две фигуры.

Глава 4. Армия побеждает, Главнокомандующий сдаётся

*So many days we've spent together,
Trying to get ahead with our dreams.
Now we have come to the goal forgotten,
Hurting within left us torn.*

[...]

*I won't give up, we'll fight to win,
To move along from where we'd been,
I'll sing this song for you again.
I'm looking up around the bend -
We're so much stronger than before,
Our fraying edges on the mend.*

Epica "Our Destiny"

*Inhale the strength to play,
Blow barricades away.
This universe implodes,
Reality unloads.
Find yourself a thousand worlds,
Pick the one that suits you most.
Will a choice put you at ease?
Than grab your chance to slay the beast.
Keep searching for your destiny,
And you will find all that will set you free.
Keep moving onwards endlessly
To evolve and become one,*

One piece.
Epica “Ascension – Dream State Armageddon”

Много воды утекло с момента первого боя Винтерхальтера; за это время ему довелось побывать на многих заданиях. Отношения с начальством, кажется, налаживались – он научился понимать Эйи с полуслова; они чаще стали проводить время вместе, и тот наконец более-менее научился стрелять. Он ещё прицепился с просьбой научить его немецкому – «всегда хотел, но не доводилось» – и вскоре между собой они уже говорили по большей части на этом языке – утверждение Эйи о том, что он схватывает всё на лету, оказалось не лишённым смысла.

Этим утром солнце взошло, как обычно. Мёртвое, безразличное. Выкатилось красным шаром из-за горизонта и осветило собой такой же мёртвый и безразличный мир.

Глава организации сидела в сквере у фонтана, на её густые распущенные волосы то и дело ложились падающие сверху с дерева лепестки цветов.

– Вам нехорошо? – спросил стоящий рядом Эйи. – Вы выглядите так, будто что-то случилось. Что-то ужасное.

Она улыбнулась.

– Да нет, Эйи. Я даже не знаю, как это расценивать. Но мы, оказывается, сражаемся против призрака.

Эйи насторожился.

– Что вы хотите сказать?

– Создатель этого мира мёртв.

Повисла тишина. На фоне был слышен чей-то смех и говор проходивших людей; мимо пролетела пара бабочек. Эйи ошарашенно спросил:

– Но... разве такое бывает?..

– Мне тоже казалось, что нет.

– Но как они тогда... существуют?

– Похоже, по инерции. Знаешь, когда закрутили что-то, и оно не может остановиться. И продолжает вертеться в беспорядке, выживая, как может...

– Вы хотите сказать, он... просто кинул их всех?

– Выходит, что так.

– И давно...?

– Очень давно, Эйи.

– Но это же... неправильно...

Теперь Эйи сидел на камне, обхватив руками голову.

– Выходит... это всё зря было?

– Нет, не зря. Просто нам можно было не осторожничать и не растягивать это.

– Вы хотите сказать... – в глазах Эйи блеснула надежда.

– Да. Полагаю, следует закончить это.

Однако закончить это не удалось. Несколько дней спустя враждебной группировкой была объявлена война. Никто не понял, совпадение ли это было, знали ли они вообще обо всём – но им явно не терпелось поскорее обрести мировое

ГОСПОДСТВО.

– Я вообще не вижу смысла в этой войне. Что за бред! На глазах у людей разворачивать эту бойню? – глава организации сидела, приложив руку к лицу.

– Но нам, я так понимаю, мало что остаётся.

– Что ж, я думала над тем, что нам остаётся. Меньше всего мне хотелось бы начинать это всё.

– Ну Вы же понимаете, что на переговоры они не пойдут, – улыбнулся Эйи.

– Понимаю.

– Послушайте, Ваши чувства мне ясны. Но у нас есть все шансы на победу.

– Да ты осознаёшь, насколько это глупо?

– Осознаю. Но у нас все их терпеть не могут, боюсь, они бы не разделили Ваших чувств...

Она глубоко вздохнула.

– Что ты намереваешься делать?

– Я считаю, нам следует по-быстрому с ними разобраться.

– По-быстрому... Это хорошо бы...

***

– Немыслимо! – возмутился Эйи. – На что они надеются? Они же просто привлекут ненужное внимание! Да и шансов у них нет...

– Я бы так смело это не утверждал, – осторожно сказал

Лоренс. – Никогда не стоит недооценивать врага.

– Да я тебя умоляю... Устраивают какой-то цирк.

– Вряд ли они устраивали бы это просто так. Они же тоже не совсем поехавшие. Стало быть, у них есть какой-то план. Я ведь правильно понимаю, что в случае победы они рассчитывают сделать людей своими рабами?

– Ага. Ну это ты у Иты спроси, она больше знает. Думаю, если постараемся, удастся справиться с ними за несколько недель.

Но нет, за несколько недель справиться не удалось. И у этого, впрочем, были причины. Во-первых, люди организации не успели проанализировать внезапно нагрянувшее событие и теперь не вполне понимали смысл дальнейшей борьбы. Да, группировка была помехой полному уничтожению, но есть ли разница теперь? Многие были не прочь попросту покинуть это место. Разлад и неопределённость не могли противостоять той уверенной ярости, тому самодовольному отчаянию, исходившим от людей группировки. Кажется, Винтерхальтер был прав и у них действительно был серьёзный план, который, впрочем, выяснить пока что не удалось.

Эйи порядком надоело выслушивать неутешительные доклады почти что ежедневно; это всё походило на какой-то бредовый сон. Этого попросту не могло происходить – но это происходило.

Ясно было одно – если они продолжат одерживать победу за победой, всё закончится весьма плачевно. С этим что-то надо было делать.

***

Длинный чёрный стол отливал под лампами холодными голубоватыми бликами. Все места были заняты; люди сидели сосредоточенно, кто-то с отсутствующим выражением, кто-то с еле-еле читающимся отчаянием на лице, кто-то был напряжён. Все без исключения держали спины прямо, как штыки, будто предчувствуя, что что-то должно произойти.

Эйи медленно прошёл к своему месту во главе стола; сзади шёл Лоренс. Вид его хоть и был непроницаемым, но всё же читалась какая-то подавленность. Дойдя до своего места, Эйи глубоко вздохнул, окинул всех взглядом, прокашлялся и начал:

– Итак, я пришёл сюда сказать, что вы все... идиоты.

Вся фраза была произнесена медленно, но последнее слово – ещё медленнее, чем остальные, и было выделено интонационно. Он снова окинул взглядом присутствующих. На лицах появилось негодование, пока ещё всё-таки тщетно скрываемое; пара-тройка людей смотрела сочувственно.

Если первая фраза была сказана спокойно, то продолжил он уже в резко приподнятом тоне, так, что остальные невольно вздрогнули. Выражение лица Винтерхальтера было ка-

менным.

– Вы что вообще себе позволяете, а? Я спрашиваю – что вы себе позволяете?! У меня слов подходящих нет, да у кого бы они нашлись, эти слова, когда элита ведёт себя хуже псов из группировки!

Он сделал небольшую паузу, затем продолжил:

– Что с вами со всеми происходит? Вы не в состоянии справиться с кучкой ублюдков?! Как же вы раньше с ними справлялись, я вас спрашиваю? Во всех ваших докладах я не вижу ни одной объективной причины, по которой вы бы не смогли победить, ни одной! Отсюда я делаю вывод, что у вас просто способности отсохли, или же вы с этими заодно, ну другого объяснения я просто не вижу!

Один человек резко встал, кинул на Эйи бешеный взгляд и проговорил сдавленным голосом:

– Если Вы пришли сюда нас оскорблять, я этого не потерплю. Следите за словами...

Он не успел договорить, потому что в следующий момент его чуть приподняло за глотку и отбросило к ближайшей стене. Кажется, от удара он потерял сознание.

– Не нужно меня перебивать. Это у *вас* ещё ко мне претензии?!

Люди насторожились; кто-то порывался было тоже встать, но в итоге сдержался. Негодование и презрение стали уже не скрываемыми; про себя Эйи это с удовлетворением отметил. Однако также он видел, что большинство уловило волну и

теперь с интересом ждёт продолжения. Он внутренне усмехнулся.

– Вы, те, кого я считал лучшими, внезапно превратились в подонков, которые не в состоянии справиться с какими-то отбросами, просто шелухой, которая мешает на пути, неужели для вас это теперь *проблема*?!

После небольшой паузы, сделав большой вдох и сверкнув глазами, он продолжил:

– Скажите, пожалуйста, я когда-нибудь до этого повышал на вас голос?

Он приподнял бровь и в тишине ожидал ответа; его, однако, не последовало – люди не знали, как себя вести. Тогда он спросил громче, хлопнув от раздражения по столу:

– Орал я на вас до этого или нет?! Что, уже ответить не в состоянии?

Какая-то женщина ответила твёрдым голосом:

– Нет, не орали. И не вижу смысла орать сейчас. Ситуацию это не исправит.

Эйи посмотрел на неё яростно, но замечание проигнорировал.

– Верно, не орал. И уверен, это сказал бы каждый из вас, если б вы не проглотили все свои языки. Я мало того, что никогда на вас не орал – считаю это самим собой понимающимся – но и старался всячески поощрять вас, а уж вспомнить про то, как я забочусь о вашем благополучии во время боя – заботился, точнее... Вы правда совсем ничего не по-

нимаєте? Ничего?..

Он посмотрел на всех даже каким-то растерянным, но многозначительным взглядом.

– Это всё, конец игры в войнушку. Закончилось то замечательное время, когда мы – я имею в виду в теории – имели хоть какое-то право на поражение. Сейчас – всё. Я настоятельно призываю вас. Те, кто до сих пор играет в игры, кто до сих пор не воспринимает это всерьёз, кто до сих пор дерётся для развлечения, а не насмерть – покиньте наши ряды. Даже если это будет большинство. Я не хочу продолжать этот позор. Либо сдавайтесь – он резко повысил голос – и дайте всему миру увидеть, какое вы ничтожество, неспособное делать что-либо не ради собственной выгоды, – люди посжимали кулаки; казалось, ещё немного, и кто-то снова заговорит, – либо сражайтесь в полную силу, так, чтобы на кону были жизнь и смерть – сейчас иного для вас быть не может! Я не буду говорить драться до последнего, поскольку если вы всё-таки соберётесь, вам не придётся проигрывать. Слышите? Я обращаюсь к тем, кто выберет остаться. Я не знаю, какой процент из присутствующих это решит. И, повторюсь – всё так же никто никого не заставляет воевать. Просто раз уж решили, то делайте это достойно. Не хотите – свободны; не пнёте себя сами, вас, опять же, выпинывать не будут. У нас не такие методы – зачем нужно насилие, ха-ха. Вы же не бараны все тут!

Он запрокинул голову и нервно рассмеялся.

– Так вот, я отвлёкся. Те, кто решит остаться и сражаться уже по-серьёзному – можете даже не предполагать возможное поражение. Конечно, я, скорее всего, сейчас говорю в пустоту, но... Вы не можете проиграть.

Он обвёл всех взглядом и сверкнул глазами.

– Тем более, сила на нашей стороне. Как и правда. По крайней мере, так было...

Он опустил голову; повисла пауза. Один из сидящих спросил, уверенным, хоть и подрагивающим голосом:

– А могу я узнать, почему Вы взяли на себя полномочия главы организации?

Эйи прищурился.

– Простите, что? Вы это о каких таких полномочиях?

– Высшего командования, – человек всё ещё смотрел твёрдо.

– А с каких это пор главе организации надлежит командовать армией в экстренной ситуации?

– Ну...

– А с каких это пор она должна разбираться с тем, с чем вы разобраться не в состоянии?

– Но...

– С каких пор она должна этим заниматься, м-м? Слушай внимательно. Мне она дала право на всю эту чепуху. И так было всегда. А в тебе, я так понимаю, заговорили страх и желание воспользоваться чужими силами?

– Не то что бы... – человек уже жалел, что начал.

– Или же... Ты считаешь, что я плохой руководитель, только потому, что вы не в состоянии нормально выполнять свою работу?

– Я просто...

– Ладно уж, договаривай.

– Хотел убедиться, что Ваши действия правомочны.

Эйи вздохнул и медленно приложил руку к лицу. Затем так же медленно отнял её и тихо сказал:

– И на этих людях держится вся организация... И жизни этих людей я изо всех сил сохранял для этого момента...

Он стоял, опершись о стол, смотря в его чёрную непроницаемую поверхность. Тут сквозь тишину пробился отчаянный голос:

– А кто может знать наверняка, сохраняли Вы наши жизни или же заботились о собственной шкуре?

Это сказал какой-то довольно молодой человек; очевидно, ему хотелось как-то ответить на оскорбления. Остальные посмотрели на него неодобрительно – в его словах не было смысла, к тому же часть особо проницательных людей уже с интересом ожидала развязки.

Эйи резко поднял прямое, спокойное лицо.

– Подойди.

Человек поколебался, однако затем быстро встал и агрессивной, подпрыгивающей походкой приблизился к Эйи. Они пару секунд смотрели друг другу в глаза; затем Эйи размахнулся и дал ему пощёчину, так, что тот пошатнулся.

– И тебе ещё наглости хватает мне такое говорить. Да ты же сам ко мне приползал, когда у тебя силы кончились, ты думаешь, я вас не запоминаю?

Оправляясь и потирая щёку, человек, кажется, раздумывал, ответить ли ему чем-то. Затем он всё-таки решил не отвечать – не очень хотелось занять место лежащего у стены, который, кстати, очнулся и теперь непонимающе озирался по сторонам. Кинув на него мимолётный взгляд, Эйи внутренне вздохнул с облегчением.

– Может, кто-то ещё считает, что я спасал собственную шкуру?

Никто так не считал; все смотрели либо прямо перед собой, либо на Эйи; напряжённая тишина отражала малейший шорох и даже хруст пальцев Винтерхальтера на заднем плане, который решил, что если уберёт руки за спину, то можно хрустеть спокойно.

– Больше желающих высказаться или задать вопросы нет? – спросил Эйи, оглядывая всех, горько улыбаясь.

Тишина была гробовая. «Хрусть».

– Знаете, теперь даже не представляю, что с вами делать... Не то чтобы я пришёл сюда с какими-либо надеждами, но всё ещё хуже, чем я думал... Вы не способны, вы просто не хотите. Пожалуй, я.. – он сделал паузу. – Я не в состоянии командовать... этим...

Он снова уронил лицо в ладонь, постояв так какое-то время, затем резко поднял голову, посмотрел на всех твёрдым

взглядом и сказал:

– Я складываю с себя полномочия Главнокомандующего. Делайте что хотите.

По помещению прошёлся взволнованный шепоток. Многие пытались разглядеть за Эйи лицо Лоренса, чтобы хоть как-то уловить обстановку – он был непроницаем: лицо каменное, будто выточенное, в почти неподвижных глазах отражаются холодные блики.

Руки Эйи после этих слов беспомощно повисли; он, казалось, собирался развернуться и уйти, но на повороте вдруг закрыл рукой лицо и опёрся другой о стол. Плечи его слегка затряслись.

– Это невысказано, просто невероятно... Всё это время... Все эти усилия... Да вы хуже людей! Эти хоть насмерть сражаются, если прижмёт, не говорю уж о том, что условия у них гораздо хуже. Всё это время... я доверял кучке предателей...

Он резко отнял руку от лица и задрал голову кверху.

– За что мне это всё, а? Ну скажите, за что мне наблюдать, как вся моя жизнь и деятельность скатились к чертям по вине каких-то нерешительных придурков? Которые даже не осознают, что это не только моя жизнь скатилась к чертям – это они и сами туда катятся, за что же вы до этого боролись, за что вам люди доверяли, о, да это же бесполезно...

Он уже не скрывал слёз и говорил срывающимся голосом. Затем, наконец, повернулся и медленно направился к выходу. Люди сидели на местах, и только когда Лоренс развер-

нулся, чтобы уйти за ним, один человек встал и сказал:

– Я ухожу с Вами.

Эйи повернулся с надеждой в лице; в нём также, если приглядеться поближе, можно было уловить довольство собой.

– Но ты ведь даже не знаешь, куда я ухожу и что собираюсь делать, – сказал Эйи.

– Мне всё равно, – ответил тот. – Хоть я и не лучше других, но я согласен с Вашими словами и не желаю больше оставаться среди остальных, если они намерены продолжать в том же духе. Мне противно.

Проходя мимо Винтерхальтера, человек спросил:

– Вы позволите?

Лоренс кивнул в сторону Эйи; тот сказал:

– Что ж, благодарю за преданность и здравый смысл.

Ещё несколько человек поднялись с мест и молча проследовали за троими.

Когда дверь закрылась, с места вскочила та самая женщина, ответившая в начале на вопрос Эйи, положила руки на стол и заговорила яростным, приглушённым голосом:

– А вы что сидите, идиоты?! Хотите командования лишиться? Он самый сильный человек в организации, не считая главы, которая, впрочем, участие принимать вряд ли собирается – но это не важно; вы что, думаете, с вами *эти* церемониться будут? Да им что мы, что люди – мы даже хуже...

– Вы полагаете, я не в состоянии сам себя защитить? — холодно спросил кто-то из сидящих.

– Ты? – взвилась на него женщина. – Да как ты сам себя защитишь против этой орды? Не выйдет тут извлечь выгоду, ничего не делая! Будешь на поводке у кого-нибудь из этих ходить, в одной конуре с человеком жить и молить небеса, чтоб тебе дали кусок еды!

– Попрошу Вас заткнуться, – зло осклабился тот.

– Я дело говорю, паршивый ублюдок!

– А вот это уже лишнее.

Между говорящими пролетело подобие молнии; началось немое противостояние – никто не мог одержать верх, силы были примерно одинаковы.

– Господа, не стоит здесь ссориться. Стоило нам выйти, вы уже поцапались. На улице бы хоть, что ли... А то поломаете тут всё.

– Что Вам здесь нужно? – спросил один из конфликтующих, сверкнув глазами на внезапно вошедшего Винтерхальтера. Тот ответил:

– Да так, забыл кое-что. Ах, вот оно... – он поднял с пола ручку. – Прошу прощения за беспокойство, уже ухожу. И ещё раз настоятельно рекомендую покинуть помещение, а то вам помогут.

Он повернулся и направился к выходу.

– Стойте, я с вами! – сказала женщина, теперь только защищаясь. Её противник, в свою очередь, медленно ослабил хватку, затем и вовсе прекратил атаку.

– И я, – сказали сразу несколько человек.

– Не желаю закончить свою жизнь позорным суицидом или пожизненным пленом.

– Всё он правильно сказал – это только наши проблемы, и нам их решать. Иначе кому? Смертникам, что ли?

– Да чтоб меня ещё раз назвали идиотом, подонком и так далее...

Лоренс с удовлетворением отмечал, как всё больше людей поднималось со своих мест. Вскоре сидящих и вовсе не осталось – разве что человек, начавший перепалку с той женщиной, и тот, другой, у стены. Винтерхальтер подошёл к последнему и вежливо поинтересовался:

– Вам нужна помощь?

– Спасибо, – хмуро буркнул тот, – я сам.

– А как Ваша голова, не болит уже?

– Не болит. Благодарю.

– А соображать, случайно, лучше не стали? — поинтересовался Лоренс с улыбкой, про себя удивляясь, как же легко перенять манеру того, с кем работаешь.

– Да пошли Вы нахрен, честное слово, – отмахнулся человек.

– Ну, как знаете. Сами дойти до выхода в состоянии, или, может, помочь?

Не выдержав, человек стремительно встал и, слегка шатаясь, направился к двери.

Винтерхальтер обратился к другому человеку, оставшемуся сидеть за столом:

– Вы у нас, если не ошибаюсь, командовали 18-ой армией в Восточной части?

Лоренс назвал того по имени; тот кивнул.

– Что ж, спешу Вас обрадовать: с этого момента Вы полностью в своём распоряжении. Удачи Вам в самозащите, и всего доброго.

Человек смотрел на Лоренса глазами, полными ненависти; лицо его было белым, как полотно. Затем он быстро встал, процедив «честь имею», и так же быстро вышел.

***

После этого случая пошло как-то получше, однако не решающе.

– Я ни черта не понимаю!!! Мы каждый день убиваем их пачками, а они всё не кончаются. Да и, мне показалось, они гораздо лучше драться стали, уже считай и нам ровня, простите меня за такие слова...

– Это так, – проговорила Ита. – Я ещё ни разу не получала ранений, а тут на тебе – еле восстановилась.

– М-да, надеюсь, Хэзел удастся что-либо выяснить.

– Точнее, подтвердить мою догадку, – хмуро сказал Лоренс.

– Это ты о чём? – спросил Эйи.

– Да не иначе как всё это время они создавали специальные отряды для этой войны – не исключая, что там и без

клонирования не обошлось.

– Пф-ф, да невозможно, – протянула Ита. – Они у нас были как на ладони. К тому же зачем им тогда было до этого высовываться?

– А может, командование и не было в курсе, – прищурился Лоренс.

– Ты хочешь сказать, – спросил Эйи, – что они не являются одним целым и у них нашёлся какой-нибудь супер-умный ублюдок или несколько, которые всё это сотворили? В таком случае, мы стоим на пороге кошмара, если проиграем.

– Да что раньше времени догадки строить, – недовольно проговорила Ита.

«Всё-таки неправильно, неправильно, неправильно это, когда целый мир оставлен на произвол!» – лихорадочно думал Эйи.

Хэзел отправили в разведку по той причине, что её бы никто не подозревал – свидетелей её перехода на сторону врага не было, да и не следили они за этим особо – некому было. А уж её умению скрывать мысли даже глава организации поразила.

Предположение Лоренса подтвердилось почти в точности. Изначально предполагалось, что все эти люди из группировки, участвующие в войне сейчас, будут кем-то вроде владельцев нового мира – их было не очень много. Их не посылали в бой, сохраняя для будущего. Однако затем, видя, что по-

ражения неизбежны каждый раз, осознавая, что так будет и дальше, кто-то, пока группировка проигрывала снова и снова, начал работать над настоящей, подготовленной армией. Этот кто-то знал, что решающее столкновение неизбежно. И приготовления были самыми серьёзными, в то время как ничего не подозревающие люди организации занимались своей обычной деятельностью. Это была неравная война.

– Эйи, вынужден сказать, что, если ситуация не изменится, мы обречены.

– Понимаю. Но если мы просто сдадимся, они сделают из нас то же, что и из людей – если позорно не убьют, конечно. Я уже начинаю подумывать о том, о чём рассказывал тебе как-то – насчёт заключения мирного договора и последующей скрытой войны.

– Есть ещё другой выход.

– В самом деле?.. – Эйи посмотрел на Лоренса усталыми глазами, в которых мелькнула надежда.

– Боюсь, он Вас шокирует. Но обстоятельства таковы, что самое время привлечь третью сторону.

– Третью?.. Ты про...

– Я про людей. А точнее, про их технику. Вы не можете отрицать, что это с большой вероятностью сыграет решающую роль!

– Я думал над этим. Но на то, чтобы эту технику заполучить, тоже понадобятся силы, которых у нас нет.

– Именно поэтому я предлагаю Вам заключить с ними договор.

Эйи нервно заходил по комнате, покусывая губы и перебирая пальцами.

– К тому же, – продолжил Винтерхальтер, – сложившаяся ситуация не оставляет людям выбора.

– Да не можем мы заключать такие позорные договоры!!! – в отчаянии закричал Эйи. – Да я их ненавижу почти так же, как этих... К тому же, – он поправился, – мы ведь планировали уничтожить их после войны.

– После победы, Вы хотели сказать, – улыбнулся Лоренс.

– Ты предлагаешь немислимые вещи! – воскликнул он.

– А то, что наши люди умирают, Вас не смущает?!

– Мы не можем заключать договор с врагами!!!

– Гораздо лучше потом с ними же работать на победителей.

Эйи остановился. Несколько секунд он смотрел в окно; потом как-то съёжился, снова выпрямился и проговорил сквозь зубы:

– Ты не знаешь, о чём говоришь. Ты не можешь идти против того, что должно случиться. Это не ты решаешь, и не я. К тому же, это наша война, а не их. Их судьба уже давно решена, если их собственному создателю до лампочки! – последние слова были произнесены довольно агрессивно; Лоренс понял, что разговор окончен.

Долгое время ситуация не менялась. Противник брал количеством; сначала люди организации попросту пришли в отчаяние, затем осталось злое безразличие. Казалось, они сражались по инерции – агрессивной, безнадёжной. Никто даже особо не задумывался над тем, сколько шансов у них есть на победу.

Ситуация немного изменилась, когда однажды Эйи получил от Иты срочные данные. По её словам, в рядах врага начало появляться некое волнение. Связано это было с тем, что те, не совсем лишённые мозгов, стали подозревать командование в неискренности. По их плану, после победы должно было образоваться некое мировое государство с людьми в качестве рабочей силы без каких-либо прав. Однако не могли все оставшиеся в живых после войны люди из группировки быть на равных, к тому же зачем? Руководство вряд ли потерпело бы для себя конкурентов, а чем больше людей, претендующих на господство, тем выше риск конфликтов.

Было ещё кое-что, кое-какая отличительная черта тех, кто шёл работать в группировку. Поскольку по большей части это были люди с поломанной психикой, им хотелось для себя лучшего будущего – чего-то вроде отплаты за предыдущие неудачи. Им вечно казалось, что они исключительные и достойны большего. Последняя черта была в определённой степени присуща всем тем, кто обладал способностями, но разумным людям хватало здравого смысла доказывать свою исключительность реальными действиями или же, при от-

сутствии такой возможности, скрывать её.

Именно из-за этих особенностей малейшее подозрение могло перерасти в настоящий протест. Люди группировки не соглашались на меньшее, чем полноценная, неограниченная власть.

Зная об этом, Эйи не раз с усмешкой думал о том, что, предложили бы ему в прошлой жизни участвовать в их деятельности, он бы пошёл охотно. Но, к сожалению, тогда он был слишком жалким, и не мог бы ничем быть полезен.

«Да всё равно! Зато сейчас...» – каждый раз он обрывал себя таким образом. Хотя – что уж скрывать – у него и сейчас ненароком проскакивали мысли о том, что программа врага как-то привлекательнее, а главное, интереснее. Он не прочь был бы поучаствовать в чём-нибудь таком; но у него задача не жизни впустую растрачивать, а освобождения добиваться. Хотя в последнее время Эйи казалось, что до него далеко, как от Земли до Бетельгейзе.

В общем, получив информацию, Эйи посмотрел на Иту с мгновенно посветлевшим, полным надежды взглядом; та уже смотрела подобным образом на него. Было решено всячески усиливать недовольства во вражеских рядах, распространяя ложную (а может, и не совсем) информацию при помощи шпионов. Найти достаточное количество было проблематично – сейчас в боях участвовали все.

***

В последнее время Эйи редко общался с главой организации наедине – не хватало времени – но иногда такое всё же случалось. В очередную из этих встреч Эйи в отчаянии спросил:

– Ну почему Вы не можете остановить уже это наконец и сделать так, чтобы мы победили? Это ведь мы правы, а не они, это ведь в Ваших интересах!

Она ответила:

– Ты сам знаешь, почему я не могу вмешаться. Вы с ними – одно, просто в силу условий стали заклятыми врагами. Пойми, я этим их не оправдываю, но нельзя отдавать кому-то предпочтение только потому, что сильнее кого-то любишь.

«Скорее, меньше ненавидишь...» – мрачно подумал Эйи, а вслух сказал:

– Но Вам ведь самим нужна наша победа, так ведь? Тогда мы запросто покончим с этим местом, и все наконец будут счастливы.

– Да, то, что касается восстановления вселенского порядка – моё дело, но ваши проблемы – никак нет. Только вы вправе их решать. И что это ты вдруг, раньше тебе вроде нравилось, когда я оставляла всё, что касается этого, на твоё усмотрение. А как прижало, так всё...

– Я просто не хочу лишних жертв.

– Я тоже не хочу лишних жертв. Но войну придумала не я. С таким же успехом ко мне мог обратиться любой человек из группировки, что тогда делать прикажешь...

«Да не говорила бы она так, если б не знала, что мы победим», – успокаивал себя Эйи.

***

Пропагандистская деятельность людей организации в лагере врага давала свои плоды. Сама эта идея была искрой, от которой вспыхнул настоящий костёр; а почва для искры была уже подготовлена. Началось с отказа людей воевать до выяснения правды и установления точных условий; затем стали вспыхивать восстания против командования; а затем они и вовсе разделились на две части. Хотя, была и нейтральная сторона – это были те, кто считал всю эту суматоху вражеским заговором – но их было мало, и они не были популярны в силу того, что такая позиция не предполагала чётких действий.

А потом произошла и вовсе забавная вещь. Само собой разумеется, что во время всех этих разногласий организация одержала несколько крупных побед. Командование группировки начало полагать, что это должно как-то образумить воюющих и прекратить внутренние споры для отражения внешней угрозы. Однако они недостаточно хорошо знали собственных людей. Когда те увидели, что враг имеет пере-

вес, то стали... массово переходить на его сторону.

Это были, разумеется, те, кто был против командования. Но таких было немало.

Позже даже Эйи удивлялся, насколько быстро они меняют свои принципы, а также тому, насколько сильно в этих людях желание насолить тем, кто задел их чувство собственного достоинства.

Людей организации даже не пришлось убеждать в необходимости воевать в одном ряду с новоприбывшими. Конечно, большая часть руководящего состава не могла не поглядывать на тех с презрением – но без открытой демонстрации.

– Нет, ну надо было мне дожить до этого события, чтоб воевать вместе с этими!.. Кто бы мне об этом раньше сказал... – смеялась Ита.

– Да ладно, зато весело. К тому же большинство из них хочет воевать только против своего командования – тем лучше, не придётся рисковать жизнями наших.

С каждым днём разлад в рядах группировки усиливался. Помимо двух основных сторон появилось множество мелких образований на любой вкус; в основном это были неорганизованные экстремисты, не имевшие даже чёткой цели. Все они медленно подтачивали верхушку, на которую, как гром на дерево, обрушивались удары организации.

Удивительно, но воевали люди из группировки вполне исправно. Иногда казалось – а Эйи знал это наверняка – что им

просто нужно направить на кого-то или что-то волну ненависти, и чем ниже, абсурднее будут пути, тем лучше. Предательство собственного командования – уже отличная почва, а уж волю действий им давали полную. Удивительные всё-таки это были люди.

У Эйи от сердца отлегло, когда война наконец приобрела русло. Теперь всё зависело от разумного распределения сил, и с этим проблем не было.

В один из дней Эйи получил сообщение от руководства группировки. Это было неожиданно – не были они любителями переговоров. Он как-то заранее заволновался, и, как выяснилось, правильно сделал.

Командование организации теперь воевало в полном составе, и Винтерхальтер не был исключением, как, кстати, и Эйи – было бы преступно не использовать столько силы. Но, как известно, силы не бесконечны. И если человек дотягивает до последнего, то становится очень уязвимым. В общем, Лоренса взяли в заложники и требовали в обмен выдать предателей, сменивших сторону. Зачем – не уточнялось, да впрочем, это было и не важно.

Несколько секунд Эйи стоял, сжав кулаки. Первое, что его удивило, это уверенность людей группировки. Они требовали столько за одного человека. Стало быть, были хорошо осведомлены. А если они так уверены, то стоит разрушить их надежды.

Но сначала, естественно, нужно было выяснить местонахождение Лоренса. Позже, вспоминая эту ситуацию, Эйи удивлялся тому, что, получив известие, ничего не чувствовал. В голове мгновенно начал строиться план действий – наряду с другими планами – они тянулись, как цепочки: какие-то спереди, какие-то позади них...

К тому же Эйи ни на секунду не сомневался – можно сказать, даже не задумывался над этим вопросом – что Винтерхальтер может за себя постоять. Это позже он стал предполагать, что вообще-то с человеком в плену может случиться всё что угодно, и занервничал.

– Возможно, мы могли бы пойти на компромисс. Неизвестно, что они там с ним могут сделать, а у нас каждый человек на счету. Если мы отдадим им половину, то много не убудет – мы считай уже победили.

– Вы слишком оптимистичны и противоречите сами себе, – прищурился Эйи. – Мы не можем рисковать этим сейчас, когда всё уже почти что решено. Мы не должны поддаваться на их провокации.

– Но Вы рискуете потерять ценного сотрудника, когда ситуация позволяет этого избежать.

– Это Вам кажется, что позволяет. Будто они оставят его в живых, если изначально будут намереваться убить! Что бы мы ни сделали, они сделают по-своему. Вы меня поражаете.

– Я согласен с Вами, – вмешался третий человек. – Мы не можем рисковать тем, что недавно приобрели. Тем более,

если нет гарантии, что наши уступки хоть что-то дадут.

Видя поддержку, Эйи внутренне вздохнул с облегчением. «Во всяком случае, – думал он, – если нам удастся убедить их в бесполезности их действий, Ларри им будет без надобности».

– Вы действительно считаете, что мы ради одного человека будем жертвовать жизнями тысяч? Что за бред вообще. Не тот случай. Незаменимых людей, знаете, не бывает.

– М-да-а, вот Лоренс-то обрадуется, – протянула присутствовавшая там Ита.

– Ну он же не дурак... – буркнул Эйи.

Теперь он надеялся на две вещи: что ему удалось убедить их в абсурдности и неэффективности их действий, и что Лоренс как-нибудь продержится до того момента, как его освободят, если не освободится сам.

В общем-то, все понимали, что эта попытка была последним, отчаянным шагом. Разведка быстро кинулась устанавливать местонахождение Винтерхальтера – можно даже сказать, с двойным рвением.

Можно было этого и не делать. Штаб остатков командования был взят, Лоренса нашли там же, в подвальном помещении, живого.

В эти дни Эйи как-то не особо вспоминал о нём – победа уже была у них в кармане, оставалось только добить выживших из тех отделившихся групп.

Винтерхальтер какое-то время был в госпитале – почти что исключительное явление; Эйи не знал, что с ним конкретно. Навестить его там постоянно не хватало времени – сейчас он носился в приподнятом настроении, когда напряжённое ожидание собственной и общей неудачи прошло. Да и не хотелось беспокоить Лоренса – пускай придёт в себя.

Вскоре тому стало получше, и он стал потихоньку возвращаться к работе. Самому себе в том не отдавая отчёта, Эйи нервничал перед тем, как впервые увидиться с Винтерхальтером после плена.

Лоренс вошёл в помещение медленной, будто неуверенной походкой. Почему-то Эйи сразу отметил, что освещение здесь какое-то неправильное – волосы заместителя обычно были почти белоснежными, а тут в них обнаруживались какие-то сероватые пряди... «Так, возьми себя в руки и не отвлекайся. Просто скажи то, что должен». Но он сказал другое.

– Прости, что так долго. Мы старались найти тебя изо всех сил. Зато теперь уже победа в наших руках наверняка – осталось немного.

Эйи с надеждой заглянул Лоренсу в глаза, ничего в них не увидев.

– Это радует, – ответил тот. – Благодарю Вас за то, что послали за мной разведку.

– Ты что, как мы могли поступить иначе!

Эйи подошёл к Винтерхальтеру, намереваясь взять за руку; он не мог не заметить лёгкой усмешки, пробежавшей тонкой тенью по его губам. А затем рука Эйи коснулась пустого рукава, который податливо качнулся, выскользнув из ладони.

В этот момент сквозь тело Эйи будто прошёл электрический разряд. Совершенно неосознанно он отскочил, смотря на Лоренса полными ужаса глазами; несколько секунд он не мог говорить. Позже он удивлялся, почему это произвело на него такое впечатление, при том, что ему так часто приходилось видеть – и не мог найти объяснения. Наконец он выдал из себя: «Прошу, давай поговорим позже», – и выбежал из комнаты, прекрасно осознавая, как ужасна и в то же время комична данная ситуация.

Вечером, дождавшись более-менее тихого момента, Эйи зашёл к Лоренсу – тот теперь имел право на отдых: силы нужны были для заживления руки, точнее, того, что от неё осталось.

– Можно?.. – спросил Эйи, тихо постучав в дверь.

– Разумеется, входите! – услышал он через несколько секунд.

Эйи робко вошёл, смотря на Винтерхальтера каким-то беспомощным взглядом. Тот встал с кровати и спросил, случилось ли что-то чрезвычайное. У Эйи хватило сил только на то, чтобы отрицательно помотать головой. В следующий момент он упал на колени, сотрясаясь от беззвучных рыда-

ний. Лоренс не успел ничего сказать.

– Ларри, я не мог поступить иначе, ну не мог, пойми! Просту... нет, можешь не прощать...

– Но Вы ведь действительно не могли поступить иначе... Это необходимость... – выдавил из себя Лоренс сквозь какой-то транс.

– Ну хочешь, отруби мою руку!!! – взвыл Эйи и, не дав Винтерхальтеру вставить слово, схватился за его ноги.

– Ларри, правда, мне было очень-очень плохо и мерзко всё время, пока ты был там! Но иначе... иначе мы и надеяться на победу не могли бы, мы сделаем тебе самую лучшую руку!!! – рыдания снова не дали ему говорить; не ослабляя хватки, он низко опустил голову.

– Ты... ты всегда такой хороший, правильный... ты столько всего делаешь! А я в ответ – ничего... только негатив... Прости-и меня-я, Ла-ар-ри-и-и!!! – последние слова Эйи провыл, разрыдавшись в голос.

«Всё-таки война выматывает психику любого, кем бы человек ни был», – подумал Лоренс. Он прекрасно знал любовь Эйи к притворству и игре – тот не гнушался разыгрывать театр тут и там. Но в этот раз Винтерхальтер бы ни за что не подумал, что это фальшь.

В нём теперь соседствовало сразу несколько чувств. Когда испуг от неожиданности прошёл, он был невероятно растроган, хоть и понимал, что большую роль здесь играет нервное перенапряжение. Вместе с тем Лоренс – питая при этом

отвращение к самому себе – не мог не чувствовать определённое удовлетворение, которое, впрочем, для себя же попытался скрыть. И, конечно же, он ощущал необъяснимую жалость по отношению к Эйи – который теперь почти что свернулся в комок – и это постоянное желание защитить, которое, впрочем, во многом выработалось должностью.

«М-да, теперь я и правда особенный: кто ещё может похвастаться тем, что у его ног лежал Главнокомандующий...» – подумал Винтерхальтер, тут же дав себе мысленную оплеуху.

– Прости меня, Ларри, такого больше не повторится, обещаю-ю!!! – Эйи уже, казалось, не соображал, что говорит.

Лоренс аккуратно присел – так, чтобы не сильно задеть руки Эйи, – затем легко провёл ладонью тому по спине и проговорил:

– Ну, тише, не беспокойтесь Вы так, пожалуйста. Это был Ваш долг, Вы его выполнили. Всё нормально, они ведь не убили меня.

Эйи поднял на него глаза.

– Так ты...

– Вы не виноваты. Прошу, успокойтесь, – он неуверенно погладил Эйи по голове. – Вы перенервничали. Всё в порядке.

Немного затихнув, Эйи привстал и обнял Лоренса за шею. Своей единственной рукой тот обхватил Эйи в ответ, думая о том, насколько же необычна эта ситуация, и смутно предчув-

ствуя, что такое вряд ли ещё когда-либо повторится. К тому же всё это было настолько непривычно для Винтерхальтера, что тот действительно был ошарашен. Ему вдруг захотелось взять это плачущее, подавленное создание на руки, но – какая жалость! Одной из них не хватало.

Поэтому Лоренс просто сидел, обдумывая момент. А затем произошло нечто ещё более невероятное: руки Эйи как-то медленно соскользнули вниз и повисли, голова стала тяжелее, чем обычно. Лоренс проверил – и правда: тот уснул.

«Пресвятая Вечность, вот же цирк с конями...» – подумал Винтерхальтер. Это позже он узнал, что Эйи мог легко заснуть при людях, которым полностью доверял, точнее, только при главе организации. А сейчас он, насколько это позволяла одна рука, переложил того на кровать.

Буквально через несколько дней была объявлена победа. Радость была неопишуемая – хотя это и ожидалось, всё же не только Эйи в какой-то момент был готов к худшему.

– Эйи, как себя чувствуешь? – спросила глава организации.

Он не сразу нашёл, что ответить.

– Да если честно... поразительно. Я был уверен, что не может что бы то ни было, в чём я принимаю участие, закончиться хорошо.

– Смотря за что и за кого сражаться, – рассмеялась она.

Перешедшие на сторону организации люди из группиров-

ки ходили немного пришибленные, не зная, радоваться им или нет. Как ни странно, некоторые из них за это время успели завести знакомства с бывшими врагами – естественно, среди низших рангов, поскольку руководство предпочитало делать вид, что тех не существует.

Тут Эйи придумал, чем занять этих несчастных. Вражеское командование ранее было оставлено в живых, и это оказалось дальновидным решением. Он знал, что его люди вряд ли захотят марать руки о разборки с руководством группировки, а вот эти, новоприбывшие – охотно.

«Будет им утешительный приз, – думал Эйи. – Заодно весело, в кои-то веки расслабиться можно».

Глава организации идею не оценила: «Отвратительно, Эйи, что ты за создание такое»; большая часть командования отнеслась к этому довольно равнодушно – победили, и ладно; некоторые оценили, например, Ита: «Слушайте, да это же отличная идея, лучше и не придумаешь! Мне, пожалуйста, место в первом ряду».

Поскольку людям из группировки не было дано полной свободы в выборе казни – иначе их фантазия вряд ли остановилась бы на чём-то – командование было решено перевешать. Эйи эту идею одобрил: «Никогда не видел повешенных людей».

Некоторая часть сотрудников организации отказалась на этом присутствовать: «Делать вам нечего, что ли»; кто-то пришёл из уважения; глядя на лицо некоторых вроде Иты,

можно было легко задаться вопросом, почему человек не захватил с собой попкорн.

У Винтерхальтера рука не отлипала от лица – он тоже придерживался мнения, что это исключительно ненужная показуха. Однако он присутствовал.

Когда осуждённых вывели, взгляд Лоренса остановился на одном из них и не отрывался. Эйи это заметил и спросил, в чём дело. Лоренс поколебался, а затем многозначительно указал на отсутствующую руку. У Эйи в глазах загорелся огонь; он стремительно подошёл к тому человеку. Их разговор слышно не было, но было отлично видно, как лицо осуждённого медленно бледнело, пока совсем не стало, как полотно, а часть лица ещё и задёргалась.

Винтерхальтер стоял-стоял, потом всё-таки подошёл к Эйи, взял его за рукав и тихо сказал:

– Послушайте, не нужно. Меня стошнит, если Вы это делаете.

Тот посмотрел на него растерянно, сделал обиженно-недовольную мину и сказал, картинно пожимая плечами:

– Ну, как хотите. Ваше мнение – закон.

Человек, видимо, не услышал, о чём они говорили, потому что у него вырвалась на волю подступающая истерика – он явно узнал Лоренса, и теперь умолял просто повесить его, как и остальных, взывая к человечности.

«Да я же не такая скотина, как ты, – сквозь зубы сказал Винтерхальтер, смотря человеку в глаза. – Отхрипи уж своё,

дерьма ты кусок».

***

Когда командование группировки отболталось в петлях, а погребальные костры погибших из организации отгорели, пришла пора покончить со всем необходимым и покинуть, наконец, это место.

Глава организации поблагодарила всех сотрудников за прекрасную работу, предложив несколько альтернатив на будущее. Они могли либо выбрать полное освобождение, либо начать уже следующую жизнь в одном из наиболее развитых, благоприятных для любой формы существования миров.

– Конечно же, приглашаю в мой собственный мир. И мне так будет проще, и вам гарантированы нормальные условия – дальше уже всё зависит от вас самих, и как раз нам сейчас люди с энтузиазмом не помешают, – сказала она со смехом: уж слишком комично и неестественно это звучало.

Проблемы возникли у Иты и у Эйи.

– Чёрт, ну и задачку Вы мне задали, – протянула Ита. – Не знаю даже, какая роль мне в Ваших идеальных мирах подойдёт...

– Это не проблема, – улыбнулась глава организации. – Ваша личность претерпит изменения – это пока Вам кажется нереальным иной образ жизни.

– Ха-ха, да я вот и не знаю, осталась ли эта личность во-

обще... Я так упорно пытаюсь от неё абстрагироваться, что она там, пожалуй, сдохла.

– А окончательное растворение личности Вас тоже не устраивает, я так понимаю?

– Да как-то... Не знаю... Нет пока...

– Понятно. Вам ведь нравится соперничество, война, доминирование?

– Ну, в том числе...

– В таком случае могу Вам посоветовать один из миров, откуда я родом. Там Вы сможете прекрасно реализовать эту свою сторону.

Ита задумалась.

– А гонки там есть? – спросила она чуть погодя.

– Разумеется, сколько хотите – самых разных видов, – улыбнулась глава организации. – Да там вся жизнь – сплошное соревнование.

Глядя на раздумья Иты, она со смехом добавила:

– Да не волнуйтесь Вы так, у Вас ведь будет совершенно другое тело. Повеселитесь, обещаю. Впрочем, выбор за Вами.

Эйи подошёл к главе организации слегка вальяжной походкой, голова чуть приподнята, выражение лица крайне самодовольное.

– Что ж, было очень приятно с Вами работать, – начал он. – Я конечно мог бы сказать, что мне будет Вас не хватать, но поскольку меня самого, кхм, не будет, я так говорить не

могу...

– Зануда ты всё-таки, Эйи.

– Какой есть, – он картинно поклонился. – Полагаю, теперь Вы не отвертитесь, так ведь?

– И ты не передумал? – спросила она недовольно. – Вон сколько людей наш мир повыбирало, и правильно сделало.

– Мне не нужен рай, – тихо и серьёзно сказал Эйи. – Мне нужны покой и небытие.

– Ну, право твоё... – проговорила она задумчиво.

Тут в разговор вмешался Лоренс. Его тон удивил Эйи – всегда такой спокойный и сдержанный, сейчас он будто взорвался.

– А обо мне Вы подумали, а? Нет, я, конечно, ни к чему не призываю – кто я такой вообще, да так, просто никто, просто ошибка, но куда-то меня деть-то надо, правильно ведь? – казалось, ещё чуть-чуть, и у него начнёт дёргаться глаз.

– Да не беспокойтесь Вы так, – глава организации посмотрела на него с удивлением. – Вам на выбор предлагается столько миров для самореализации – да хоть в наш, может, в кои-то веки на котах полетаете, раз на самолётах не слишком удалось... кхм, впрочем, простите, это я не со зла, а к тому, что у Вас есть все шансы реализовать Ваши способности в полной мере.

– Ах да, благодарю Вас. Я бы только хотел разобраться с одним ма-аленьким вопросом...

– Лоренс, Вы полноценная личность. Даже не думайте.

Эйи слышал их разговор. Он подошёл к Винтерхальтеру и положил ему руку на плечо.

– Ларри, не смей беспокоиться об этом. Ты прекрасный человек, у тебя много жизненных сил и талантов – ты обязательно найдёшь себе место, самое лучшее место. Твой путь только начинается, и я искренне желаю тебе успехов.

Тут глава организации зевнула и как бы невзначай проговорила:

– Да, Лоренс, Вы же, помнится, хотели помощником жреца быть когда-то давно... Чего Вам в помощники? Становитесь сразу жрецом! Вы просто отлично показали себя, и я полностью в Вас уверена.

– Жрецом? – Винтерхальтер округлил и без того большие глаза, как он любил это делать до войны. – Вы думаете... я бы смог?..

– Конечно, а почему нет, – ответила она выразительно. – К тому же, – она снова зевнула, – у жреца остались те же функции, что и были – это значит, что в случае угрозы Вы защищаете планету, грубо говоря.

Эйи всё это время стоял, покусывая губы.

– Но это я так, просто предлагаю, – добавила она небрежно. – Подумаешь, какой-то там жрец; да кому это надо вообще, а, Эйи?

Тот кинул на главу организации взгляд, полный откровенной ярости.

– Вы на что рассчитываете? – зло спросил он. – Сказал

– хочу освободиться; и точка. К тому же я уже успел пресытиться тем миром и вообще каким бы то ни было миром. Отстаньте от меня все!

– Да пожалуйста, это без проблем, чего ты так занервничал-то, – ответила она, улыбаясь краем губ. – Только вот на счёт пресыщения ты это напрасно – мы за это время успели неплохо отстроиться. Мне казалось, видения оттуда могут поднять тебе дух, да и разве тебе не интересно войти наконец в то здание? – она посмотрела на него очень хитро.

– Так эти сны... с белыми-белыми высоченными постройками и так далее... это были видения?.. – спросил Эйи ошарашенно.

– Эйи, милый, тебя что, контузило? – спросила она ласково.

– Да как я должен был догадаться?! – воскликнул он недовольно. – В любом случае, меня этим не привлечёшь...

– М-м, как жаль. А мне так нужны были талантливые люди для отражения внешних угроз...

Эйи изгрыз все губы и перешёл на ногти.

– Лоренс, Вам как, нравится такая перспектива?

– Мне нравится такая перспектива только в качестве заместителя Эйи, – сказал Лоренс твёрдо и в то же время с лёгкой улыбкой, поймав волну.

– Напрасно стараетесь, – отрезал Эйи, у которого внезапно начался экзистенциальный кризис. – Оставьте меня, пожалуйста, одного.

Эйи ушёл в поле и проходил там весь день. Он не понимал, почему глава организации с такой неохотой признаёт – если вообще признает – его право на освобождение. Он ведь столько ждал этого и так исправно работал – мог бы вообще-то забить на всё и творить, что вздумается. А она вела себя так, будто это всё пустое, будто его могла привлечь жизнь где бы то ни было.

Лучи закатного солнца, пока ещё оранжевого, били в глаза. Эйи лёг в траву и смотрел в небо; изредка в поле зрения попадали покачивающиеся цветы маков. Почему-то он подумал о том, что лучше бы напоследок он лежал так в своём родном мире. Впрочем, какая уже разница. Он прикрыл глаза и блаженно улыбался. Наконец-то. Неужели.

***

– Ита, а куда Лоренс подевался? Только что же здесь был, мне с ним поговорить нужно было, – сказала глава организации.

– А, да Эйи как только ушёл куда-то, он за ним побежал на всех четырёх... Ах да, то есть, на всех трёх...

– Вы главное при нём так не скажите, – рассмеялась она.

– Да нет, конечно нет, – ответила Ита. – Лоренс неплохой человек, не хочется его как-то задевать. А что Вы, кстати, хотели у него узнать? Может, я чем помогу, – она хитро

сверкнула глазами.

– Да так, хотела спросить, как именно он лишился руки. Необходимо знать, понимаете ли, на что они вообще могут быть способны.

– А, ну это просто, – зевнула Ита. – Он говорил, до него там какой-то псих докопался. Увидел, что тот ответить ничем не может, и давай издеваться. Началось с обычных оскорблений – у того, видимо, с начальством какие-то проблемы были, как и с головой, ха-ха. А потом стал руки распускать. Ну у Лоренса мозгов не хватило молча сидеть – хотя, вряд ли бы это помогло – а тот, конечно, только этого и ждал. В общем, в конце тот разошёлся по полной: сидит, улыбается, потом как достал пистолет, в руках покрутил, а затем Винтерхальтеру в руку стрельнул. Реакция Лоренса ему, видно, жутко понравилась, поскольку потом он с короткими интервалами стрелял примерно в то же место. Скажет – стрельнет. Ну потом ему, наконец, надоело, и он ушёл – сказал, «кофе выпить». Но вернуться к своему занятию он, к счастью, не успел. В общем, рука Лоренса держалась на соплях, и пришлось её ампутировать.

– Понятно...

– Уж не знаю, как именно тот ублюдок собирался продолжить, – Ита пожала плечами, – поэтому не думаю, что Вам эта информация много даст.

***

Внезапно Эйи почувствовал чьё-то присутствие, а потом услышал и шелест травы. Нехотя он привстал.

– О, Ларри, привет. Чего ты за мной бегаешь? И как ты меня нашёл? Следишь, что ли?..

– Не смешите... – ответил Винтерхальтер. – Мне нужно с Вами поговорить.

– Можешь, конечно, говорить, – зевнул Эйи, – но если это по поводу... впрочем, неважно. Говори, я послушаю.

Лоренс присел рядом.

– Я сразу предупреждаю, что ничего не собираюсь навязывать. Вы можете отнестись к моим словам скептически – это чисто моё мнение, и я хотел бы его высказать.

Эйи посмотрел ему в глаза, кивнул и как-то немного снисходительно улыбнулся.

– Я давно за Вами наблюдаю, – начал Лоренс, – и мой вывод – повторяю, исключительно мой – что Вы не до конца изжили себя, чтобы получить освобождение.

– Ха-ха, Ларри, ну не надо, а? Что за наивность? Думаешь, я не чувствую твоё желание извлечь для себя выгоду? Говори прямо, зачем эти обходные пути.

– Про то, что касается личной выгоды – как Вы выразились – я в конце скажу, – твёрдо ответил Винтерхальтер. – А пока что выслушайте нормально – мне недолго осталось Вас

собой доставать.

– Ну зачем так-то... Ладно, ладно. Продолжай.

– Первое, что я хочу донести – несмотря на то, что Вы ведёте себя так, будто Вас всё достало и уже ничем не заинтересовать, в Вас есть некий внутренний огонь...

«Он говорит совсем, как Она», – подумал Эйи.

– ...этого нельзя не заметить. Думаете, я не вижу этого – когда Вы, скажем, говорите что-то перед людьми? Разве можно не заметить это ощущение единства в Ваших глазах, желание быть лидером? А думаете, я не чувствовал, как болезненно Вы переживали смерть кого-либо из Ваших подчинённых, и думаете, я не видел, что даже по отношению к тем фанатикам Вы чувствовали боль и ответственность? Я сейчас Вас ни в чём не уличаю, – быстро сказал он, поймав выражение лица Эйи, – просто говорю то, что считаю истинным. И, даже если это не является правдой на самом деле... Вы не можете отрицать, что одна из важнейших ценностей для Вас – причастность. Вы может и не любите общество, но Вам важно чувствовать себя на месте – как, кстати, и мне, но об этом потом. Вы преданы Ей – но Ваша преданность проявляется ещё и во взаимодействии с другими. Она говорила о том, что нашему миру нужны люди с энтузиазмом. Разве Вам не хочется видеть, как Ваша страна – условно назовём это так – развивается, становится лучше, процветает, наконец? Что может быть приятнее, чем отождествление себя с чем бы то ни было, что имеет будущее и вызывает вос-

хищение? Разве Вам не хочется принять участие в построении этого будущего, да в конце концов – просто пожить в хорошем месте после этого недоумения? Вы всегда теперь успеете исчезнуть; не надо обманывать себя и меня тем, что Ваш мир Вам безразличен. Вам предлагают аж два неоченимых блага: чувство единства и причастности и возможность защищать то, что дорого и имеет право на будущее. Разве Вы не об этом всё время мечтали? Даже не думайте говорить, что нет.

– Мечтал. Но я боюсь ответственности.

– Но под Вашим руководством – в том числе – была выиграна война!

– Сам знаешь, что это ничего не значит. Там было много других факторов.

– Даже если и так. У Вас талант есть. К тому же, я всегда готов Вас поддерживать. И, переходя к этому... – он чуть помедлил, затем продолжил. – Именно Вы стали тем, благодаря кому я чувствую себя на своём месте. Вы знаете, что я всегда был кем-то отдельным, я не чувствовал общности, как и особой индивидуальности – негде и незачем было проявлять какие-либо способности. Вы не только вдохновили меня их раскрыть; и тогда, и сейчас, всегда – Вы были для меня светом, который вёл меня, чем-то вроде ориентира. Что бы Вы, скажем, делали, если бы Она внезапно исчезла, оставив Вас на произвол?.. Но это я так, к слову. Эйи, я не могу существовать без Вас. Но это, – он кашлянул, – никак не связано

с предыдущей частью. Это просто то, что я всегда хотел сказать и на всякий случай говорю сейчас, чтоб Вы знали напоследок. И, поймите – я не хочу, чтобы Вы жили и страдали. Я просто знаю, что есть места, которые дали бы Вам возможность жить в полную силу. И вот уже после этого ни у кого не возникнет сомнения в Вашем праве на освобождение, а главное – у Вас самих, – Лоренс посмотрел Эйи в глаза.

– Ларри, почему ты такой, а.. – медленно и как-то растерянно проговорил Эйи.

– Не знаю, – ответил тот. – Возможно, это моя роль.

Эйи долго, долго смотрел ему в глаза, будто стараясь запомнить таким, какой он есть сейчас. Затем они встали и не спеша пошли назад; Эйи шёл спереди, спиной чувствуя, как Лоренс идёт следом.

***

Напоследок люди из организации решили провести время вместе.

Эйи со смехом и даже с каким-то удовлетворением отметил, как Ита, уже не вполне трезвая, увлечённо болтала с каким-то бывшим представителем армии группировки, а Хэзел, судя по всему, играла с кем-то в догонялки, бегая между людьми с заразительным смехом. Она, кстати, выбрала тот же мир, что и Ита. Будущее этой девочки явно было многообещающим.

В толпе Эйи заметил того самого человека, которого как-то отбросил к стене.

– Вы уж извините, что так получилось, – сказал Эйи. – Часть представления; Ваше замечание туда, мягко говоря, не вписывалось; зато дальнейшее отлично вписалось.

– Да я уже понял, – рассмеялся человек. – Как сказал Ваш заместитель, у меня после этого, знаете ли, и правда мозги на место встали.

– Вы отлично сражались, как и многие; ещё раз благодарю за прекрасную работу.

– Рад был стараться, честное слово!

– О, вот вы где! Ну наконец-то, я думала, вы и не придёте... – Ита подбежала к Эйи и Лоренсу. – Эйи, ты мне его не одолжишь на время?

Винтерхальтер кинул на того взгляд.

– Что ты на меня смотришь, иди давай! С тобой мы наговориться ещё успеем; я к тому же ещё с парочкой людей увидаться хотел...

Ита почти мгновенно утащила Лоренса за руку, по пути воодушевлённо спрашивая:

– Слушай, Ларси, ты танцевать умеешь?

Округлив глаза, он отрицательно помотал головой.

– Ха, да это не проблема, это я так, на всякий случай спросила – тебе по-любому придётся. Пошли, я знаю одно отличное место!

– Будто ты умеешь!..

– Я умею, несчастный – несколько лет этим занималась. Да я уверена, у тебя прекрасно получится...

Встретившись со всеми, с кем хотел, и вдоволь наболтавшись с людьми из группировки – «как же удобно, что мы теперь не враги» – Эйи решил пойти к главе организации.

Была уже глубокая ночь. Эйи не составило труда найти Её – между ними была особая духовная связь.

Увидев Эйи, Она улыбнулась и сделала приглашающий жест руками.

Он лежал, положив голову на Её колени; Она медленно, заботливо проводила рукой по его голове, по спине. Эйи давно так не делал; каждый раз это приносило блаженство и покой, не сравнимые ни с чем.

Прежде, чем окончательно провалиться в сон, он успел не без страха подумать о том, что же ждёт его впереди, и, не без головокружительной радости, о предстоящем возвращении домой.

Эпилог

*A place which I have searched a thousand times
To finally free myself.
Forever wasn't ever long enough,
I will refrain.
I feel a passion washing over me
To shed the skin I'm in.
This evolution will empower me,
Now truth begins [...]
It's a place where a wish will be granted -
Come, you'll see I'm right.
It's a force that will live on within you
Dark as day is light.
It's a place where your dreams will be slanted
And will always be...*

Epic “***Sancta Terra***”

Главная площадь упиралась в перспективе в величественное белоснежное здание с непроницаемо-чёрными элементами; всё оно, казалось, состояло из вытянутых ромбов и треугольников, и ощущение было, что некое стремительное движение застыло в такой форме, создав при этом симметричность. Белая плитка чуть ли не сверкала на солнце.

Эйи направлялся в сторону фонтана в сопровождении нескольких людей; там они должны были встретиться с представителем соседствующей с ними планеты, который только

недавно вступил в должность Главнокомандующего армией – этот статус считался у них выше статуса главы государства – и теперь, по сложившемуся обычаю и в собственных интересах, ему необходимо было встретиться со своим коллегой. Их планета и та, на которой жил Эйи, давно были связаны дружественными отношениями; какое-то время первые оказывали защиту и покровительство вторым.

«Но теперь-то в этом нет надобности», – довольно думал Эйи.

Представитель Империи уже ожидал их, слегка облокотившись о край фонтана. Он довольно необычно выделялся на белом фоне своей чёрной формой и такого же цвета волосами, которые, собранные на затылке и прихваченные резной заколкой, густыми волнистыми прядями спадали с плеч. Как того требовала необходимость, каких-либо предметов вооружения при нём не было, разве что у бедра был кинжал – это оружие считалось декоративным и частенько носилось жителями Империи в качестве украшения. В связи с этим у них сложилась одна глупая привычка – во время раздумий вынимать кинжал из ножен и покручивать в руке, что было порой крайне неуместно, скажем, на переговорах.

Поприветствовали друг друга кратким поклоном. Главнокомандующий имперской армией сказал:

– М-да, знаете, я хоть и в линзах, но всё же как непривычно, когда вокруг столько света и инородных цветов. Даже не представляю, как они раньше тут.

Поскольку цветовая гамма планет существенно различалась – в Империи пейзажи были красного цвета, и освещение было совершенно другим – людям, посещающим соседей, приходилось надевать специальные линзы, чтобы не повредить зрение при долгосрочном пребывании.

– Главное, что сейчас у нас есть возможность обладать независимостью, – улыбнулся Эйи.

«Потому, что теперь у нас превосходная армия. Особенно мои любимчики», – подумал Эйи не без удовольствия.

«Своими любимчиками» он называл искусственно созданный элитный отряд. История у этого образования была такая. Только вернувшись в свой мир и закончив бесконечные восторги, Эйи начал переживать за то, что это замечательное место может кто-то захватить – при том, что к этому времени армия уже существовала, и не какая-то там, а вполне конкурентоспособная. А затем, нанеся пару визитов в Империю, он понял, что – если как-нибудь теоретически это допустить – при военном столкновении преимущество всё ещё на чужой стороне. Что, впрочем, не являлось особо удивительным – вся история той планеты была историей войн и захватов, это стало частью культуры. Однако этот факт несколько не мешал Империи развиваться разносторонне в силу существования нескольких категорий населения, имеющих, в отличие от планеты Эйи, чёткие границы. Не означала их воинственность и того, что они были жестоки или ограниченны в мышлении. Война рассматривалась как оче-

редное средство самосовершенствования, имела свои правила и особенности.

Так вот, несмотря на беспочвенность всех своих опасений, Эйи всё же решил сделать так, чтобы полная безопасность была обеспечена. Впрочем, было ещё кое-что: интерес к искусственному созданию людей с возможностью внедрения нужных качеств у него был уже давно, а тут ещё Лайи, которому в прошлой жизни так и не удалось реализовать свои интересы в области медицины, решил наверстать упущенное. С заинтересованными людьми с необходимыми знаниями проблем не возникло.

Пока что этот отряд как таковой состоял всего из нескольких человек и долгое время считался «пробной версией». Однако те продолжали показывать отличные результаты, и было решено сделать это образование официальной частью армии – впрочем, секретной частью.

Вот и сейчас Лайи проводил время с ними, пока Эйи общался с представителем Империи. В данный момент они стояли на мосту над водопадом; свысока был виден горизонт. Заметив пролетающего вдалеке эио-ом, имперец спросил:

– Как сильно может разогнаться это животное?

– Достаточно сильно, особенно если вместе с человеком.

Однако испытывать их не стоит – они не всегда знают чувство меры, если ими управляешь.

– Что, могут сравниться и с нашими гонками?

– Да нет, не настолько, – улыбнулся Эйи. – Это ведь ис-

ключительно традиция, да и занимаются этим только жители племён.

– Но всё же – мне хотелось бы как-нибудь прийти посмотреть.

– Да пожалуйста, только это Вы уж с ними отдельно договаривайтесь, – сказал Эйи дружелюбно.

Потом, немного погодя, прибавил:

– Что, зрелища любите?

Имперец рассмеялся.

– Да знаете, есть такое... Кстати, по поводу зрелищ. Я был очень сильно впечатлён, узнав об одном из ваших праздников – я про Праздник Танцующих Огней. На мой взгляд, исключительное явление, если вы и правда делаете всё без подготовки.

– Раньше, насколько я помню, так и было, – ответил Эйи. – Сейчас – не знаю, я в настоящий момент живу в столице и не взаимодействую с племенами, но, думаю, нет причин, чтобы что-то серьёзно изменилось.

– Во всяком случае, это же очень интересно! – жёлто-оранжевые глаза собеседника сверкнули.

– Как бы с Вашим рвением наша культура и вовсе не стала интернациональной, – сказал Эйи, и оба рассмеялись.

Они долго ходили по разным местам и разговаривали – на удивление, большую часть времени на спонтанно возникающие темы. Первичное напряжение прошло, и Эйи удивлялся, насколько легко ему вести диалог с этим человеком. Про

себя он искренне желал тому удачи на новой должности. А ещё ему очень нравилось заглядывать в эти горящие, слегка хитрые глаза, которые он бы узнал из тысячи.

Закончив с запланированным на день, Эйи направлялся домой. Он до сих пор не мог привыкнуть к умиротворяющей, переполняющей собой всё вокруг тишине, которая царила на этой планете, добавляя ощущение сна. Причиной ей служило ещё и то, что люди почти не общались словами – разве что на каких-либо официальных событиях и встречах, вроде сегодняшней. В остальное же время мысли передавали телепатически – это не только быстрее, но и куда эффективнее: такой способ позволял избежать недопонимания и донести информацию в полном объёме.

У Эйи до сих пор время от времени возникали экзистенциальные кризисы – в таких случаях они с Лайи обычно медитировали вместе: тот оказывал на Эйи удивительно успокаивающее влияние. Сейчас не хотелось отвлекать его от работы; домой возвращаться тоже не хотелось. Эйи решил пойти подальше в горы – уже темнело, а ночью там была особенная атмосфера. Да и – кто знает – может, удастся призвать эио-ом.

Природа этой планеты всегда придавала его мыслям порядок и помогала справиться со смятением. Всё как-то отходило на второй план; он сам отходил на второй план, его будто и не было. Идеальное состояние.

Но сейчас всё было немного по-другому. Взорвавшись на дерево, плоды которого уже начали светиться синим в темноте, Эйи устроился так, чтобы видеть столицу вдаль.

«В глубине души я... я всегда с нетерпением ждал возвращения. Во время монотонного, всепроникающего отчаяния я вспоминал о тебе, как о рае, о месте, где меня примут. В моменты радости в моей голове возникал твой образ, дополняя и насыщая счастливые мгновения. И даже когда я не чувствовал совсем ничего, ты возникала в моей памяти, возрождая к жизни.

Я бывал во многих местах, но ни одно из них не сравнится с тобой. Твоя природа заставляет благодарить создателя за возможность воспринимать окружающий мир. Твои горные вершины с озёрами, над которыми покоится туманная дымка, захватывают дух и дарят силы для жизни и созидания. Твои бескрайние поля вселяют такой же простор и свободу движения в душу, их шёлковая трава колыхается под ветром, точно волны океана, а если лечь на неё, можно почувствовать себя будто в колыбели. Твои реки и водопады – хрустальная чистота, как кровь по венам они текут, наполняя тебя жизнью.

Ты – рай для жаждущих совершенства: любого изнурённого, обессиленного твоего сына мягко и радушно примет свет, разливающийся по камням священных пещер. Твои деревья, чьи ветви покачиваются на ветру, озаряют путь своим свечением тогда, когда мир погружается во тьму ночи.

Твои необъятные водные источники простираются до горизонта и разбивают волны о фиолетовую твердь прибрежных скал; собирающаяся на суше вода походит на серебряные зеркала.

Пролетая над тобой, по-настоящему понимаешь, что такое совершенство. И, конечно же, не может в таком месте жить недостойный народ. Результаты вашей деятельности почти что сравнимы с творениями природы – как и горы, остроконечные вершины светящихся белизной зданий рвутся в небо, захватывая дух. Вам чуждо разрушение; вы создатели, или же просто те, кто знает своё место и способен наслаждаться, наблюдая.

Я готов рождаться здесь снова и снова, чтобы видеть, как ты развиваешься, и делать для этого всё возможное. Я готов рождаться здесь снова и снова, чтобы защищать тебя от любой угрозы, любого посягательства на твои благополучие и свободу. Я готов родиться здесь ещё сколько угодно раз, чтобы наслаждаться и гордиться общностью с твоими людьми.

Я люблю тебя, Родина».